

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное Время

Scientific journal

Научный журнал

№ 4(32)

2022

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

4 (32)
2022

Научный журнал

Издаётся с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
В. П. Шалаев

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-59171 от 03.09.2014 г.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола)

Адрес учредителя и издателя: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3

Адрес редакции: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, каб. 426
Тел.: 8(8362)68-60-40, 8(8362)68-68-00. E-mail: sociotime@volgatech.net

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, публикующих основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и доктора наук (решение Президиума ВАК России при Министерстве образования и науки РФ от 23.03.2018) по следующим направлениям: 07.00.00 – Исторические науки и археология; 22.00.00 – Социологические науки; 09.00.00 – Философские науки.

Редактор русского текста *Н. М. Москвичева*
Компьютерная вёрстка *В. В. Хренков*

Подписано в печать 10.05.2023. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,85. Тираж 500 экз. Заказ № 1651.
Дата выхода в свет: 17.05.2023. Цена свободная.

Поволжский государственный технологический университет. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3.
Отпечатано в ООО «Вертола». 424004, г. Йошкар-Ола, ул. Льва Толстого, 45.

Перепечатка или воспроизведение материалов номера допускаются только с письменного разрешения редколлегии.

© Поволжский государственный
технологический университет, 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шалаев Владимир Павлович, д-р филос. наук, проф. (Йошкар-Ола) – главный редактор
Дахин Андрей Васильевич, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Ильин Владимир Иванович, д-р социол. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Лепский Владимир Евгеньевич, д-р психол. наук, проф. (Москва)
Полутин Сергей Викторович, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Тишкин Алексей Алексеевич, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Шатунова Татьяна Михайловна, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Хренков Вадим Владимирович, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола) – отв. секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

• Члены редсовета в регионах России

Аришинов Владимир Иванович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Астафьева Ольга Николаевна, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Бекарев Адриан Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Беляев Владимир Александрович, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Войцехович Вячеслав Эмеринович, д-р филос. наук, проф. (Тверь)
Гавров Сергей Назипович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Гарбузов Валерий Николаевич, д-р ист. наук, проф. (Москва)
Дадаева Татьяна Михайловна, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Дашиковский Петр Константинович, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Дунец Александр Николаевич, д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)
Еришов Андрей Николаевич, д-р социол. наук, проф. (Казань)
Ковалева Алла Владимировна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Косачев Константин Иосифович, канд. юрид. наук (Москва)
Кузнецов Андрей Александрович, д-р ист. наук, проф. (Нижний Новгород)
Максимова Светлана Геннадьевна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Малинецкий Георгий Геннадьевич, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва)
Матвеева Наталья Александровна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Муза Дмитрий Евгеньевич, д-р филос. наук, проф. (Донецк)
Набиев Ринат Ахматгалиевич, д-р ист. наук, проф. (Казань)
Павлова Анжелика Николаевна, д-р ист. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Пчелина Ольга Викторовна, д-р филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Савчук Валерий Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Сергеев Сергей Алексеевич, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Смолин Олег Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Солодухо Натан Моисеевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Сомов Владимир Александрович, д-р ист. наук, проф. (Нижний Новгород)
Спирова Эльвира Маратовна, д-р филос. наук (Москва)
Сухова Мария Геннадьевна, д-р геогр. наук, проф. (Горно-Алтайск)
Черданцева Инна Владимировна, д-р филос. наук, доц. (Барнаул)
Чумаков Александр Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доц. (Барнаул)
Щелкунов Михаил Дмитриевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Широкалова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф. (Нижний Новгород)

• Члены редсовета и представители журнала за рубежом

Бабосов Евгений Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Билалов Бахадур Анвер оглы, канд. ист. наук, доц. (Баку, Азербайджан)
Ведлер Барбара, д-р, проф. (Миттвайда, Германия)
Водопьянов Павел Александрович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Зеленков Анатолий Изотович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Ибрагимов Айдын, д-р геогр. наук, проф. (Чанакалле, Турция)
Ильева Снежана, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Корабельева Соня, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Левицка Яна, д-р, проф. (Грнова, Словакия)
Перинчек Мехмет Бора, д-р ист. наук, проф. (Стамбул, Турция)
Проданов Васил, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)
Рамтун Рой, д-р, проф. (Афины, США)
Тараров Яков Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Харьков, Украина)
Тодорова Богдана, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)

SocioTime

Социальное время

ISSN 2410-0773

4 (32)
2022

Scientific journal

Founded in 2015
Published 4 times a year

Editor-in-Chief
Vladimir P. Shalaev

The journal is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media (Roskomnadzor)

Registration certificate: ПИ № ФС77-59171 from 03.09.2014

Area of distribution: Russian Federation, foreign countries

Founder: FSBEI of HE «Volga State University of Technology» (Yoshkar-Ola)

Founder office: 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square

Editorial office: 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square, room 426
Tel.: 8(8362)68-60 40, 8(8362)68 68 00. E-mail: sociotime@volgatech.net

The scientific magazine is included in the List of the reviewed scientific editions publishing the main results of theses for a degree of the candidate of science and doctor of science (the decision of Presidium of VAK (Higher Attestation Commission) of Russia at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, of 23.03.2018) in the following directions: 07.00.00 – Historical sciences and archeology; 22.00.00 – Sociological sciences; 09.00.00 – Philosophical sciences.

Editor *N. M. Moskvicheva*
Computer imposition *V. V. Khrenkov*

Signed in 10.05.2023. The format 70×100¹/₁₆. Offset paper.
Circulation 500 ind. Ordering № 1651.
Release date: 17.05.2023. Open price.

Volga State University of Technology. 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square.
Printed in "Vertola" LLC. 424004, Russia, Mari El Republic, Yoshkar-Ola, Lev Tolstoy street, 45.

Reprint or reproduction of material numbers is permitted
only with prior written permission of the editorial board

© Volga State University
of Technology, 2022

EDITORIAL BOARD

Shalaev V. P., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Editor-in-Chief
Dakhin A. V., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Ilyin V. I., Doctor of Sociology (St. Petersburg)
Lepsky V. E., Doctor of Psychology (Moscow)
Polutin S. V., Doctor of Sociology (Saransk)
Tishkin A. A., Doctor of History (Barnaul)
Shatunova T. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Khrenkov V. V., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Executive Secretary

EDITORIAL COUNCIL

• **Members of the editorial board in the regions of Russia**

Arshinov V. I., Doctor of Philosophy (Moscow)
Astafeva O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Bekarev A. M., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Belyaev V. A., Doctor of Politology (Kazan)
Voitsekhovitch V. E., Doctor of Philosophy (Tver)
Gavrov S. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Garbuzov V. N., Doctor of History (Moscow)
Dadaeva T. M., Doctor of Sociology (Saransk)
Dashkovsky P. K., Doctor of History (Barnaul)
Dunets A. N., Doctor of Geography (Barnaul)
Yershov A. N., Doctor of Sociology (Kazan)
Kovalyova A. V., Doctor of Sociology (Barnaul)
Kosachev K. I., Candidate of Philosophy (Moscow)
Kuznetsov A. A., Doctor of History (Nizhny Novgorod)
Maksimova S. G., Doctor of Sociology (Barnaul)
Malinetsky G. G., Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow)
Matveeva N. A., Doctor of Sociology (Barnaul)
Muza D. E., Doctor of Philosophy (Donetsk)
Nabiyev R. A., Doctor of History (Kazan)
Pavlova A. N., Doctor of History (Yoshkar-Ola)
Pchelina O. V., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Savchuk V. V., Doctor of Philosophy (Saint Petersburg)
Sergeyev S. A., Doctor of Politology (Kazan)
Smolin O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Solodukho N. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Somov V. A., Doctor of History (Nizhny Novgorod)
Spirova E. M., Doctor of Philosophy (Moscow)
Sukhova M. G., Doctor of Geography (Gorno-Altaysk)
Cherdantseva I. V., Doctor of Philosophy (Barnaul)
Chumakov A. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Shashkova Y. Y., Doctor of Politology (Barnaul)
Shchelkunov M. D., Doctor of Philosophy (Kazan)
Shirokalova G. S., Doctor of Sociology (Nizhny Novgorod)

• **Members of the editorial board of the journal and representatives abroad**

Babosov E. M., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Bilalov B., Candidate of Philosophy (Baku, Azerbaijan)
Wedler B., Doctor, prof. (Mittweida, Germany)
Vodopianov P. A., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Zelenkov A. I., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Ibragimov A., Doctor of Geography (Chanakalle, Turkey)
Ilieva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Korabelyeva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Levická J., Doctor of Philosophy (Trnava, Slovakia)
Perinçek M. B., Doctor of History (Istanbul, Turkey)
Prodanov V., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)
Ramtun R., Doctor of Philosophy (Athens, USA)
Tararoev Y. V., Doctor of Philosophy (Kharkiv, Ukraine)
Todorova B., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора	7
--------------------------------	---

ФИЛОСОФИЯ

Арапов О. Г., Арапова Э. А., Солодухин Д. В.

Целостность в аспекте психоаналитического подхода к человеку	9
--	---

Балаклеец Н. А.

Феномен киберпространства в контексте пространственной эволюции современных войн	20
---	----

Гавров С. Н.

К постановке вопроса о национальных морально-нравственных ценностях	33
---	----

Шалаев В. П.

Становление новой теории общества: на путях становления нового мира	39
---	----

СОЦИОЛОГИЯ

Гайфуллин А. Ю.

Профессиональные планы выпускников вузов: социологический анализ	48
--	----

Демичев А. Ю.

Сближающее влияние Интернета на подростков и молодёжь в разрезе различия социальных статусов и групп	58
---	----

Кравцова Т. С., Петровская Ю. А.

Кадровый потенциал Лоухского района Республики Карелия: профессиональная траектория в области туризма	70
--	----

Мотькин Р. В.

Социально-профессиональная группа арбитражных управляющих в зеркале социологических теорий	79
---	----

Пономарёва С. А.

Фасилитационный подход как условие для развития дивергентного критичес- кого мышления курсантов высших военных образовательных учреждений	88
--	----

ИСТОРИЯ

Климук В. В., Кулагин О. Е.

Исторические этапы и предпосылки создания Союзного государства Беларуси и России в контексте эффективного государственного управления	101
--	-----

Пилипак М. А.

Поляки Республики Башкортостан: к истории основания сельских поселений	113
---	-----

Подготовка и порядок приема рукописей	121
---	-----

CONTENTS

Column of the Editor-in-Chief	7
-------------------------------------	---

PHILOSOPHY

Arapov O. G., Arapova E. A., Solodukhin D. V.

Integrity in the aspect of a psychoanalytic approach to a person	9
--	---

Balakleets N. A.

The phenomenon of cyberspace in the context of the spatial evolution of modern warfare	20
--	----

Gavrov S. N.

To statement of the question of national moral and moral values	33
---	----

Shalaev V. P.

The formation of a new theory of society: on the path to a new world	39
--	----

SOCIOLOGY

Gayfullin A. Yu.

Professional plans of university graduates: sociological analysis	48
---	----

Demichev A. Y.

Converging influence of the Internet on adolescents and youth in the terms of differences in social status and groups	58
---	----

Kravtsova T. S., Petrovskaya Yu. A.

Human resources of the Loukh district of the Republic of Karelia: a professional trajectory in the field of tourism.....	70
--	----

Motkin R. V.

Socio-professional group of insolvency practitioners in the mirror of sociological theories	79
---	----

Ponomareva S. A.

Facilitation approach as a condition for the development of divergent critical thinking of cadets higher military educational organizations	88
---	----

HISTORY

Klimuk V. V., Kulagin O. E.

Historical stages and prerequisites for the creation of the Union State of Belarus and Russia in the context of effective public administration	101
---	-----

Pilipak M. A.

Poles of the Republic of Bashkortostan: on the history of the founding of rural settlements	113
---	-----

Preparation and procedure for acceptance of manuscripts	121
---	-----

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В тридцать втором номере научного журнала «**SocioTime / Социальное время**» (с 2018 года журнал входит в перечень ВАК рецензируемых журналов России по направлениям «Философия», «Социология», «История») представлены оригинальные научные материалы, подготовленные учёными и исследователями из различных университетов и научных центров России. Материалы журнала посвящены актуальным вопросам философского, социологического и исторического знания. В фокусе выпуска – современные и исторические процессы развития человека, общества и культуры.

Журнал позиционирует себя как сетевое международное научное издание. Широкий круг редколлегии и международного редакционного совета представлен исследователями из университетов и академических институтов, в том числе Российской академии наук из Йошкар-Олы, Казани, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Твери, Барнаула, а также университетских центров зарубежья: Беларуси, Украины, Германии, США, Турции, Болгарии, Словакии, Азербайджана и др.

География участников тридцать второго номера «SocioTime» традиционно широка: опубликовано одиннадцать научных работ авторов из Москвы, Уфы, Владивостока, Донецка, Владимира, Барнаула, Нижнего Новгорода, Йошкар-Олы, а также Барановичей (Республика Беларусь).

В раздел «**Философия**» включены четыре научные работы. В совместной статье **О. Г. Арапова, Э. А. Араповой, Д. В. Солодухина** (МИРЭА – Российский технологический университет (РТУ МИРЭА), Москва) философскому анализу подвергнута проблема целостности в аспекте психоаналитического подхода к человеку. В статье **Н. А. Балаклеец** (Самарский государственный технический университет, Самара) исследуется феномен киберпространства в контексте пространственной эволюции современных войн. В фокусе статьи **С. Н. Гаврова** (Институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, Москва; Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва) – проблема национальных морально-нравственных ценностей. В работе **В. П. Шалаева** (Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола) представлен анализ необходимости становления новой теории общества как фактора становления нового постоднопольного мира.

В раздел «**Социология**» включены пять научных работ. В статье **А. Ю. Гайфулли-на** (Уфимский университет науки и технологий, Уфа) обобщаются итоги социологического анализа профессиональных планов выпускников вузов. А в центре внимания статьи **А. Ю. Демичева** (Тульский государственный университет, Тула) – социологический анализ проблемы сближающего влияния Интернета на подростков и молодёжь в разрезе различия социальных статусов и групп. В совместной статье **Т. С. Кравцовой** (Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск; Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург), **Ю. А. Петровской** (Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск) – проблема кадрового потенциала Лоухского района Республики Карелия и его профессиональных траекторий в области туризма. Статья исследователя из Саранска **Р. В. Мотькина** (Москва) посвящена анализу социально-профессиональной группы арбитражных управляющих в

зеркале социологических теорий. В центре внимания статьи **С. А. Пономарёвой** (Филиал Военной академии материально-технического обеспечения, Пенза) – фасилитационный подход как условие для развития дивергентного критического мышления курсантов высших военных образовательных организаций.

В разделе «**История**» представлены две научные работы. В совместной статье **В. В. Климук** (Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь) и **О. Е. Кулагина** (Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск) исследуются исторические этапы и предпосылки создания Союзного государства Беларуси и России в контексте эффективного государственного управления. В статье **М. А. Пилипак** (Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, Академия наук, Республика Башкортостан, Уфа) исследуется «польский след» в истории основания сельских поселений Республики Башкортостан.

Тридцать второй номер журнала отличается широкая палитра представленных работ, охватывающих актуальные вопросы современного человека и общества. Центральное место в номере занимает проблематика российского общества, находящегося перед простыми вызовами современности.

Редколлегия «SocioTime / Социальное время» приветствует исследовательские работы авторов из России и зарубежных стран, посвящённые творческому осмыслению актуальных процессов и проблем развития человека и общества в профиле основных разделов журнала. Отдавая дань уважения маститым авторам, мы уделяем особое внимание поддержке молодых исследователей, стремясь сохранить и развить научный диалог поколений, представляющих различные пространственно-временные континуумы развития современной философии, социологии и истории в области актуальных проблем рационального понимания современной цивилизации и культуры, человека и общества. Наша журнальная площадка открыта для творческих обсуждений и дискуссий. «SocioTime / Социальное время» – это, несомненно, наше единое время, здесь и сейчас!

Адрес редакции: 424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Поволжский государственный технологический университет, факультет социальных технологий, каб.: 426, 430а.

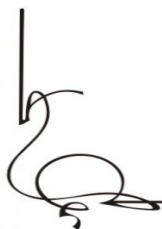
E-mail: sociotime@volgatech.net, ksnt@volgatech.net

Тел. редакции: 8(8362)68-68-00, 8(8362)68-68-40.

С требованиями к оформлению статей, правилами их публикации, а также антологией выпусков можно ознакомиться на сайте нашего журнала (<https://www.volgatech.net/sociotime/>) или в системе Elibrary.

Редколлегия желает вам оптимизма, неустанных творческих исканий и успехов на путях научного познания и нашего совместного труда по обретению опыта в деле совершенствования человека и общества в единой истории и культуре.

В. П. Шалаев,
доктор философских наук, профессор.

УДК 159.9.018.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.9

ЦЕЛОСТНОСТЬ В АСПЕКТЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ЧЕЛОВЕКУ

О. Г. Арапов, Э. А. Арапова, Д. В. Солодухин

МИРЭА – Российский технологический университет (РТУ МИРЭА), Москва (Россия)

Введение. Предпринята попытка рассмотреть психоаналитические исследования человека сквозь призму системного подхода, а также двух разнонаправленных методологических установок. Преследуется *цель* раскрыть на их примере тезис о принципиальности для науки формирования адекватных представлений об изучаемом объекте как о некотором целом. *Актуальность* этого обусловлена происходящим осмыслением оснований научного познания, коррелируемого с вопросом о пределе дробления объекта познания, а также с онтогносеологической проблемой предпосылочности самого знания. В антропологическом плане актуальность данного исследования соотносится с поиском фундаментальных оснований человеческого бытия, связанного как с целостностью личности, так и с «экологичностью» ее существования, обусловленной новыми вызовами современности.

Методы. Методологической основой является рассмотрение темы в ракурсе редукционизма и ирредукционизма (функциональный анализ и функциональное расчленение), а также в контексте «системы мышления», что позволяет проследить философско-мировоззренческую «мотивированность» интерпретации проблемы человека. При этом сама «система мышления» предстает как своего рода «преднабросок», обуславливающий нюансы конкретного истолкования.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В психоаналитической традиции такой «мировоззренческой предпосылкой» способа постановки и решения проблемы человека стали интегративный и системный подходы. Существенно, что в постфрейдовской психоаналитической антропологии, прежде всего у Л. Бинсвангера и Э. Фромма, принципиальным моментом стало представление о целостности личности. Последнее позволило осмысливать роль интегративного соответствия / несоответствия реализации функциональных потребностей в его целительном (либо, напротив, деструктивном) аспекте.

Заключение. Полученные выводы позволяют затронуть проблему своего рода «экологии духа». Все это способствует как обоснованию философской проблемы целостности, так и более углубленному пониманию самой психоаналитической традиции. В практическом плане возможно использование результатов исследования в преподавании вузовских социогуманитарных курсов.

Ключевые слова: психоанализ; редукционизм; ирредукционизм; функциональный анализ; функциональное расчленение; целостность; З. Фрейд; А. Адлер; Э. Эриксон; Л. Бинсвангер; Э. Фромм.

Введение. Для науки и шире – познания вообще – принципиальным оказывается системный подход, то есть формирование релевантного представления об изучаемом объекте как о некотором целом, его целостность. *Актуальность* этого обусловлена поиском оснований научного познания, коррелируемого с пределом дробления и гносеологической проблемой предпосылочности знания. В антропологическом плане соприкасается с переосмыслением фундаментальных оснований человеческого бытия, связанного как с целостностью личности, так и с «экологичностью» ее существования, обусловленной новыми вызовами современности. В этом смысле

целью исследования является попытка на примере психоаналитических исследований проследить тезис о важности в ней философско-мировоззренческих предпосылок так называемого стиля мышления.

Этим определяются **задачи** статьи:

- 1) рассмотреть общеметодологические основы проблемы системности и целостности;
- 2) показать связь интерпретаций человека с философскими основаниями понимания сущности человека;
- 3) затронуть тему редукционизма и ирредукционизма, сущность и специфику функционального анализа и функционального расчленения;
- 4) рассмотреть подход основателя психоанализа З. Фрейда и его альтернативы;
- 5) обратиться к проблеме роли «стиля мышления» во фрейдизме, а также в психоаналитической антропологии;
- 6) выявить связь философско-мировоззренческих предпосылок истолкования человека в решении проблемы человека, его духовного потенциала и «психотерапевтической направленности» человеческого бытия в мире.

Одним из основоположников обобщенной системной концепции (т. н. общей теории систем) стал К. Л. фон Берталанфи [1]. Ее влияние преодолело первоначальные рамки биологии и проявилось в кибернетике, педагогике, истории, философии, психиатрии, психологии и социологии. В нашей стране общепсихологическими и методологическими аспектами проблемы системности и целостности занимались И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин [2–4]. Проблему системности как в методологическом, так и в историко-философском плане исследовали В. Н. Садовский и В. В. Келле [5], гносеологическую роль «системы мышления» – Л. А. Микешина [6; 7]. Для понимания истории принципа системности важны работы Д. Хаммонд [8]. Проявление системного подхода в иных сферах можно наблюдать в работах О. Г. Савки с соавторами [9], С. А. Куджа, В. Я. Цветкова, И. Е. Рогова [10] и др.

Работы психоаналитиков (в частности, З. Фрейда, К.-Г. Юнга, А. Адлера, Э. Фромма, Л. Бинсвангера и др.) анализировались в исследовательской литературе. Различные аспекты фрейдизма и психоанализа вообще рассматривались М. М. Бахтиным [11], П. С. Гуревичем [12; 13], В. Л. Какабадзе [14], В. Л. Лейбиным [15], М. К. Мамардашвили [16; 17], А. М. Руткевичем [18], И. Ю. Романовым [19], Э. В. Соколовым [20] и др. Из зарубежных авторов можно назвать П. Куттера, Т. Мюллера [21], Ж. Лакана [22; 23], А. Лоренцера [24], Л. Шертока с Р. де Соссюром [25] и др. В 2021 г. опубликована переписка Л. Бинсвангера с С. Л. Франком [26].

Вместе с тем почти отсутствуют исследования, посвященные именно анализу развития психоаналитических представлений о целостности и расколотости человека. Одним из подступов к данной проблеме стали труды Э. А. Араповой [27]. Настоящая статья развивает сформулированные ею идеи и выводы.

Понятие «целостность» отражает интегративность, самодостаточность, автономность объектов, их противопоставленность среде, обеспечиваемой внутренней активностью [3; 4]. Другими словами, данное понятие выступает в качестве категориального выражения упорядоченности системного объекта и, вместе с тем, его качественного своеобразия, обусловленного внутренними закономерностями его существования. Применительно к антропологическому познанию это означает, что

разработка определенной трактовки целостности человека предполагает выявление тех глубинных связей, отношений и законов, которые определяют единство всех аспектов человеческого бытия.

Вопрос о внутренних связях, определяющих важнейшие характеристики и тенденции развития человека по сути является вопросом о его сущности и представляет собой традиционную проблему, неоднократно обсуждавшуюся в истории философии. Сам факт разнообразия ее интерпретаций свидетельствует о том, что «определить» человека чрезвычайно сложно, если вообще возможно. Трудности здесь возникают, как считал М. К. Мамардашвили, потому что человек есть тайна [16, с. 359]. Именно «тайна», но не проблема. Проблема в принципе решается, что предполагает осуществление конечного числа шагов от неизвестного к известному; тайна же не имеет ответа, раз и навсегда данного. Именно поэтому, как писал еще И. Кант, человек всегда был и будет «главным предметом в мире» [28, с. 352]. Тайна человека и порождает разнообразие и неоднозначность ответов на вопрос «Что есть человек?». За множеством эмпирических фактов человеческой жизни философы пытаются найти то, что является их основой, источником, движущей силой, то, что называется сущностью.

Методы исследования. Однако каким же образом осуществляется поиск истины, как проходит процесс познания целостных объектов, включая человека? Представим данную проблему прежде всего в общеметодологическом плане, а затем – применительно к антропологическому познанию. Так, в рамках системного подхода было показано, что процесс исследования любого объекта всегда опирается на некоторые представления о его целостности. В ходе познавательной деятельности осуществляется расчленение целого на части (анализ) и последующее воспроизведение сущностных закономерностей объекта, при этом объект познается в форме конкретного целого (синтез).

Еще раз подчеркнем, что представления о целостности изучаемых объектов неизбежно входят в число исходных предпосылок любого исследования. Наличие таких представлений позволяет использовать понятия «часть» и «целое», «развитие» и «функционирование», «элемент» и «связь». Каждое из них приобретает конкретное содержание лишь в контексте некоторого предварительно заданного представления о целостности.

Такие представления задают своего рода «элементарную структуру», вокруг которой строится теоретическое объяснение. Объект познания в качестве далее неделимого мыслится как «целостность» или «целое». Категория целого характеризует такой объект, «в котором на основе применения соответствующих исследовательских процедур обнаружено наличие интегративных свойств» [3, с. 160]. Сами исследовательские процедуры при этом подразумевают необходимость создания теоретического конструкта изучаемого объекта. Таким образом, «понятие «целое» формируется как результат применения понятия целостности и связано с осуществлением познавательной деятельности, а не является изначальной характеристикой объекта самого по себе» [3, с. 161]. В связи с этим становится понятным, почему столь важным этапом в развитии любой науки является формирование в ней адекватных представлений об изучаемом объекте как о целом.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Проиллюстрировать то, каким образом представления о целостности ориентируют теоретическое объяснение изучаемого объекта, можно на примере психологических исследований, в том числе осуществляемых в русле бихевиоризма и гештальтпсихологии. В каждом из этих вариантов интерпретации человека сформировалось свое представление об элементарной, далее неделимой структуре, на основе которой можно познавать наиболее существенные с точки зрения данного исследования свойства, признаки и связи изучаемого объекта.

Исходной единицей исследования бихевиористов являлась связка «стимул – реакция». Все человеческое поведение понималось ими как совокупность соответствующих элементарных действий, т. е. было сведено к реакциям организма. С точки зрения гештальтпсихологии при изучении человека необходимо исследовать целостное психическое образование – гештальт, который определяет свойства составляющих его частей.

Как было отмечено ранее, объяснение объекта как целостности означает познание тех внутренних закономерностей, которые конституировали данное целое и обусловили его качественное своеобразие. Можно выделить два методологических подхода к их постижению: редукционизм и ирредукционизм.

Для редукционистской установки характерно упрощение объекта, проведение аналитических операций вплоть до выделения наиболее простых элементов и сосредоточения внимания именно на них. Самый распространенный вид редукционистского объяснения – это объяснение целого через свойства и функции его частей. Здесь постулируется однозначное соответствие между свойствами суммы частей и свойствами целого.

Ирредукционистский (интегратистский) тип толкования ориентирован на относительно независимое раскрытие внутренних закономерностей целого. Условием, позволяющим осуществить ирредукционистское объяснение, является применение анализа и синтеза в качестве двух взаимообусловленных моментов познания целого. В ходе анализа в объекте выделяются части, которые характеризуются как элементы данного целого, а в результате синтеза целое осознается как состоящее из частей, определенным образом связанных между собой [17]. При этом свойства и закономерности целого считаются принципиально не сводимыми к свойствам и закономерностям суммы его частей.

Предпосылкой реализации названных вариантов объяснения внутренних законов целого являются выбор и применение тех или иных методов деления целого на части. В рамках системного подхода были выделены и описаны два типа таких методов: функциональный анализ и функциональное расчленение, которые задают, соответственно, редукционистскую и ирредукционистскую установки. Первый принципиально отличается от второго тем, что в исследуемом объекте сначала выделяются структурные единицы (части), а уже затем даются их функциональные характеристики. При втором способе расчленения, наоборот, прежде всего выявляются специфические функции познаваемого целого, и уже через них задается его структура.

При использовании функционального анализа основным в исследовании является познание специфики той или иной структурной единицы и того, как ее функ-

ционирование влияет на целое. Этот способ расчленения фактически не имеет предела, т. к. каждая из частей может быть расчленена на более мелкие части. Поэтому предел расчленения в конкретном исследовании будет зависеть от того, какие простейшие элементы могут рассматриваться в качестве целого с точки зрения существующих в данное время в науке представлений. Характерной чертой функционального анализа является то, что структурные единицы целого задаются в зависимости от задач исследования. При этом выделяемые таким образом части мыслятся как самостоятельные сущности.

В случае функционального расчленения целого сначала задается набор его функций или функциональных потребностей. Исследователем показывается или просто постулируется, что выполнение этих функций (или удовлетворение потребностей) является необходимым условием существования данного объекта. Последующее расчленение целого на части основывается на принятии такого набора функций – каждая из них обслуживается отдельной структурной составляющей, которую обычно называют не частью, а подсистемой. Отличительной особенностью функционального способа расчленения целого является то, что структурные единицы (подсистемы) не рассматриваются «сами по себе», их существование обусловлено функциями целого. В итоге возможным оказывается лишь один вариант расчленения сложного объекта.

Результаты проведенного анализа специфики познания целостных объектов можно использовать, например, при раскрытии особенностей толкования человека и трактовки его целостности в различных концепциях психоаналитической философии. Так, Фрейд, обращаясь к постижению свойств и функций структурных частей психики – сознания (Я), бессознательного (Оно) и сверхсознания (Сверх-Я) – задал последовательно редукционистскую установку. Известно, что при объяснении поведения человека он исходил из тезиса об определяющем значении функционирования бессознательного как главного, с его точки зрения, структурного компонента психики. В связи с этим в рамках фрейдистского учения на второй план отошли и даже в определенном смысле обесценились такие важные аспекты человеческого бытия, как свобода воли, ответственность, смысл жизни, духовность.

Последователи Фрейда, принимая одни его идеи и достаточно обоснованно критикуя другие, в свою очередь, предложили разнообразные трактовки человека и его целостности. Создание новых интерпретаций в основном было связано с переосмыслением иерархии и структурных связей основных компонентов внутреннего мира человека и, прежде всего, психической детерминанты его существа. Так, в отличие З. Фрейда, в учениях А. Адлера [29] и Э. Эриксона [30] центральным компонентом полагалось Я, из чего следовало, что именно его функционирование главным образом определяет человеческое бытие. С другой стороны, Л. Бинсвангер и Э. Фромм [26] предложили, скорее, ирредукционистский вариант толкования человека. Они объясняли его существование и развитие, исходя из заданного набора функциональных потребностей. Бинсвангер, например, считал фундаментальными для человека потребности в заботе и трансцендировании, тогда как Фромм полагал в качестве основания человеческого бытия потребности в любви и продуктивной деятельности.

Важно также иметь в виду, как было верно отмечено И. В. Блаубергом, что сами представления о целостности изучаемого объекта коррелируют с характерным

для данной эпохи стилем мышления [3, с. 135]. Стил мышления – это «достаточно сложная по своей структуре форма *предпосылочного знания*, включающая мировоззренческие компоненты и выполняющая регулятивные функции в познавательной деятельности социума» [7, с. 184]. Стил мышления детерминирует философско-мировоззренческие и аксиологические ориентиры научно-познавательной деятельности, в существенной степени определяет направление исследовательского поиска, приемлемость тех или иных вариантов решения проблем, выбор методов познания и т. д. Из сказанного можно сделать вывод, что то, каким представляется объект исследования в качестве целостности, зависит от мировоззренческой позиции познающего субъекта, от принимаемой им системы ценностей.

Философско-мировоззренческая установка, которая ориентировала познавательную деятельность того же родоначальника психоаналитической философии, может быть определена как биологизм или, в более широком смысле, натурализм. Как указал М. М. Бахтин, в конце XIX – начале XX в. «абстрактный биологический организм» стал «основой философского мировоззрения». В центре же философских построений Фрейда «лежит органически понятая жизнь как основа всего, как последняя реальность» [11, с. 5].

Познание человека в рамках психоанализа Фрейда и его ближайших последователей осуществлялось на основе представлений о нем прежде всего как о представителе биоса, живом или животном существе. Разработанное им учение о структуре и динамике душевной жизни – это последовательное воплощение идеи «*homo natura*», т. е. человека природного. Таким образом, основные аспекты человеческого существования оказывались детерминированными животными инстинктами, главными из которых были половое влечение и самосохранение. Следует отметить тот факт, что при всех различиях концепций последователей австрийского психиатра и его психоаналитического метода, на свой лад объясняющих жизнь и поведение человека, между ними всякий раз сохраняется нечто общее. Этим общим моментом является убеждение в фундаментальном значении врожденных детерминант.

Для большинства представителей той традиции психоаналитической антропологии, которую можно весьма условно обозначить «от Фрейда к Фромму», стала характерной установка, суть которой состоит в убежденности, что достижение состояния целостности человека непосредственно связано с реализацией им своих сущностных сил или базовых влечений/устремлений. В тех случаях, когда такая реализация оказывается невозможной (в силу действия непреодолимых, как это представляется человеку, жизненных обстоятельств), происходит разрыв в самой ткани бытия человека. Этот разрыв проявляется в виде все нарастающей тревоги, страха, наконец, депрессии и может даже привести к серьезным психическим нарушениям и отклонениям в человеческом восприятии и поведении. Становление такой позиции, как представляется, было обусловлено именно представлениями о фундаментальной роли врожденных жизненных детерминант, включая биологические инстинкты, в человеческом существовании. Следует также подчеркнуть, что характерным для представителей такого подхода является понимание целостности как состояния соответствия жизни человека (внешнего) его сущности (внутреннему), тогда как своего рода «расколотость» полагается в качестве состояния несовпадения,

которое проявляется в форме невроза, психоза и т. п. Можно сделать вывод о том, что в психоанализе целостность становится своего рода синонимом понятия «психическое здоровье», и представления о ней приобретают важные ценностные аспекты.

В том случае, когда человек не находит ответа на главные вопросы о самом себе как уникальной человеческой личности, а также о смысле своего существования, то есть отдельные аспекты его бытия не увязываются, не собираются в целостность, человек переживает глубочайший экзистенциальный кризис. Он чувствует свою неполноценность и «болезненность» собственного существования, т. е. переживает свое существование как «не норму». В ряде случаев за ответами на свои вопросы человек обращается к психотерапевту, который должен избавить его от возникших трудностей. Однако психотерапевтическая помощь базируется на определенных представлениях о норме, об образе «здорового человека», с которым, при успешном лечении, должен идентифицировать себя пациент, что, в свою очередь, непосредственно зависит от мировоззренческой трактовки самого феномена человека. Таким образом, философские представления о человеке, разработанные самими психоаналитиками или взятые в готовом виде из существующих учений, как это практиковал Л. Бинсвангер, используя экзистенциальную философию М. Хайдеггера, оказывают непосредственное влияние на психотерапевтическую практику и ее последствия.

Заключение. Представления о целостности человека являются для разного рода исследователей ориентиром их познавательной и практической деятельности. Например, как мы выяснили, целью психоаналитической практики является избавление человека от состояния внутренней расколотости и восстановление его целостности, предстающей в виде специфической ценности. Для достижения этой цели врач-психотерапевт должен опираться на определенную интерпретацию сущностных свойств человека. В соответствии с этим судьба человека оценивается как «удел» или как «возможность», а целостность – либо как «утраченная» (Фрейд), либо как «пока не обретенная» (Юнг, Фромм).

Список литературы

1. Bertalanffy L., von. General System Theory: Foundations, Development, Applications. Revised edition. New York: George Braziller, 1976. XV, 289 p.
2. Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в социальных исследованиях // Вопросы философии. 1967. № 9.
3. Блауберг И. В. Проблема целостности и системный подход. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 448 с.
4. Юдин Б. Г. Понятие целостности в структуре научного знания // Вопросы философии. 1970. № 12. С. 81–92.
5. Садовский В. Н., Келле В. В. Системное мышление и системный подход: истоки и предпосылки социальной информатики // Социальная информатика: основания, методы, перспективы. 2-е изд. М.: URSS, 2006. С. 14–27.
6. Микешина Л. А. Проблема ценностей в социологической науке: эпистемологический анализ // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 44–53. DOI 10.31857/S013216250011917-1
7. Микешина Л. А. Ценностные предпосылки в структуре научного познания. М.: Прометей, 1990. 208 с.

8. Hammond D. Philosophical Foundations for Systems Research // A Guide to Systems Research: Philosophy, Processes and Practice / ed.: M. Edson et. al. Springer, 2016.
9. Модель формирования цифровых компетенций при реализации программ высшего образования / О. Г. Савка [и др.] // Russian Technological Journal. 2022. Vol. 10, no. 6. Pp. 78–90. URL: <https://doi.org/10.32362/2500-316X-2022-10-6-78-90> (дата обращения: 02.01.2023).
10. Кудж С. А., Цветков В. Я., Погов И. Е. Поддержка жизненного цикла программных компонент // Russian Technological Journal. 2020. Vol. 8, no. 5 (37). Pp. 19–33. URL: <https://doi.org/10.32362/2500-316X-2020-8-5-19-33> (дата обращения: 15.01.2023).
11. Волошинов В. Философия и социология гуманитарных наук. СПб.: Аста-Пресс, 1995. 382 с.
12. Гуревич П. С. Психопанализ. Т. 1. Фрейдизм и неопрейдизм: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 531 с. URL: <https://urait.ru/bcode/510725> (дата обращения: 28.01.2023).
13. Гуревич П. С. Психопанализ. Т. 2. Современная глубинная психология: учебник для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. 564 с. URL: <https://urait.ru/bcode/478141> (дата обращения: 28.01.2023).
14. Какабадзе В. Л. Теоретические проблемы глубинной психологии. Тбилиси: Мецниереба, 1982. 184 с.
15. Лейбин В. М. Словарь-справочник по психопанализу. М.: Моск. ин-т психопанализа, Когито-Центр, 2020. 812 с.
16. Мамардашвили М. К. Проблема человека в философии // Необходимость себя: Лекции. Статьи. Философские заметки / под общ. ред. Ю. П. Сенокосова. М.: Лабиринт, 1996. С. 351–359.
17. Мамардашвили М. К. Процессы анализа и синтеза // Как я понимаю философию / сост. и общ. ред. Ю. П. Сенокосова. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
18. Руткевич А. М. Психопанализ, история, травмированная «память» // Феномен прошлого / ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. С. 221–250.
19. Романов И. Ю. Психопанализ, философия и науки о человеке: учеб.-метод. пособие. Харьков: ХНУ, 2003. 99 с.
20. Соколов Э. В. Введение в психопанализ: Социокультурный аспект: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по филос. и культурол. спец. СПб.: Лань; С.-Петербург. акад. культуры, 1998. 318 с.
21. Куттер П., Мюллер Т. Психопанализ: введение в психологию бессознательных процессов. М.: Когито-Центр, 2011. 383 с.
22. Лакан Ж. Семинары: в 9 кн. Кн. 7. Этика психопанализа (1959/60). М.: Гнозис; Логос, 2006. 415 с.
23. Lacan J. Formations of the Unconscious. Book V: The Seminar of Jacques Lacan / ed. by Jacques-Alain Miller, transl. by Russell Grigg. New York: Polity Press., 2017. 400 p.
24. Лоренцер А. Археология психопанализа: Интимность и социальное страдание: пер. с нем. М.: Весь мир; Прогресс-акад., 1996. 304 с.
25. Шерток Л., Соссюр Р. де. Рождение психопаналитика: От Месмера до Фрейда. М.: Прогресс, 1991. 288 с.
26. Переписка С. Л. Франка и Л. Бинсвангера (1934–1950) / Ред. кол.: К. М. Антонов (отв. ред.), Г. Е. Аляев, Ф. Буббайер [и др.]. М.: Изд-во ПСТГУ, 2021. 960 с.
27. Арапова Э. А. О философских основаниях экзистенциального психопанализа Л. Бинсвангера // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2016. № 1. С. 99–103.
28. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч. в 6 т. Т. 6. Сочинения по философии истории и философии природы. М.: Мысль, 1966. 743 с.
29. Адлер А. Понять природу человека. М.: АСТ, 2022. 352 с.
30. Эриксон Э. Трагедия личности. М.: Алгоритм, 2019. 256 с.

Авторская справка

АРАПОВ Олег Геннадьевич – кандидат философских наук, кафедра гуманитарных и социальных наук, МИРЭА – Российский технологический университет (РТУ МИРЭА), Москва, Россия.

АРАПОВА Эльмира Асфаровна – кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных и социальных наук, МИРЭА – Российский технологический университет (РТУ МИРЭА), Москва, Россия.

СОЛОДУХИН Денис Витальевич – кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных и социальных наук, МИРЭА – Российский технологический университет (РТУ МИРЭА), Москва, Россия.

E-mail: DV-S@yandex.ru, denis.v.solodukhin@yandex.ru

UDC 159.9.018.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.9

INTEGRITY IN THE ASPECT OF A PSYCHOANALYTIC APPROACH TO A PERSON

O. G. Arapov, E. A. Arapova, D. V. Solodukhin

MIREA – Russian Technological University (RTU MIREA), Moscow (Russia)

Introduction. An attempt is made to consider psychoanalytic research of a person through the prism of a systematic approach, as well as two multidirectional methodological attitudes. The aim is to reveal by their example the thesis about the principle for science of forming adequate ideas about the studied object as a whole. The relevance of this is due to the ongoing understanding of the foundations of scientific knowledge, correlated with the question of the limit of fragmentation of the object of knowledge, as well as with the ontognoseological problem of the presupposition of knowledge itself. In anthropological terms, the relevance of this study correlates with the search for the fundamental foundations of human existence, associated with both the integrity of the individual and the "ecology" of its existence, due to the new challenges of modernity.

Methods. Methods. The methodological basis is the consideration of the topic from the perspective of reductionism and irreductionism (functional analysis and functional dismemberment), as well as in the context of the "system of thinking", which allows us to trace the philosophical and ideological "motivation" of the interpretation of the human problem. At the same time, the "system of thinking" itself appears as a kind of "pre-sketch", which determines the nuances of a specific interpretation.

Results. In the psychoanalytic tradition, integrative and systemic approaches have become such a "worldview prerequisite" for the way of posing and solving a person's problem. It is significant that in post-Freudian psychoanalytic anthropology – first of all, in L. Binswanger and E. Fromm - the idea of the integrity of the individual became a fundamental point. The latter allowed us to comprehend the role of integrative correspondence / inconsistency in the realization of functional needs in its healing (or, on the contrary, destructive) aspect.

Conclusions. The obtained conclusions allow us to touch upon the problem of a kind of "ecology of the spirit". All this contributes both to the substantiation of the philosophical problem of integrity and to a more in-depth understanding of the psychoanalytic tradition itself. In practical terms, it is possible to use the results of the study in teaching university socio-humanitarian courses.

Keywords: psychoanalysis; reductionism; irreductionism; functional analysis; functional dismemberment; integrity; Z. Freud; A. Adler; E. Erickson; L. Binswanger; E. Fromm.

References

1. Bertalanffy L. von. General System Theory: Foundations, Development, Applications. Revised edition. New York, George Braziller, 1976, XV. 289 p.

2. Blauberg I. V., Sadovskij V. N., Yudin E. G. A systematic approach in social research. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1967. No. 9. (In Russian).
3. Blauberg I.V. *Problema celostnosti i sistemnyj podhod* [The problem of integrity and a systematic approach]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1997. 448 p. (In Russian).
4. Yudin B. G. The concept of integrity in the structure of scientific knowledge. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1970. No. 12. Pp. 81–92. (In Russian).
5. Sadovskij V. N., Kelle V. V. Systems thinking and system approach: the origins and prerequisites of social Informatics. *Social informatics: foundations, methods, prospects* [Social informatics: foundations, methods, prospects]. Moscow, URSS Publ., 2006. Pp. 14–27. (In Russian).
6. Mikeschina L. A. The Problem of Values in Sociological Science: Epistemological analysis. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2020. No. 12. Pp. 44–53. DOI 10.31857/S013216250011917-1. (In Russian).
7. Mikeschina L. A. *Cennostnye predposylki v strukture nauchnogo poznaniya* [Value prerequisites in the structure of scientific knowledge]. Moscow, Prometej Publ., 1990. 208 p. (In Russian).
8. Hammond D. Philosophical Foundations for Systems Research. A Guide to Systems Research: Philosophy, Processes and Practice. Ed.: M. Edson et. al. Springer, 2016.
9. Savka O. G. et. al. A model for the formation of digital competencies in the implementation of higher education programs. *Russian Technological Journal*, 2022. Vol. 10, no. 6. Pp. 78–90. Available at: <https://doi.org/10.32362/2500-316X-2022-10-6-78-90> (accessed 2 January 2023). (In Russian).
10. Kudzh S. A., Cvetkov V. Ya., Rogov I. E. Software component lifecycle support. *Russian Technological Journal*, 2020. Vol. 8, no. 5 (37). Pp. 19–33. Available at: <https://doi.org/10.32362/2500-316X-2020-8-5-19-33> (accessed 15 January 2023). (In Russian).
11. Voloshinov V. *Filosofiya i sociologiya gumanitarnykh nauk* [Philosophy and Sociology of the Humanities]. Saint Petersburg, Asta-Press Publ., 1995. 382 p. (In Russian).
12. Gurevich P. S. *Psihoanaliz. Tom 1. Frejdzizm i neofrejdzizm* [Psychoanalysis. Vol. 1. Freudianism and neo-Freudianism]. Moscow, Yurajt Publ., 2023. 531 p. Available at: <https://urait.ru/bcode/510725> (accessed 28 January 2023). (In Russian).
13. Gurevich P. S. *Psihoanaliz. Tom 2. Sovremennaya glubinnaya psihologiya* [Psychoanalysis. Vol. 2. Modern depth Psychology]. Moscow, Yurajt Publ., 2021. 564 p. Available at: <https://urait.ru/bcode/478141> (accessed 28 January 2023). (In Russian).
14. Kakabadze V. L. *Teoreticheskie problemy glubinnoj psihologii* [Theoretical problems of depth psychology]. Tbilisi, Mecniereba Publ., 1982. 184 p. (In Russian).
15. Lejbin V. M. *Slovar'-spravochnik po psihoanalizu* [Dictionary of Psychoanalysis]. Moscow, Moskovskij institut psihoanaliza Publ., Kogito-Centr Publ., 2020. 812 p. (In Russian).
16. Mamardashvili M. K. The problem of man in philosophy. *Neobhodimost' sebya: Lekcii. Stat'i. Filosofskie zametki* [The need for yourself: Lectures. Articles. Philosophical notes]. By M. K. Mamardashvili. Moscow, Labirint Publ., 1996. Pp. 351–359. (In Russian).
17. Mamardashvili M. K. Analysis and synthesis processes. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How do I understand philosophy]. By M. K. Mamardashvili. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 p. (In Russian).
18. Rutkevich A. M. *Psihoanaliz, istoriya, travmirovannaya "pamyat"*. *Fenomen proshlogo* [The phenomenon of the past]. Ed. I. M. Savel'eva, A. V. Poletaev. Moscow, GU-VSHE Publ., 2005. Pp. 221–250. (In Russian).
19. Romanov I. Yu. *Psihoanaliz, filosofiya i nauki o cheloveke* [Psychoanalysis, philosophy and human sciences]. Kharkov, HNU Publ., 2003. 99 p. (In Russian).
20. Sokolov E. V. *Vvedenie v psihoanaliz: Sociokul'turnyj aspekt* [Introduction to Psychoanalysis: Sociocultural aspect]. Saint Petersburg, Lan' Publ., Sankt-Peterburgskaya Akademiya Kul'tury Publ., 1998. 318 p. (In Russian).
21. Kutter P., Myuller T. *Psihoanaliz: vvedenie v psihologiyu bessoznatel'nykh processov* [Psychoanalysis: an introduction to the psychology of unconscious processes]. Moscow, Kogito-Centr Publ., 2011. 383 p. (In Russian).

22. Lakan Zh. *Seminary, v 9 knigah. Kniga 7. Etika psihoanaliza (1959/60)* [Seminars. In Book 9. Book 7. Ethics of psychoanalysis (1959/60)]. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., 2006. 415 p. (In Russian).
23. Lacan J. Formations of the Unconscious. Book V: The Seminar of Jacques Lacan. Ed. by Jacques-Alain Miller, transl. by Russell Grigg. New York, Polity Press., 2017. 400 p.
24. Lorencer A. *Arheologiya psihoanaliza: Intimnost' i social'noe stradanie* [Archaeology of Psychoanalysis: Intimacy and social suffering]. Moscow, Ves' mir Publ., Progress-akad. Publ., 1996. 304 p. (In Russian).
25. Shertok L., de Sossyur R. *Rozhdenie psihoanalitika: Ot Mesmera do Frejda* [The Birth of a psychoanalyst: From Mesmer to Freud]. Moscow, Progress Publ., 1991. 288 p. (In Russian).
26. Ed.: Antonov K. M., Alyaev G. E., Bubbayer F. et al. *Perepiska S. L. Franka i L. Binsvanger (1934–1950)* [Correspondence between S. L. Frank and L. Binswanger (1934–1950)]. Moscow, Izdatel'stvo PSTGU, 2021. 960 p. (In Russian).
27. Arapova E. A. On the philosophical foundations of existential psychoanalysis by L. Binswanger. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the RUDN. Series: Philosophy], 2016, no. 1. Pp. 99–103. (In Russian).
28. Kant I. Anthropology from a pragmatic point of view. *Sobraniya Sochinenij, v 6 tomah. Tom 6. Sochineniya po filosofii istorii i filosofii prirody* [Collected Works. In 6 vols. Vol. 6. Essays on the philosophy of history and the philosophy of nature]. By Kant I. Moscow, Mysl' Publ., 1966. 743 p. (In Russian).
29. Adler A. *Ponyat' prirodu cheloveka* [Understand human nature]. Moscow, AST Publ., 2022. 352 p. (In Russian).
30. Erikson E. *Tragediya lichnosti* [The tragedy of personality]. Moscow, Algorithm Publ., 2019. 256 p. (In Russian).

Author's Bio

АРАПОВ Олег Геннадиевич – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Humanities and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University (RTU MIREA), Moscow, Russia.

АРАПОВА Elmira Asfarovna – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Humanities and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University (RTU MIREA), Moscow, Russia.

СОЛОДУХИН Denis Vitalievich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Humanities and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University (RTU MIREA), Moscow, Russia.

E-mail: DV-S@yandex.ru, denis.v.solodukhin@yandex.ru

Библиографическая ссылка

Арапов О. Г., Арапова Э. А., Солодухин Д. В. Целостность в аспекте психоаналитического подхода к человеку // SocioTime / Социальное время. 2022. № 4 (32). С. 9–19. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.9

УДК 355.01+114

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.20

Н. А. Балаклеец

Самарский государственный технический университет, Самара (Россия)

ФЕНОМЕН КИБЕРПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ВОЙН

Введение. Цель статьи – политико-философское исследование специфики киберпространства в контексте современных преобразований пространства ведения войн – беллосферы. Актуальность исследования обусловлена принципиальной трансформацией войн и вооруженных конфликтов в современную эпоху, активным использованием для решения политических конфликтов ресурсов киберпространства. Вместе с тем существующие теоретические работы уделяют недостаточное внимание анализу взаимосвязи киберпространства с традиционными пространственными сферами ведения войны.

Методы. Используются методологические установки социального конструктивизма, системного подхода, междисциплинарного и компаративистского анализа, позволяющие раскрыть конструктивный характер киберпространства, установить его социально-онтологический статус в качестве элемента современной беллосферы.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Для обозначения пространства ведения войны, которое имеет комплексную структуру и характеризуется непрерывной динамикой, автор вводит концепт «беллосфера». Феномен киберпространства трактуется автором как закономерный итог пространственной эволюции современных войн, которая привела к радикальному преобразованию беллосферы. Интеграция новых доменов ведения войны с уже освоенными приводит к достижению синергетических эффектов военной деятельности. Обосновано, что в условиях отсутствия территории, способной сдерживать политические конфликты в физическом пространстве, они переносятся в сугубо технологическую сферу ведения войны – киберпространство. Раскрыта эвристическая и методологическая значимость концепта *terra nullius* («ничья земля») для политико-философского анализа вооруженного насилия и обоснована правомерность его использования применительно к киберпространству.

Заключение. Сделан вывод об активном использовании киберпространства в политических целях при сохранении его в дополитическом статусе в качестве *terra nullius*. Официальное признание кибервойны и ее регламентация возможны при условии придания киберпространству статуса *terra communis* («общей земли»).

Ключевые слова: кибервойна; киберпространство; *terra nullius*; война; насилие; пространство; беллосфера.

Введение. Феномен киберпространства является предметом многочисленных теоретических исследований, которые посвящены выявлению его специфики и связанных с ним угроз общественной безопасности [1–9]. Происходящие сегодня трансформации классической войны связаны с выходом политического противостояния за пределы физического пространства и появлением различных инструментов информационного воздействия на противника [10]. Вместе с тем не будет преувеличением констатировать пробелы в области философского знания о киберпространстве как принципиально новой сфере ведения военных действий. Недостаточно эксплицированной в отечественной философской и социально-гуманитарной мысли является взаимосвязь кибернетического и физического пространств как особых сфер военной

деятельности [2]. Кроме того, следует обратить внимание на дискуссионный характер статуса кибервойны в научном дискурсе. Если одни авторы рассматривают кибервойну в качестве реально существующей угрозы, трактуя киберпространство как современную сферу ведения военных действий, которая существует наряду с традиционными доменами беллосферы [1; 2; 4; 9, с. 2-3; 6, р. viii], то другие исследователи полагают, что подобная аналогия неуместна. В частности, последней точки зрения придерживается Т. Рид, который объявил кибервойну мифом, усматривая в кибератаках аналоги обычных форм саботажа и шпионажа [8]. Таким образом, прояснения требует вопрос о правомерности приравнивания киберопераций, преследующих военно-политические задачи, к военным действиям как таковым.

Настоящее исследование исходит из тезиса об укорененности киберпространства в социальном пространстве и ставит своей целью определение его места в эволюции топосов войны. Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить решению такой теоретической задачи, как выявление правомерности аналогии феномена киберпространства и исторически сложившейся практики ограничения политического насилия, связанной с конституированием особой пространственной сферы ведения войны – так называемой *terra nullius* («ничьей земли»).

Методы исследования. Исследование места киберпространства в системе исторически освоенных человечеством топосов войны предполагает реализацию комплексной методологии. Применение методологических принципов и установок социального конструктивизма обуславливает понимание конструктивной природы пространственных границ и обеспечивает выход за пределы эссенциалистской трактовки пространственных феноменов. Конструирование новых элементов беллосферы рассматривается автором как необходимое условие ее динамики. Реализация системного подхода позволяет трактовать киберпространство как современный элемент исторически сложившейся системы топосов, предназначенных для ведения войны. Применение междисциплинарного подхода обусловлено необходимостью наличия специальных знаний о структуре киберпространства, особенностях акторов кибервойны, используемых ими средствах и способах воздействия на информационные системы противника. Плодотворным исследовательским шагом представляется включение феномена кибервойны в широкий социокультурный контекст, его анализ с привлечением методологического подхода и категориального аппарата политической философии и международного права.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. На протяжении истории человечества война вовлекала в свою орбиту все новые и новые пространства. Целям и задачам войны постепенно стали служить различные преобразованные человеком сферы физического пространства Земли – суша, море, воздушное и космическое пространство. Война трансформирует уже освоенные и заселенные территории так, что по сути вся социосфера (природное пространство, населенное и освоенное человечеством) может функционировать в качестве беллосферы (пространства, предназначенного для ведения войн). Более того, война способствует постоян-

ному расширению самой социосферы, подвигая (или обрекая) человечество на покорение и обработку труднодоступных и малопривлекательных в климатическом отношении территорий. Еще И. Кант обратил внимание на то обстоятельство, что даже самые малопригодные для жизни и хозяйственной деятельности области земной поверхности населены людьми. Движителем недобровольной миграции, согласно Канту, является угроза войны, которая служит «средством для повсеместного заселения Земли», вынуждая отдельные народы, «вопреки их намерениям», укореняться на скудных ресурсами участках земной поверхности [11, с. 220].

Вместе с тем, распространяя вооруженное насилие на новые пространства, человечество изобретало средства его ограничения, которые, безусловно, нельзя признать абсолютными. Так, острота внутриевропейских политических конфликтов раннего Нового времени сглаживалась путем перенесения их в новую пространственную сферу, которая находилась «по ту сторону линии», за пределами Европы. В качестве подобной «ничьей земли» (*terra nullius*), свободной от действия норм европейского публичного права, в XVI и XVII веках выступали, во-первых, пространство Нового Света, и, во-вторых, открытое море, которое понималось европейцами как «область свободы» [12, с. 87]. Конституирование «ничьей земли», предназначенной для ведения нерегламентированных военных действий, приводило к неравномерному пространственному распределению практик насилия. Сдерживание военных действий на европейской территории компенсировалось необузданным насилием в локусе *terra nullius*, который может иметь весьма широкую сферу охвата. По словам К. Ясперса, «если европейцы встречались на этой ничьей земле (а ею была вся земля вне Европы), то захватчики вступали друг с другом в борьбу за добычу, такую же дикую, какой была борьба с коренным населением» [13, S. 115].

В современную эпоху, когда на территории Земного шара практически не осталось «белых пятен», и политическая карта мира приобрела относительно устойчивые очертания, отсутствует *terra nullius*, которая имела бы привязку к конкретной территории или акватории и, соответственно, ограждала бы от вооруженного насилия другие регионы Земли. Справедливости ради отметим, что в качестве «ничьей» в Новое время эта земля могла трактоваться и именоваться исключительно из европоцентричной перспективы, тогда как для автохтонного населения тот же самый участок земной поверхности воспринимался в качестве присвоенного пространства и наделялся социально значимыми смыслами [14, с. 40]. Концепт *terra nullius*, будучи социальным конструктом, служил средством оправдания колониальной экспансии европейских народов на неевропейские территории: апологетика захвата «ничьей земли» основывалась на том аргументе, что эта земля признавалась невозделанной, и, следовательно, связывалась с дополитическим или, в терминологии Т. Гоббса, естественным состоянием человечества, подлежащим преодолению. Конституировалась оппозиция человеческого и природного или цивилизованного и дикого, вторые элементы которой трактовались как характеристики «ничьей земли» [15, p. 156]. Небезынтересным в данной связи представляется вывод современного исследователя концепта *terra nullius* Й. Х.

Хендлина, согласно которому изменения в ландшафте, вызванные деятельностью коренных жителей, часто были невидимыми исключительно для европейских колонизаторов, привыкших распознавать лишь очевидные формы преобразования земной поверхности. Земля, которая признавалась колонизаторами невозделанной и подлежащей захвату, *de facto* была вовлечена в сферу человеческой активности (как, к примеру, *terra preta* («черная земля») – рукотворные почвы в бассейне Амазонки) [15, р. 155]. Таким образом, активное конструирование дискурса о «ничьей земле» может рассматриваться как средство установления границ политического насилия и апологии территориально ограниченных, но не регламентированных международным правом, военных действий.

В современных условиях отсутствия нейтральной территории, предназначенной для ограждения от политического насилия тех пространственных областей, где должны воцариться долгосрочные мирные отношения, любой территориальный конфликт может иметь глобальные последствия. В обозначенных условиях военные действия перемещаются в новые пространственные сферы, охваченные человеческой активностью.

Рассмотренное выше преобразование беллосферы путем конструирования «ничьей земли» не выходило за рамки ее горизонтального измерения. Впоследствии, в связи с появлением средств воздушного ведения боя и аэроразведки, горизонтальное измерение беллосферы было дополнено вертикальным, что способствовало повышению эффективности военной деятельности. Та сторона военного конфликта, которая более эффективно осваивает новую пространственную область (домен) ведения войны, получает выгодную для себя возможность перевода симметричного вооруженного противостояния в асимметричное, что дает ей существенные стратегические преимущества [16, с. 205].

Активное развитие информационно-коммуникационных технологий в XX веке позволило сконструировать принципиально новое пространство человеческой деятельности – киберпространство, которое обладает мощным технологическим потенциалом и может быть рассмотрено не только в качестве вспомогательного средства для проведения военных операций, но представляет собой источник серьезных социально-политических рисков и угроз.

Немаловажно отметить, что появление новой пространственной сферы для ведения войны не отменяет необходимость существования и активного использования ресурсов уже освоенных областей беллосферы. Так, вовлечение в орбиту войны ресурсов воздушного пространства и активная роль авиации в военных конфликтах XX и XXI веков отнюдь не привели к нивелированию ценности и военно-технического потенциала иных освоенных человеком пространств войны. Были достигнуты интеграция и взаимодействие «нового» пространства со «старым», что послужило источником синергетических эффектов военных действий: объединение ресурсного потенциала отдельных доменов беллосферы обеспечило возможность решения принципи-

ально новых стратегических и тактических задач, невыполнимых в отдельных, изолированных друг от друга сферах ведения войны.

Киберпространство, с одной стороны, может быть рассмотрено как структура, которая обеспечивает сцепку между существующими областями беллосферы и содействует тем самым повышению эффективности военной деятельности. Указанная функция присуща также и космическому домену ведения войны: «освоение космоса было первоначально подчинено военным целям, а затем перешло на коммерческий рынок, как и кибероперации. Это технология, которая интегрировалась в другие домены до такой степени, что они приобрели от нее зависимость» [5, р. 44]. С другой стороны, ограничиваться отведением феномену киберпространства исключительно вспомогательных и логистических функций было бы его существенным упрощением. Киберпространство не только обеспечивает взаимодействие исторически сложившихся традиционных доменов ведения войны, интегрируя их в единую систему, оно само является активной ареной конфликтов, требующих пристального изучения. Перспективный и эвристически плодотворный путь анализа киберпространства и свойственных для него конфликтов предполагает, на наш взгляд, не только экспликацию его взаимосвязи с другими областями беллосферы, но и исследование его собственной специфики и идентичности его акторов.

Вынесение политического противостояния в сугубо технологическую сферу, каковой является киберпространство, продиктовано рядом преимуществ киберконфликтов перед традиционными военными конфликтами, которые разворачиваются в физическом пространстве. Моделируемая сегодня кибервойна представляет собой развитие принципов так называемого сетецентрического ведения войны (Network-Centric Warfare, NCW), которое способствует решению ряда проблем, свойственных традиционной кинетической войне [7, s. 45]. Переход к сетецентрической войне, как войне современного типа, вызван необходимостью устранения ограничений, связанных с рассредоточением войск в географическом пространстве. Если в классических войнах использование географически рассредоточенных сил было ограничено (требовались передислокация и концентрация сил на территории ведения боевых действий для нанесения решающего удара), то внедрение в военное дело новейших информационно-коммуникационных технологий позволило освободить источник боевой мощи от привязки к конкретной области географического пространства и добиться эффективного взаимодействия пространственно рассредоточенных сил.

Таким образом, расширяется маневренность войск, а также снижается потребность в затратной транспортировке физических объектов. Сетецентрическое ведение войны предполагает возможность одновременного поражения множества целей актором, который лишен необходимости пространственного перемещения. (Иными словами, парадоксальным образом угроза присутствует одновременно «повсюду и нигде».) Военные действия основаны на достижении синергетических эффектов, вы-

званных взаимодействием географически разделенных акторов, которые связаны посредством информационно-коммуникационных технологий [17, р. 90–92].

Первоначально принципы сетецентрического ведения войны распространялись исключительно на кинетическую войну, которая велась в уже освоенных доменах беллосферы (суша, море, воздух, космос). Планировалось оснастить каждого из участников боевых операций целым рядом приборов так, чтобы он мог функционировать в качестве самостоятельного центра военной сети. Новые информационные технологии должны были обеспечить взаимосвязь и взаимодействие вооруженных сил, которые были дислоцированы в отдельных областях физического пространства. Иными словами, первоначально военно-стратегическая мысль не рассматривала возможность самостоятельной сетевой войны, которая разворачивалась бы в автономном пространственном домене. Предполагалось развивать принципы сетецентрического ведения войны в качестве составной части кинетической войны. И лишь впоследствии, после войны в Персидском заливе, появилась идея перенесения военных действий в сеть [7, s. 46].

Кибервойна как принципиально новый тип военного противоборства отличается от традиционных войн целым рядом факторов. Во-первых, действия в киберпространстве не предполагают разграничения понятий «военное» и «гражданское». С учетом прогрессирующей дигитализации общества мишенью кибератак могут стать как гражданские объекты и инфраструктура, так и военная техника. Существует возможность совершения кибератак как государственными, так и негосударственными акторами (что характерно и для современных вооруженных конфликтов, которые разворачиваются в физическом пространстве). В качестве кибероружия используется не традиционная военная техника, но программное обеспечение, используемое также и в гражданских целях. Во-вторых, следует учитывать сложность идентификации источников кибератак и связанную с ней проблематичность определения этической и технической ответственности за причиненный в результате кибератаки ущерб (который является непропорциональным по отношению к примененным для совершения кибератаки усилиям). В-третьих, последствия кибервойны не ограничиваются деструктивными действиями в киберпространстве. Ее смысл не в том, чтобы одержать победу в автономном домене ведения военных действий, но в том, чтобы, используя ресурсы киберпространства и его функцию интегратора остальных доменов беллосферы, нанести ущерб объектам противника, выходящим за пределы кибердомена.

Деструктивные последствия одного из орудий кибервойны – логических бомб – могут проявляться в разрушении целого ряда объектов, управляемых компьютерными программами: при соответствующей подготовке и успешном проведении кибератак серьезно могут пострадать элементы военной и гражданской инфраструктуры, общественное здравоохранение, энергетика и транспорт [1, с. 151; 7, s. 47-48]. Физические последствия кибератак могут отразиться, к примеру, на отдельных людях с жизненно важными кардиостимуляторами, управляемыми с помощью компьютерной техники, а в более радикальных сценариях кибервойн атаки приведут в действие арсенал ядерно-

го оружия государства-противника. Возможность опосредованного насилия, которая обеспечивается интеграцией кибертехнологий в традиционные домены беллосферы, оправдывает применение термина «война» к ряду операций в киберпространстве¹.

Целым рядом особенностей отличаются и участники кибервойн. В отличие от участников конвенциональных войн, кибербойцы свободны от необходимости идти на смертельный риск, который присущ комбатантам классической войны. Антропологическая структура «убивающий – убиваемый», которая служит средством описания классической идентичности комбатантов, неприменима к кибербойцам. Кибервойна не требует гигантских финансовых вливаний, связанных с содержанием многомиллионных армий, созданием и поддержанием в состоянии боевой готовности новейших образцов конвенциональной военной техники. Она преодолевает дистанции, разделяющие акторов и объекты атак, а также «трения» (термин К. фон Клаузевица) традиционной войны, вызванные свойствами физического пространства.

Акторы кибервойны выступают в роли «невидимых врагов», которые скрыты масштабными расстояниями и не поддаются четкой и однозначной идентификации. Невидимый характер кибербойцов и их действий способен приводить к недооценке угроз кибервойны: в качестве реальной, а не потенциальной угрозы в массовом сознании воспринимается опасность, исходящая от многомиллионных армий и грозной военной техники. Вместе с тем невидимый характер кибервойны может быть осмыслен в качестве фактора, который препятствует установлению четких регулятивов совершения военных операций в киберпространстве [7, s. 60]. Пространственная удаленность и перцептивная недоступность/опосредованность объекта атаки приводят к трансформации воинского этоса, в котором на смену доблести приходит техническая ответственность [18, с. 126]. Данный тезис, выражающий направление эволюции этической стороны современных войн, вполне применим и к кибервойне. Героизм, характерный для солдат и офицеров, которые встречаются с врагом на поле боя, уступает место набору профессиональных компетенций. Примечательно, что еще задолго до становления сетевого общества и дигитализации военной сферы К. Ясперсом были сделаны выводы об асимметризации военных действий, которая обусловлена развитием военной техники. По мнению Ясперса, современная война «во все большей степени уже не сводится к бою, но представляет собой уничтожение с использованием техники» [13, s. 82], а убиваемый военной машинерией лишен возможности сопротивляться [13, s. 88-89]. Таким образом, техническое мастерство начинает доминировать над традиционным солдатским этосом, обесценивая представление о войне как некоем аналоге межгосударственной «дуэли». Однако, как было показано выше, даже европейское «дуэльное» представление о войне (которое является, скорее, нормативным, чем дескриптивным) допускало возможность неограниченного насилия в пределах «ничьей земли».

¹ Так, в знаменитом «Таллинском руководстве по международному праву, применимому к кибервойне» кибератака определяется как «кибероперация, как наступательная, так и оборонительная, целью которой является намеренное причинение ранения или смерти лицу, а также вреда или разрушения объекту» [9, s. 4].

В контексте затронутой в настоящем исследовании практики отделения территории неограниченного насилия от пространственной области, где военные действия регулируются нормами международного права, уместна аналогия между киберпространством и «ничьей землей» (*terra nullius*). На наш взгляд, она не является безусловной, но, тем не менее, вносит вклад в понимание способов эскалации насилия в современном мире и причин расширения беллосферы. Отметим, что в теоретическом дискурсе уже существуют прецеденты трактовки киберпространства как современного аналога «ничьей земли» [6; 7, s. 54]. Так, в докладе британского аналитического центра «Чатем-Хаус» киберпространство рассматривается как *terra nullius* на том основании, что оно находится «вне досягаемости зрелых политических дискурсов». Именно отсутствие политических рамок, сдерживающих ведение кибервойны, по мнению авторов доклада, делает киберпространство привлекательным для акторов, преследующих разнообразные (культурные, религиозные, экономические, социальные и даже политические) цели [6, p. viii, 32]. Вместе с тем аналогия между киберпространством и *terra nullius* нуждается в более тщательном и критичном осмыслении.

Как было показано выше, концепт *terra nullius* в его историческом смысле распространяется на область неограниченного насилия, которая связывается с существованием, наряду с системой политических единств (национальных государств), феномена дополитического (естественного состояния). Если политическое² характеризуется регламентацией взаимодействия его структурных элементов (ограничением войны нормами международного права), то дополитическое состояние не предполагает наличия законодательных норм, ограничивающих насилие. В данной связи показательным представляется то обстоятельство, что, несмотря на попытки ряда ученых обратить внимание международного сообщества на необходимость формулирования международно-правовых норм, регламентирующих военные действия в киберпространстве, подобные нормы до сих пор не выработаны. Как отмечает И. Н. Глебов, «понятия «киберугроза» и «применение киберсилы» не определены ни в каких международно-правовых актах» [1, с. 141]. До тех пор, пока действия кибербойцов, направленные на достижение политических целей, не подлежат международно-правовой регламентации, киберпространство сохраняет за собой статус *terra nullius*. Иными словами, новое, искусственно сконструированное пространство войны правомерно обозначить как анклав дополитического, поддерживаемый в «политическом плюриверсуме» (термин К. Шмитта). Если действия комбатантов в традиционных доменах беллосферы (преобразованных в целях ведения войны областях физического пространства) регулируются международным правом, то отсутствие четких законодательных норм регулирования кибервойны, сопровождаемое технологическими проблемами идентификации источников кибератак, открывает возможность безнаказанного произвола.

² Концепт «политическое» рассматривается в настоящем исследовании в соответствии с политической дифференцией – отделением феномена *политического* как совокупности трансцендентальных условий реализации политики от самой *политики* как действий, направленных на достижение конкурентных преимуществ в миметическом соревновании с другими акторами.

В настоящее время отсутствуют как общепринятая дефиниция кибервойны, так и официальные международные документы, в которых были бы зафиксированы факты межгосударственной киберагрессии. Кроме того, применительно к операциям в киберпространстве отсутствует официальная информация о победах и поражениях, которые являются конститутивными элементами войны как таковой. В условиях, когда каждая из сторон, вовлеченных в противоборство, предлагает собственное определение кибервойны или воздерживается от такового, происходит ее искусственное удержание в статусе вне- или дополитического конфликта (современного аналога естественного состояния), где действует принцип «anything goes». Таким образом, правомерен вывод об активном использовании киберпространства в *политических* целях при сохранении его в *дopolитическом* статусе в качестве *terra nullius*.

Признание кибервойны в официальном международно-правовом дискурсе и принятие мер по ее ограничению не могут быть основаны на понимании киберпространства как *terra nullius*. Киберпространство как область политического взаимодействия должно быть организовано как *terra communis* («общая земля»), действия в пределах которой подчиняются конвенционально установленному и поддерживаемому порядку.

Если придерживаться понимания киберпространства как *terra nullius*, проблематично проведение четкой границы между военными и криминальными действиями его акторов. Если же, напротив, трактовать его как *terra communis*, потребуется международно признанное определение кибервойны и отделение данного феномена от таких явлений, как кибертерроризм и киберпреступность. Отличие кибервойны от киберпреступления связано с профессиональной подготовкой акторов, пользующихся государственной поддержкой, и высоким качеством кибератак, которые преследуют политические цели. Как правило, обычные атаки в сфере информационных технологий совершались «плохо скоординированными мелкими преступниками и подростками». В ситуации кибервойны на смену им приходят военные, которые работают в крупных организованных командах, используют многоступенчатую тактику, опираются на информацию, полученную от высокопрофессиональных экспертов из различных областей знания, обладают возможностью подготовки и проведения сложных операций в киберпространстве, не считая их затратными [9, s. 5]. Реальные угрозы кибербезопасности исходят не от хакеров-любителей, но от высококвалифицированных, прошедших специальное обучение, представителей государственных учреждений или подразделений корпоративной разведки, которые работают на открытом рынке [19, p. 256]. Таким образом, не вполне правомерно, на наш взгляд, трактовать кибервойну как противоборство, которое дает шанс для новых Давидов справиться с Голиафами, представленными государственными или пользующимися государственной поддержкой акторами.

О политической значимости ведения военных операций в киберпространстве свидетельствует активная информатизация вооруженных сил целого ряда государств, а также создание специальных государственных киберподразделений. Согласно дан-

ным, на 2021 год собственными кибервойсками обладают, в частности, такие государства, как США, Великобритания, Франция, Германия. В 2014 году было принято решение о создании в России войск информационных операций [4, с. 86, 88]. В характеристике кибервойны, представленной на официальном сайте корпорации RAND, подчеркивается, что она ведется, прежде всего, национальными государствами, а также международными организациями, целью действий которых является атака или нанесение вреда компьютерам или информационным сетям другой страны [20]. Таким образом, несмотря на декларируемую сегодня эру становления глобального суверенитета и наднациональных политических структур, а также на транстерриториальный характер киберпространства, сбрасывать со счетов привычную для человечества систему национальных государств было бы преждевременно. Кроме того, приписываемая кибервойне детерриториализация [7, с. 54], на наш взгляд, является относительной. С одной стороны, кибератаки, длящиеся доли секунд, действительно нивелируют подчас гигантское расстояние между их акторами и объектами. Однако, с другой стороны, кибербойцы действуют с территории определенного государства, а мишенью их атак являются объекты, также расположенные на государственной территории. Появление такой дисциплины, как кибергеополитика, исследующей взаимосвязь между киберпространством и процессами, происходящими в географическом пространстве, свидетельствует о том, что мышление в категории границ остается важнейшей человеческой характеристикой и в современную эпоху. Будучи доменом нерегламентированных столкновений, киберпространство в то же время является сферой проекции политических и геополитических дискурсов и категорий.

Заключение. Подводя итог настоящему исследованию, отметим значимость, которую приобретает киберпространство как новый домен ведения войны. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что эволюция ведения войн приводит к конституированию новых пространств, втянутых в орбиту военной деятельности. Ограничение военных действий в одной пространственной области приводит к конституированию пространств неограниченного насилия (*terrae nullius*). Тотализация войны связана с преобразованием освоенного человечеством пространства: не будет преувеличением утверждение, что в определенных задачах войны условиях вся социосфера способна функционировать в качестве беллосферы. Новизна настоящего исследования заключается в определении социально-онтологического статуса киберпространства как элемента эволюции беллосферы, который обеспечивает взаимосвязь различных доменов физического пространства и способствует тем самым достижению синергетических эффектов военной деятельности. Автор обосновывает правомерность трактовки феномена киберпространства как современного аналога «ничьей земли» (*terra nullius*), наличие которой приводит к неоднородному распределению практик политического насилия. Кибервойна, несмотря на свой внешне бескровный характер, тем не менее способна привести к причинению физического ущерба атакуемой стороне и даже стать источником человеческих жертв. До тех пор, пока киберпространство функционирует как *terra nullius*, действия в нем не регламентированы.

ны международно-правовыми нормами, и, следовательно, кибервойна лишена официального признания и может быть уподоблена дополитической «войне всех против всех».

Список литературы

1. Глебов И. Н. Международное гуманитарное право и кибервойна // Российское государственное управление. 2018. № 2. С. 137–153.
2. Гриняев С. Н., Правиков Д. И. Основы общей теории киберпространства. Теория боя в киберпространстве. М.: АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов», 2018. 124 с.
3. Жуков А. В. Киберпространство как сфера международных отношений и национальной безопасности // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. № 3–4. С. 60–68. DOI 10.26653/2076-4685-2020-3-4-06
4. Карасев П. А. Эволюция национальных подходов к ведению кибервойны // Международная аналитика. 2022. Т. 13. № 2. С. 79–94. DOI 10.46272/2587-8476-2022-13-2-79-94
5. Andress J., Winterfeld S. Cyber Warfare: Techniques, Tactics and Tools for Security Practitioners. Waltham: Syngress, 2014. 306 p.
6. On Cyber Warfare. A Chatham House Report / P. Cornish, D. Livingstone, D. Clemente, C. Yorke. London: Chatham House, 2010. 49 p.
7. Niedermeier A. Nicht(s) auf dem Radar: Cyberkrieg als komplexe Herausforderung für die hochgradig vernetzte Gesellschaft // Zeitschrift für Politik. Vol. 59. No. 1 (März 2012). S. 39–63.
8. Rid Th. Mythos Cyberwar: Über digitale Spionage, Sabotage und andere Gefahren. Hamburg: Edition Körber, 2018. 352 s.
9. Werkner I.-J. Cyberwar – die Digitalisierung der Kriegsführung? Eine Einführung / I.-J. Werkner, N. Schörnig (Hrsg.) // Cyberwar – die Digitalisierung der Kriegsführung. Wiesbaden: Springer VS, 2019. S. 1–14.
10. Петрушков М. Г., Шалаев В. П. Гибридные войны и национальная безопасность Российской Федерации // SocioTime / Социальное время. 2019. № 4 (20). С. 37–47. DOI 10.25686/2410-0773.2019.4.37
11. Кант И. К вечному миру // Трактаты о вечном мире. СПб.: Алетейя, 2003. С. 205–241.
12. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
13. Jaspers K. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. Politisches Bewusstsein in unserer Zeit, München: R. Piper & Co Verlag, 1958. 506 s.
14. Балаклеец Н. А. Terra nullius и отношения власти в социальном пространстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 38–42. DOI 10.17223/15617793/396/6
15. Hendlin Y. H. From *Terra Nullius* to *Terra Communis*: Reconsidering Wild Land in an Era of Conservation and Indigenous Rights // Environmental Philosophy. 2014. Vol. 11. No. 2. Pp. 141–174.
16. Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках. М.: Кучково поле, 2018. 384 с.
17. Alberts D., Garstka D., Stein F. Network Centric Warfare: Developing and Leveraging Information Superiority. Washington: CCRP, 2000. 284 p.
18. Байман З. Актуальность Холокоста. М.: Европа, 2010. 316 с.
19. The Big Issue: Command and Combat in the Information Age / Potts D. (ed.). Washington: CCRP, 2003. 333 p.
20. Cyber Warfare [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rand.org/topics/cyber-warfare.html> (дата обращения: 07.10.2022).

Авторская справка

БАЛАКЛЕЕЦ Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия. E-mail: bnatalja@mail.ru

UDC 355.01+114

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.20

N. A. Balakleets

Samara State Technical University, Samara (Russia)

THE PHENOMENON OF CYBERSPACE IN THE CONTEXT OF THE SPATIAL EVOLUTION OF MODERN WARFARE

Introduction. The purpose of the article is a political and philosophical study of the specifics of cyberspace in the context of modern transformations in the bellosphere (war space). The relevance of the study is determined by the fundamental transformation of wars and armed conflicts in the modern era, the active use of cyberspace resources to resolve political conflicts. At the same time, the existing theoretical works pay insufficient attention to the analysis of the relationship between cyberspace and traditional domains of warfare.

Methods. The author uses methodological principles of social constructivism, interdisciplinary and comparative analysis. It allows to reveal the constructive nature of cyberspace and to establish its socio-ontological status as an element of the modern bellosphere.

Results. To designate the space of warfare, which has a complex structure and is characterized by continuous dynamics, the author introduces the concept of "bellosphere". The phenomenon of cyberspace is interpreted in the article as a natural outcome of the spatial evolution of modern warfare, which has led to radical transformations of the bellosphere. The integration of modern and traditional domains of warfare causes synergistic effects of military activity. Since there is no territory in the modern world that could limit political conflicts in the physical space, they are transferred to the purely technological sphere of warfare – cyberspace. The heuristic and methodological significance of the concept *terra nullius* ("no man's land") for the political and philosophical analysis of armed violence is revealed and the relevancy of its use in relation to cyberspace is substantiated.

Conclusions. The conclusion is made, that although cyberspace is actively used for political purposes, it retains the pre-political status of *terra nullius*. Cyberwar can only be officially recognized and regulated when cyberspace is accepted as *terra communis* ("common land").

Keywords: cyberwar; cyberspace; terra nullius; war; violence; space; bellosphere.

References

1. Glebov I. N. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo i kibervojna [International Humanitarian Law and Cyber Warfare]. *Rossiiskoe gosudarstvovedenie*. 2018. No. 2. S. 137–153.
2. Grinyaev S. N., Pravikov D. I. Osnovy obshhej teorii kiberprostranstva. Teorija boja v kiberprostranstve [Fundamentals of the general theory of cyberspace. Theory of battle in cyberspace]. Moscow, Centr strategicheskikh ocenok i prognozov, 2018. 124 s.
3. Zhukov A. V. Kiberprostranstvo kak sfera mezhdunarodnyh otnoshenij i nacional'noj bezopasnosti [Cyberspace as a Sphere of International Relations and National Security]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2020. No. 3-4. S. 60–68. DOI 10.26653/2076-4685-2020-3-4-06

4. Karasev P. A. Jevoljucija nacional'nyh podhodov k vedeniju kibervojny [Evolution of National Approaches to Cyber Warfare]. *Mezhdunarodnaja analitika*. 2022. Vol. 13, no. 2. S. 79–94. DOI 10.46272/2587-8476-2022-13-2-79-94
5. Andress J., Winterfeld S. *Cyber Warfare: Techniques, Tactics and Tools for Security Practitioners*. Waltham: Syngress, 2014. 306 p.
6. Cornish P., Livingstone D., Clemente D., Yorke C. *On Cyber Warfare*. A Chatham House Report. London, Chatham House, 2010. 49 p.
7. Niedermeier A. Nicht(s) auf dem Radar: Cyberkrieg als komplexe Herausforderung für die hochgradig vernetzte Gesellschaft [Nothing on the radar: Cyberwarfare as a complex challenge for the highly networked society]. *Zeitschrift für Politik*. Vol. 59, no. 1 (März 2012). S. 39–63.
8. Rid Th. Mythos Cyberwar: Über digitale Spionage, Sabotage und andere Gefahren [Cyber War Will Not Take Place]. Hamburg: Edition Körber, 2018. 352 s.
9. Werkner I.-J. Cyberwar – die Digitalisierung der Kriegsführung? Eine Einführung [Cyberwar – the digitization of warfare? An introduction]. I.-J. Werkner, N. Schörnig (Hrsg.). *Cyberwar – die Digitalisierung der Kriegsführung*. Wiesbaden, Springer VS, 2019. S. 1–14.
10. Petrushkov M. G., Shalaeв V. P. Gibridnye vojny i nacional'naja bezopasnost' Rossijskoj Federacii [Hybrid wars and national security of the Russian Federation]. *SocioTime / Social'noe vremja*. 2019. No. 4 (20). S. 37–47. DOI 10.25686/2410-0773.2019.4.37
11. Kant I. K vechnomu miru [Perpetual Peace]. *Traktaty o vechnom mire*. Saint Petersburg, Aletejja, 2003. S. 205–241.
12. Schmitt C. Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum [The Nomos of the Earth in the International Law of the Jus Publicum Europaeum]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2008. 670 s.
13. Jaspers K. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. Politisches Bewusstsein in unserer Zeit [The Atom Bomb and the Future of Man. Political Consciousness in Our Time]. München, R. Piper & Co Verlag, 1958. 506 s.
14. Balakleets N. A. Terra nullius i otnoshenija vlasti v social'nom prostranstve [Terra nullius and power relations in social space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. No. 396. S. 38–42. DOI 10.17223/15617793/396/6
15. Hendlin Y. H. From Terra Nullius to Terra Communis: Reconsidering Wild Land in an Era of Conservation and Indigenous Rights. *Environmental Philosophy*. 2014. Vol. 11, no. 2. Pp. 141–174.
16. Münkler H. Oskolki vojny: Jevoljucija nasilija v XX i XXI vekah [War Splinters: The Evolution of Violence in the 20th and 21st Centuries]. Moscow, Kuchkovo pole, 2018. 384 s.
17. Alberts D., Garstka D., Stein F. *Network Centric Warfare: Developing and Leveraging Information Superiority*. Washington, CCRP, 2000. 284 p.
18. Bauman Z. Aktual'nost' Holokosta [Modernity and the Holocaust]. Moscow, Evropa Publ., 2010. 316 s.
19. Potts D. (ed.) *The Big Issue: Command and Combat in the Information Age*. Washington, CCRP, 2003. 333 p.
20. Cyber Warfare [Jelektronnyj resurs]. Available at: <https://www.rand.org/topics/cyber-warfare.html> (accessed 07.10.2022).

Author's Bio

BALAKLEETS Natalia Aleksandrovna – Candidate of Sciences (Philosophy), Docent, Docent at the Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, Samara, Russia. E-mail: bnatalja@mail.ru

Библиографическая ссылка

Балаклеец Н. А. Феномен киберпространства в контексте пространственной эволюции современных войн // SocioTime / Социальное время. 2022. № 4 (32). С. 20–32. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.20

УДК 316

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.33

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О НАЦИОНАЛЬНЫХ МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЯХ

С. Н. Гавров

Институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, Москва (Россия),

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва (Россия)

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена резкими изменениями в практике общественно-политической жизни страны, глобальными изменениями политики и геополитики. Как в непростой ситуации цивилизационного противостояния с Западом сохранить страну, сохранить и приумножить национальное культурное наследие? Эти вопросы актуальны сегодня.

Методы. В данном исследовании используются общенаучные методы, методы культурологии и истории, сравнительно-исторический метод исследования.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Актуализируется идея традиционных морально-нравственных ценностей, бывших нормативными большую часть истории. Ревизия и отказ от традиционализма, проведенные в СССР, в более чем тысячелетней истории страны выглядят не более чем историческая флуктуация, резкий выход за рамки устоявшейся ценностной нормативности. Любой резкий выход за рамки традиционной нормативности в исторической перспективе гасится, ситуация возвращается к средней, привычной, исторически устоявшейся. Именно это, пусть и на начальном этапе, мы и наблюдаем сегодня. Национальные морально-нравственные ценности России вновь приобретают абсолютное доминирование над привнесенными извне ценностями, прежде всего универсалистскими, имеющими по своей генеалогии западный характер. Россия имеет свою исторически и религиозно устоявшуюся культурно-цивилизационную систему, которой соответствуют национальные морально-нравственные ценности, включающие в себя элементы традиционализма.

Заключение. Национальные морально-нравственные ценности России формировались на протяжении всей нашей истории и потому имеют выраженное историческое, традиционалистское измерение, хотя бы потому, что история страны насчитывает более 1000 лет. Модерн и постмодерн в той или иной степени устремлены в будущее. Но это не линейный процесс, здесь возможны серьезные коррективы. Речь идет об актуализации морально-нравственных ценностей, характерных для прошлых исторических эпох, от близкого нам модернистского проекта СССР до русской истории периода домодерна. Национальные морально-нравственные ценности – продукт телеологии русской истории в духе Г. Ф. Гегеля.

Ключевые слова: Россия; СССР; морально-нравственный; ценности; традиционализм.

Издание выполнено в рамках научного исследования по теме «Морально-нравственные ценности российского общества и ценности другого мира: общее и особенное», в рамках научных исследований Института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва.

Введение. Национальные и универсалистские морально-нравственные ценности. Как можно удержать позиции в цивилизационном противостоянии, сохранить страну и национальное культурное наследие? Эти вопросы во многом относятся к сфере идей, идейно-управленческой надстройке, которая побуждает к действию,

заставляет отстаивать исторические интересы России. Мы рассматриваем национальные морально-нравственные ценности как приоритетные в отношении ценностных обобщений.

Методы исследования. В данном исследовании используются общенаучные методы, методы культурологии и истории, сравнительно-исторический метод исследования.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Западные ценности были привлекательными большую часть XIX-XX вв., когда Запад лидировал в технике и технологиях, представлял соблазнительные формы культуры повседневности, хотя о кризисе западной культурно-цивилизационной системы размышляли весь XX век [2; 3; 8]. Сегодня Запад все более отходит от декларируемого ценностного универсализма, постоянно расширяя зазор между идеями и практикой их применения, часто игнорируя свои ценностные построения.

Национальные морально-нравственные ценности России формировались на протяжении всей нашей истории и потому имеют выраженное историческое, традиционалистское измерение, хотя бы потому, что история страны насчитывает более 1000 лет, а современность, то, что происходит в историческом сегодня, занимает меньше исторического времени. Важно и то, что модерн и постмодерн в той или иной степени устремлены в будущее. Это не линейный процесс, здесь возможны серьезные коррекции, включающие в себя частичное возвращение ценностного ряда, характерного для прошлых исторических эпох.

Следует отметить, что для более полного понимания отличий национальных морально-нравственных ценностей и ценностей «другого» мира в процессе исследования мы обратились к работам экономистов, среди которых выделяем О. Э. Бессонову и С. Г. Кирдину, разработавших теорию институциональных матриц в экономике России [1; 11]. Эта теория хорошо объясняет экономическую практику, выводит ее из пространства случайностей в пространство культурно-обусловленных исторических закономерностей. Права собственности на крупные компании неустойчивы? Устойчивы, пока государство полагает, что так правильно. И неустойчивы, если начинает полагать иначе. В теории институциональных раздаточных матриц собственников, в западном смысле, практически нет. Юридически оформленный класс собственников по функционалу ближе к государственным управляющим, которым временно делегировано право управления временно отчужденной государственной собственностью. Это упрощает понимание социально-экономических и связанных с ними социально-политических и социально-культурных процессов. Тем более что здесь вопрос не в чиновничьем волонтаризме, хотя проявляется все в стохастичности событий, но разные события, а результат один. Так работает российская культурно-цивилизационная система в экономике.

Мы можем говорить о национальных морально-нравственных ценностях как продукте телеологии русской истории, в духе Г. Ф. Гегеля, причисленного нашими

идейными оппонентами к когорте «лжепророков». Свою нелюбовь к Гегелю-философу, его диалектике открыто декларировал, например, философ-позитивист К. Поппер, причисливший Г. Ф. Гегеля к лжепророкам и врагам открытого общества [12, с. 525].

Мы чтим философское наследие Г. Ф. Гегеля, полагаем, что «конца истории» нет. Сказанное относится и к ценностям, которые не универсальны, но имеют выраженную связку с породившей их культурно-цивилизационной системой [5].

Комплекс традиционных ценностей в России есть, и это дает мировоззренческие ориентиры для общества. Но традиционные ценности по определению принадлежат традиции, сформировались в прошлом, в том числе достаточно далеком, о котором никто из ныне живущих не может сказать чего-либо, исходя из собственного опыта. Культура переживает себя в том, что связано с ее вещественными остатками, в традициях, продолжающих свое существование в лоне других культур, в их памяти – знании о ней [13, с. 134].

Сказанное относится и к российскому традиционализму, т. к. он относится к таким, почти «исчезнувшим» типам мироощущения сегодняшних россиян. Традиционалист в крестьянском сословии мог полагать, «что время движется по кругу, циклично, все в мире повторяется, а не изменяется... Отсюда его недоверчивость ко всяким переменам, всяким нововведениям, будь они хорошими или плохими, и традиционализм, который... гарантировал сохранение того, чем человек обладает в данный момент» [11]. Сегодня все иное, в том числе социально-профессиональные страты, культура, ценности. Поколений, социализировавшихся и инкультурировавшихся в духе традиционализма, уже нет, или почти нет.

Заключение. Возможность использования традиционных ценностей в утилитарном смысле сопряжена с их маркетинговой адаптацией к картине мира живущих сегодня поколений, особенно молодежи.

Исторически наблюдались предпосылки поддержания традиционализма, низкого уровня социальной и культурной динамики. Так, в традиционном средневековом обществе, например, несколько поколений людей могли жить в относительно неизменных условиях, поскольку поколение техники оставалось тем же [10].

Сегодня это невозможно. В течение жизни одного поколения может смениться 5–6 поколений техники, и процесс этот ускоряется, стремится к сингулярности. Как быть при такой скорости технико-технологических изменений и связанных с ними социальных изменений с традиционализмом? Как его возможно воспроизводить и поддерживать в новых поколениях? Эти вопросы открыты, внятного технологического ответа на них нет. Ведь молодежь, в силу особенностей возраста, чаще принимает временную перспективу, существенно отличающуюся от более старших возрастных групп. Иными словами, в силу возраста, молодежь полагает, что может рассматривать для себя долгосрочный временной горизонт, гипотетически рассуждая о все более отдаленном будущем и о его вариативности.

Сегодня в России происходит процесс актуализации и реконструкции комплекса национальных морально-нравственных ценностей в новой, привлекательной для молодежи современной форме [5; 7; 4; 6]. Это непростой путь, здесь есть трудности, в том числе поколенческое несовпадение языка, стилистики, каналов коммуникации, искажающих смысл традиционалистского послания, делающих его непонятным для молодежи. Для большей эффективности процесса формирования национальных морально-нравственных ценностей следует говорить на языке и в стилистических формах, используемых молодежью и ей понятных. Речь идет о маркетинговой и коммуникационной «упаковке» традиционализма, его технологической применимости для актуализации-реконструкции национальных морально-нравственных ценностей.

Этим вопросом озаботилось не только научное сообщество, но и власть. Это свидетельствует о серьезности намерений. Так уже происходило в нашей истории, произойдет, по-видимому, и в историческом сегодня.

Список литературы

1. Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: Изд-во ИЭ и ОПП СО РАН, 1997. 76 с.
2. Вебер А. Кризис европейской культуры. СПб.: Университетская книга, 1998. 565 с.
3. Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры. М.: Раритет, 1995. С. 181–434.
4. Гавров С. Н., Востряков Л. Е. Культурная дипломатия как инструмент конструирования и трансляции притягательного бренда Российского государства // Вестник МГИК. 2018. № 2 (82). С. 26–33.
5. Гавров С. Н. За Россию // Национальные морально-нравственные ценности и ценности другого мира: монография. М.: Министерство культуры РФ, Институт Наследия, 2022. [В печати].
6. Гавров С. Н., Востряков Л. Е. Международное культурное сотрудничество как часть государственной культурной политики России // Вестник МГИК. 2018. № 3 (83). С. 152–160.
7. Гавров С. Н., Семенец И. Философия образования: ценности, эдусемиотика и межкультурный диалог // SocioTime / Социальное время. 2021. № 2. С. 16–36.
8. Додин Е. Я. Кризис либеральной политической доктрины? // Культурология: дайджест. Серия: Теория и история культуры. М.: РАН ИНИОН, 2002. № 2 (21). С. 45–56.
9. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. 308 с.
10. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратов. М.: Логос, 2001. 408 с.
11. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин. 528 с.
12. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги / пер. с англ. В. Н. Брюшинкина, П. И. Быстрова, В. В. Келле и др. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / под общ. ред. В. Н. Садовского. М.: Междунар. фонд «Культ, инициатива», 1992. 525 с.
13. Ястребицкая А. Л. У истоков исторической антропологии в России: Л. П. Карсавин // Историческое знание на рубеже столетий: сб. обзоров рефератов. М., 2003. С. 134.

Авторская справка

ГАВРОВ Сергей Назипович – профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия. E-mail: SNGavrov@fa.ru

UDC 316

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.33

TO STATEMENT OF THE QUESTION OF NATIONAL MORAL AND MORAL VALUES

S. N. Gavrov

*Institute of Natural and Cultural Heritage named after D. S. Likhachev, Moscow (Russia),
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow (Russia)*

Introduction. The relevance of the research topic is due to drastic changes in the practice of the country's socio-political life, global changes in politics and geopolitics. How to preserve the country, preserve and increase the national cultural heritage in a difficult situation of civilizational confrontation with the West. These questions are relevant today.

Methods. This study uses general scientific methods, methods of cultural studies and history, a comparative historical method of research.

Results. The idea of traditional moral values, which were normative for most of history, is being updated. The revision and rejection of traditionalism carried out in the USSR, in the more than a thousand-year history of the country, looks like nothing more than a historical fluctuation, a sharp departure from the established value normativity. Any abrupt departure from the framework of traditional normativity in the historical perspective is extinguished, the situation returns to the average, familiar, historically established. This is exactly what we are seeing today, albeit at an early stage. Russia's national moral values are once again gaining absolute dominance over values brought in from outside, primarily universalist values that have a Western character in their genealogy. Russia has its own historically and religiously established cultural and civilizational system, which corresponds to national moral values, which include elements of traditionalism.

Conclusion. The national moral values of Russia have been formed throughout our history, and therefore have a pronounced historical, traditionalist dimension, if only because the history of the country has more than 1000 years. Modern and postmodern to some extent directed to the future. But this is not a linear process, serious corrections are possible here. We are talking about the actualization of moral values, characteristic of past historical eras, from the modernist project of the USSR close to us to Russian history of the pre-modern period. National moral values are a product of the teleology of Russian history, in the spirit of G. F. Hegel.

Keywords: Russia; USSR; moral; values; traditionalism.

The publication was carried out within the framework of scientific research on the topic "Moral values of Russian society and values of another world: common and special", within the framework of scientific research of the D.S. Likhachev Institute of Cultural and Natural Heritage.

References

1. Bessonova O. E. Institutions of the distributive economy in Russia: a retrospective analysis. Novosibirsk, Publishing house of IE and OPP SO RAN, 1997. 76 p.
2. Weber A. The crisis of European culture. Sfant Petersburg, University book, 1998. 565 p.
3. Vysheslavtsev B. P. Crisis of industrial culture. Moscow, Raritet, 1995. S. 181–434.
4. Gavrov S. N. Vostryakov L. E. Cultural diplomacy as a tool for constructing and broadcasting an attractive brand of the Russian state. Vestnik IPCC, 2018. No. 2 (82). P. 26–33.
5. Gavrov S. N. For Russia. National moral values and values of another world. Monograph. Moscow,

Ministry of Culture of the Russian Federation, Heritage Institute, 2022. [In press].

6. Gavrov S. N., Vostryakov L. E. International cultural cooperation as part of the state cultural policy of Russia. *Vestnik IPCC*, 2018. No. 3 (83). S. 152–160.

7. Gavrov S. N., Semetsky I. Philosophy of education: values, edusemiotics and intercultural dialogue. *SocioTime / Social time*, 2021. No. 2. Pp. 16–36.

8. Dodin E. Ya. Crisis of liberal political doctrine? *Culturology: Digest*. No. 2 (21). RAS INION. Moscow, 2002. (Series: Theory and history of culture). 2 (21). P. 45–56.

9. Kirdina S. G. Institutional matrices and development of Russia. Novosibirsk, IEiOPP SO RAN, 2001. 308 p.

10. Mumford L. The myth of the machine. Technique and development of mankind. Per. from English. T. Azarkovich, B. Skuratov. Moscow, Logos, 2001. 408 p.

11. Mironov B. N. Social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX century), In 2 volumes. Vol. 1. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin. 528 p.

12. Popper K. R. Open society and its enemies. Per. from English. V. N. Bryushinkina, P. I. Bystrova, V. V. Kelle and others. Vol. 2. Time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles. Under total ed. Sadovsky V. N. Moscow, Intern. Fund "Cult, initiative", 1992. 525 p.

13. Yastrebitskaya A. L. At the origins of historical anthropology in Russia: L. P. Karsavin. Historical knowledge at the turn of the century: Sat. reviews and abstracts. RAN. INION. Center for social scientific-inform. research Dep. fatherly and abroad. stories; Editorial staff: Yastrebitskaya A. L. (chief editor) and others Moscow, 2003. S. 134.

Author's bio

GAVROV Sergey Nazipovich – Chief Researcher of the Institute of Natural and Cultural Heritage named after D. S. Likhachev; Professor Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

E-mail: SNGavrov@fa.ru

Библиографическая ссылка

Гавров С. Н. К постановке вопроса о национальных морально-нравственных ценностях // *SocioTime / Социальное время*. 2022. № 4 (32). С. 33–38. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.33

УДК 316.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.39

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВА: НА ПУТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО МИРА

Шалаев В. П.*Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола (Россия)*

Введение. В статье проведен первичный теоретический анализ взаимосвязи (синкретизма) негативного социального диагноза современного общества и разрушительных метаморфоз развития когерентной ему социальной и гуманитарной науки.

Методы. К числу использованных методов можно отнести системный подход, критический аналитический подход, прогностический подход.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В целом статья состоит из двух взаимосвязанных разделов: с одной стороны, анализа нарастающего социального хаоса в жизни современного западофицированного однополярного глобального мира, движимого доминантой западного капитала, и становления нового многополярного глобального мира с новой не западно ориентированной конструкцией новых центров и новых взаимосвязей в этом мире; с другой стороны, анализа происходящего под влиянием западофицированного глобального общества, в основе которого доминанта западного капитала, процесса деформации научных исследований, научных изобретений, научных целей и ценностей развития науки.

Заключение. Важной миссией современного социально-гуманитарного научного знания в условиях диффузии понимания путей дальнейшего развития общечеловеческого мира, безусловно, должно стать приоритетное развитие направлений, связанных с общей теорией общества, и незамедлительное преодоление мелкотемья, прикладнизации, «грантового проедания» государственных ресурсов и т. д., ставших возможными без должного государственного целевого управления наукой.

Ключевые слова: глобализация; общество потребления; социальный хаос; деформация науки; новый многополярный мир; научная теория общества.

Введение. Рассмотрим общую картину происходящего в призме предельно общих макротенденций современности. Как мы видим, все они носят деформирующий для сложившейся мировой социальной системы характер. Именно эти деформирующие процессы заставляют науку прогнозировать все более жесткие сценарии развития современного мирового сообщества на путях к новой истории. И именно эта деформация мировой западофицированной архитектуры мира, известная под названием западного проекта глобализации, наиболее остро ставит вопросы о безопасности и контролируемости происходящих процессов [1; 2; 3; 4; 5; 10].

Диагноз нашего времени. Социальный хаос нарастает. Макроситуация.

1. Нарастание девальвации и критического восприятия материальной доминанты ценностного мира современного человека, движимых Западом, как разрушительного фактора внутренней общественной жизни народов и мирового сообщества народов в целом.

2. Нарастание бездуховности и антигуманизма в общественных ценностях и практиках жизни народов, движимых Западом, как угроза общественного внутреннего единства народов и мирового сообщества народов в целом.

3. Нарастание борьбы мировоззрений в планетарном мире народов. Глобальный конфликт традиционной и либеральной (неолиберальной) систем ценностей в

мире. Поляризация культур и цивилизаций (Запад и не-Запад). Болезненные и опасные для стабильности тенденции перехода от доминанты Запада к многополярности.

4. Нарастание дефицита ресурсов жизни человека (оскудение природы и оскудение здоровья человека). Нарастание противостояний и борьбы цивилизаций, стран и народов, движимых элитами, за жизненные ресурсы и новые социальные статусы в мире...

5. Разрушение поддерживающих и воспроизводящих человека традиционных социальных институтов общества (традиционные семья, мораль, религия, кровное родство, коллективизм...). Нарастание социальной незащищенности, брошенности человека в мире.

6. Депопуляция цивилизованных народов Запада. Биологическое и социальное вырождение западных цивилизаций (морально-нравственное прежде всего) как фактор рисков для стабильного мира.

7. Утрата трудовой этики и аскезы народов, нарастание потребительства (в особенности среди молодых поколений), потеря мотивации к труду на общее благо.

8. Нарастание социального нарциссизма (прежде всего в среде молодых поколений) в обществе как фактор роста разобщенности, одиночества и противостояния людей в едином обществе.

9. Нарастание конфликта поколений и полов в обществе как фактор роста разобщенности единого общества.

10. Ослабление креативности народов в планетарном мире. Рост дефицита свободного творчества как риск устойчивого развития общества, его способности контролировать и управлять растущей сложностью и турбулентностью.

11. Нарастание социального нигилизма в мире, на Западе и на Востоке. Связанный с этим рост неверия в сложившиеся системы ценностей и идеологемы. Нарастание вакуума позитивных идеологий, рост протестных настроений населения и турбулентности общественных процессов в мире.

12. Нарастание диффузии науки как инструмента общественного развития (дефундаментализация, дегуманизация, деэтизация, прикладнизация, коммерциализация науки).

13. Деформация образования (падение общей образованности и профессионализма поколений). И т. д.

Эти глобальные тенденции во многом уже были исследованы нами ранее, и их актуальность только продолжает нарастать [3; 7; 12; 13].

Методы исследования. В качестве генеральных методов представленного теоретического исследования использованы методы критического анализа, метод индукции, метод системного анализа и метод социального прогнозирования. Все они позволили установить корреляцию между главными ценностями и целями западной формы глобализации и разрушительными процессами в сфере науки и образования, а также смоделировать сценарное пространство представлений о будущности процессов общемирового развития и места в них России.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Понимание современных мировых политических, экономических, идеологических и иных процессов современности для нас, несомненно, связано с масштабом, размерностью описания и понимания исследуемых процессов. В основе этого масштаба выбранный для описания и понимания научный язык исследования, его адекватность сложности исследуемых процессов для нас имеет принципиальное значение. Узкая специализированность, неадекватность реальности – важная проблема понимания мира, исследуемого с помощью научных методов и языков.

В области общемировых процессов здесь незаменимы масштабные языки геополитики, геоэкономики, геосоциологии, геокультурологии, геофилософии, геоидеологии, геоистории, геолингвистики и т. д., обладающие предельной широтой и масштабом объекта, предмета исследования и понимания социальной реальности. Свойственная этим наукам планетарная системная объектность (все многообразие и единство во взаимосвязях и взаимовлияниях частей мира в его сложности) – важный, решающий фактор социальной картины мира, к которой принадлежит человечество на планете Земля, в свою очередь, включенная в пространство Солнечной системы, нашей Галактики, Млечного Пути и Вселенной.

Обладание максимально масштабным и сложным объектом исследования влечет за собой максимально возможный и сложный язык познания (описания и понимания) реальности во всей совокупности ее частей, взаимосвязей и их взаимовлияний, позволяя создавать максимально возможную, в масштабах человеческого мышления, научную картину реальности.

Именно этим ценны фундаментальные гуманитарные и социальные науки в анализе, выводах, прогнозах, формулируемых причинах, тенденциях, факторах, условиях, целях и задачах общественного развития России. Ценны оперированием понятиями больших систем, структур, историей, законами и принципами функционирования и развития систем. Познавательные ресурсы социальной философии, общей социологии, культурологии, общей политологии, всемирной и отечественной истории, общей экономики и т. д., оснащенных научной теорией и научной методологией – важный инструмент адекватной научной картины современного общества в ситуации его трансформации и слабо прогнозируемых процессов деформации уходящего западно-центристского глобального мира и становления нового полицентричного глобального мира.

Хорошим примером здесь является начинающая набирать силы устремленность отечественных социальных и гуманитарных наук на создание общей научной теории современного общества, в том числе российского общества, которая, к сожалению, многие годы после распада СССР была под необъявленным запретом или, во всяком случае, не поддерживалась и не стимулировалась никаким образом со стороны государства или научных организаций. В грантовых научных фондах России (РГНФ, РФФИ, РНФ и др.) такая позиция более 30 лет отсутствовала, зато пышным цветом расцветали, финансируемые за счет государства, научное мелкотемье и узкоприкладные исследования. Происходящие до сих пор процессы мелкотемья и прикладнизации мы смело могли бы назвать социальными болезнями нашей науки. Об этом мы уже не раз писали в наших более ранних критических работах [11; 12].

Зафиксируем некоторые из наиболее значимых, на наш взгляд, глобализационных контекстов университетской науки, находящейся сегодня в ситуации социальной болезни:

1. Дефундаментализация науки (размывание фундаментальности);
2. Прикладнизация (ориентация на прикладные, узкоотраслевые, потребительские, рыночные знания и навыки);
3. Уход науки в технологизацию (направленность на конструирование искусственной реальности: мейнстрим информатизации, виртуализации реальности как ее подчинения властвующему, потребительскому человеку, а не продолжение ее изучения и гармонизации отношений с ней);
4. Дезитизация и прагматизация науки, ставшей придатком экономики, бизнеса и политики;
5. Узкая специализированность (препарация науки), постепенная утрата навыков больших теорий (теории природы, теории общества, теории человека...);
6. Мелкотемье научных исследований. Из науки уходят крупные общечеловеческие темы и проблемы (устройство мира и общества, перспективы человека и закономерности их развития...). Уменьшение масштаба мышления в науке;
7. Коммерциализация науки (ориентация науки на быстрый практический эффект и финансовый результат как высший критерий);
8. Сервисизация науки (превращение науки в служанку сервисных практик в экономической жизни общества. Наука как служанка сервиса (служанка услуг));
9. Кризис общенаучных методологий. Дефицит общенаучных языков общения. Расхождение наук. Рост межнаучных дистанций;
10. Слабая готовность к междисциплинарному диалогу. Постепенное окукливание наук и научных языков;
11. Утрата аскетизма и трудовой этики ученых (потребительская устремленность ученых, ориентация на формальные ценности, быстрый результат);
12. Разрушение кадрового потенциала в науках (разрушение условий по подготовке сильного студента, аспиранта, исследователя...);
13. Формализация науки (борьба за гранты, финансирование как показатели аккредитации ученого, лаборатории, вуза, а не как факторы научного развития);
14. Разрушение научных школ. Утрата преемственности научных поколений в науке. Утрата преемственности научных знаний;
15. Метаморфозы и трансформации научных элит (научные элиты по принципу доступа к финансам и власти) [11; 12].

Для нас абсолютно ясно, что все эти «болезни» науки являются зеркальным отражением и следствием социальных болезней глобального общества потребления, созданного и движимого западными элитами, прежде всего потребностями, интересами и целями глобального капитала, который более всего нуждается в рациональной организации и развитии производства и сбыта товаров и услуг, а не в действительном развитии человека. Наука стала поистине служанкой больших денег и экономики и уже более не служит человеку [11; 12].

На пороге разрушения западоцентричного глобального мира и становления нового полицентричного глобального мира в вопросах определения дальнейшей судьбы России адекватное и перспективное для нее научное понимание мировых процессов,

их тенденций, пороговых сценариев развития, места, роли, ресурсов, целей и смыслов России в новом глобальном мире приобретают принципиальное значение. Всем этим социальные болезни науки должны быть преодолены скорейшим образом. И прежде всего в области обращения к фундаментальной науке, новой научной теории формирующегося нового глобального общества. Узкая специализированность, прикладни-зация, коммерциализация должны быть незамедлительно купированы и подчинены действительным интересам человека и человечества. То же актуально и для современной России, которой, как нам представляется, не выжить и не вписаться в новый виток истории без новой рациональной и морально оправданной теории общества, поддерживаемой соответствующей идеологией общества.

Сегодня здесь, как нам представляется, особое значение имеет возвращение в университетское образование, университетскую и академическую науку языка и проблематики большого мира – обществознания глобальных процессов. Вновь, как на рубеже предыдущих веков, в центре гуманитарных наук должна стать тема всеобщей теории общества, способная ответить на предельно общие вопросы дальнейшего развития человечества. Современным гуманитарным и общественным наукам как воздух не хватает масштаба мышления, подобного великим теориям общества XVIII–XX веков, воплощенных в трудах Ж. Ж. Руссо, Ш. Монтескье, И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса, В. Соловьева, Н. Бердяева, В. И. Ленина, Э. Фромма, Л. Гумилева и др., нацеленных на глубокое понимание человека и общества и на осмысление универсальных общественных законов, опираясь на которые, ими и были предложены грандиозные по масштабу и революционные по целям теории общества.

Заключение. Что в итоге нашего обобщения? Мы предложили несколько принципиальных позиций, описывающих господствующие тенденции современности, их причины, главные субъекты, риски и возможные сценарии становления нового мира в призме новой теории общества, востребованность которой нарастает.

*Закат западной глобализации и становление
нового многополярного мира (опыт критического анализа)*

В самом начале заметим, что мы уже не раз обращались к теме философского геополитического анализа современных мировых процессов, представленных главными аттракторами геополитических процессов в современном мире [1; 2; 3; 4; 5]. Здесь мы представим обновленный краткий анализ и прогноз становления нового мира.

*Современные все более поляризирующиеся
геополитические игроки мира*

1. Коллективный Запад (страны западной семерки). Примерно 1 млрд населения, основные финансовые ресурсы мира и его ресурсы.
2. Структурирующийся незападный мир (все остальные страны мира). 7 млрд населения и основные природные ресурсы мира.

Основные аттракторы (субъекты) формирующегося глобального мира

1. Коллективный запад (США, Великобритания, Евросоюз, Япония). Не однородны и не едины (интеллектуальные, культурные, экономические, военные ресурсы).
2. Россия (интеллектуальные, культурные, природные, военные ресурсы).

3. Китай (культурные, трудовые, интеллектуальные, природные и экономические ресурсы).

4. Индия (культурные, трудовые, интеллектуальные, природные и экономические ресурсы).

5. БРИГС (интегрированные ресурсы Бразилии, России, Индии, Китая, Южной Африки).

6. Внутренне разобщенный Арабский мир и его ресурсы (Саудовская Аравия, Египет, Сирия, Алжир, Ливия и др.).

7. Внутренне разобщенный тюркский мир и его ресурсы (Турция, Азербайджан, Казахстан, Туркмения и др.).

8. Внутренне разобщенный Африканский мир и его ресурсы (интегрирующая идеология «Негретюд», основанная на исключительности африканской нации).

Мейнстрим развития глобального мира

1. Нарастающее структурирование (организация) новых незападных аттракторов глобального мира и их нарастающее влияние на мир.

2. Нарастающая деструктуризация (дезорганизация) западного мира и связанный с этим рост угроз все более агрессивных сценариев в борьбе Запада за доминирование в меняющемся мире.

3. Связанная с этими тенденция полярно-многополярных концентраций западного и незападных аттракторов в мире и рост рисков их противостояния (причем и между незападными аттракторами) за лучшие геополитические статусы в новом мире.

Причины противостояния и противоборства в глобальном мире («коса на камень»)

Коллективный Запад не может удерживать контроль и регулирование изменившегося, ставшего более развитым, не огромного, все более активного западного мира, но стремится его удерживать любыми способами («Новая Большая игра англосаксов» в мире по его разобщению, ослаблению и подчинению).

Коллективный незападный мир, получив позитивное развитие, переосмыслил свое место и роль в глобальном мире в отношении с коллективным Западом и уже не хочет быть сырьевым придатком, трудовыми ресурсами и рынками сбыта западной цивилизации. Не-Запад стремится повысить свой социальный статус в глобальном мире за счет более справедливых экономических, политических и культурных отношений в мире.

Основные этапы становления нового мира и проблемы переходов между ними

1. Постепенное ослабление влияния аттрактора коллективного Запада и его цивилизации на мир и постепенное возрастание влияния на мир незападных аттракторов (этап, когда Запад «больше – равен» не-Западу с постепенным нарастанием не-Запада в сторону равенства с Западом).

2. Равенство аттрактора коллективного Запада и аттракторов коллективного не-Запада. Постепенное оформление неустойчиво (динамически) равных двух коллективных аттракторов глобального мира: коллективного Запада и коллективного не-Запада (этап неустойчивого, динамического равновесия сторон). Ситуация, когда

коллективный Запад уже не может доминировать, а коллективный не-Запад пока не может стать доминантой глобального мира.

3. Борьба и постепенная победа, нарастание доминирования аттрактора коллективного не-Запада над аттрактором коллективного Запада (этап победы коллективного не-Запада над коллективным Западом и узаконивание статус-кво нового мира).

В складывающейся ситуации бифуркационности (слабой прогнозируемости) происходящих общемировых трансформаций решающую роль приобретает вопрос современной теории как российского, так и общемирового сообщества. Как представляется, одной из наиболее адекватных научных методологий в развитии такой теории объективным образом не может не стать и должна стать синергетическая теория общества, «чувствительная» к таким феноменам бифуркационного общественного развития, как, собственно, нестабильность, бифуркационность, фрактальность, аттракторы, хаос, управление хаосом и др. [3; 13].

Список литературы

1. Шалаев В. П. Глобализационное измерение национальной безопасности России в XX веке (критический анализ) // Society and Security Insights. 2020. Т. 3. № 1. С. 58–68.
2. Шалаев В. П. Глобализация как западофикация и колонизация мира и эпилог западной оси мировой истории // Socio Time / Социальное время. 2015. № 2. С. 50–59.
3. Шалаева С. Л., Шалаев В. П. Либеральная (псевдолиберальная) культура как фактор глобальной западофикации и глобального управления // Socio Time / Социальное время. 2015. № 2. С. 112–122.
4. Шалаев В. П. Мировоззренческо-образовательная западофикация как технология глобализации и угроза национальной безопасности России (философский анализ) // Socio Time / Социальное время. 2015. № 1. С. 57–71.
5. Шалаев В. П. Осторожно, мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западофикации и потребления: противоречия нарастают // Socio Time / Социальное время. 2015. № 3. С. 48–57.
6. Шалаев В. П. Между западофикацией и собственным путем: нелегкий выбор нашего времени (опыт философского анализа) // Socio Time / Социальное время. 2018. № 3 (15). С. 26–36.
7. Шалаев В. П. Не-Запад в глобальном обществе потребления: безопасность и аттракторы развития // Socio Time / Социальное время. 2019. № 3 (19). С. 51–64.
8. Шалаев В. П. Глобализация как вызов культурной и цивилизационной безопасности стран и народов в XXI веке // Труды БГТУ. Серия: История, философия, филология. 2015. № 5 (178). С. 89–93.
9. Шалаев В. П. Синергетика глобального капитализма, потребления и отчуждения человека в современном обществе // Труды БГТУ. Серия: История и философия. 2017. № 1 (197). С. 81–85.
10. Шалаев В. П. Глобализационное измерение национальной безопасности России в XX веке (критический анализ) // Society and Security Insights. 2020. Т. 3. № 1. С. 58–68.
11. Шалаев В. П. Синергетический образ университетской науки в условиях вызовов современности: между хаосом и порядком (опыт критического анализа) // Socio Time / Социальное время. 2020. № 2 (22). С. 66–73.
12. Шалаев В. П. Трансформация высшей школы в глобальном обществе потребления как проблема национальной безопасности и устойчивого развития // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (45). С. 19–23.
13. Шалаев В. П. Управление как философско-синергетическая проблема: в поисках новой парадигмы // Труды БГТУ. Серия: История, философия, филология. 2013. № 5 (161). С. 67–72.

Авторская справка

ШАЛАЕВ Владимир Павлович – доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий, Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия.

E-mail: shalaevvp@volgatech.net

UDC 316.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.39

THE FORMATION OF A NEW THEORY OF SOCIETY: ON THE PATH TO A NEW WORLD

V. P. Shalaev

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. The article carried out the primary theoretical analysis of the relationship (syncretism) of the negative social diagnosis of modern society and the destructive metamorphoses of the development of coherent social and humanitarian science.

Methods. The methods used include a systematic approach, a critical analytical approach, and a prognostic approach.

Results. In general, the article consists of two interrelated sections – an analysis of the growing social chaos in the life of the modern West-centric unipolar global world, driven by the dominance of Western capital, and the formation of a new multipolar global world, with a new non-West-oriented construction of new centers and new relationships, in this world. And on the other hand, the analysis of what is happening under the influence of the West, managing a global society, which is based on the dominant of Western capital, the process of deformation of scientific research, scientific inventions, scientific goals and values of the development of science.

Conclusion. An important mission of modern socio-humanitarian scientific knowledge in the context of diffusion of understanding of the ways of further development of the universal world, of course, should be the priority development of areas related to the general theory of society and, immediately, overcoming small families, applied, "grant eating" of state resources, etc., without proper state targeted management of science.

Keywords: globalization; consumer society; social chaos; deformation of science; new multipolar world; scientific theory of society.

References

1. Shalaev V. P. Globalizatsionnoe izmerenie natsional'noy bezopasnosti Rossii v KhKh veke (kriticheskiy analiz) [The globalization dimension of Russia's national security in the twentieth century (critical analysis)]. *Society and Security Insights*. 2020. Vol. 3. No. 1. Pp. 58–68.
2. Shalaev V. P. Globalizatsiya kak zapadifikatsiya i kolonizatsiya mira i epilog zapadnoy osi mirovoy istorii [Globalization as Westernization and colonization of the world and the epilogue of the Western axis of world history]. *Socio Time / Sotsial'noe vremya*. 2015. No. 2. Pp. 50–59.
3. Shalaeva S. L., Shalaev V. P. Liberal'naya (psevdoliberal'naya) kul'tura kak faktor global'noy zapadifikatsii i global'nogo upravleniya [Liberal (pseudo-liberal) culture as a factor of global Westernization and global governance]. *Socio Time / Sotsial'noe vremya*. 2015. No. 2. Pp. 112–122.
4. Shalaev V. P. Mirovozzrenchesko-obrazovatel'naya zapadifikatsiya kak tekhnologiya globalizatsii i ugroza natsional'noy bezopasnosti Rossii (filosofskiy analiz) [Ideological and educational Westernization as a technology of globalization and a threat to Russia's national security (philosophical analysis)]. *Socio Time / Sotsial'noe vremya*. 2015. No. 1. Pp. 57–71.
5. Shalaev V. P. Ostorozhno mutatsiya: chelovek i obshchestvo pered vyzovami globalizatsii, zapadifikatsii i potrebleniya: protivorechiya narastayut [Caution mutation: man and society facing the challenges of globalization, Westernization and consumption: contradictions are growing]. *Socio Time / Sotsial'noe vremya*. 2015. No. 3. Pp. 48–57.
6. Shalaev V. P. Mezhdru zapadifikatsiey i sobstvennym putem: nelegkiy vybor nashego vremeni (opyt filosofskogo analiza) [Between Westernization and one's own way: a difficult choice of our time (experience of philosophical analysis)]. *Socio Time / Sotsial'noe vremya*. 2018. No. 3 (15). Pp. 26–36.

7. Shalaev V. P. Ne zapad v global'nom obshchestve potrebleniya: bezopasnost' i attraktory razvitiya [Not the West in the global consumer society: security and attractors of development]. Socio Time / Sotsial'noe vremya. 2019. No. 3 (19). Pp. 51–64.
8. Shalaev V. P. Globalizatsiya kak vyzov kul'turnoy i tsivilizatsionnoy bezopasnosti stran i narodov v KhKhI veke [Globalization as a challenge to the cultural and civilizational security of countries and peoples in the XXI century]. Trudy BGTU. Seriya: Istoriya, filosofiya, filologiya. 2015. No. 5 (178). Pp. 89–93.
9. Shalaev V. P. Sinergetika global'nogo kapitalizma, potrebleniya i otchuzhdeniya cheloveka v sovremennom obshchestve [Synergetics of global capitalism, consumption and alienation of a person in modern society]. Trudy BGTU. Seriya: Istoriya i filosofiya. 2017. No. 1 (197). Pp. 81–85.
10. Shalaev V. P. Globalizatsionnoe izmerenie natsional'noy bezopasnosti Rossii v KhKh veke (kriticheskii analiz) [The globalization dimension of Russia's national security in the twentieth century (critical analysis)]. Society and Security Insights. 2020. Vol. 3. No. 1. Pp. 58–68.
11. Shalaev V. P. Sinergeticheskii obraz universitetskoy nauki v usloviyakh vyzovov sovremennosti: mezhdu khaosom i poryadkom (opyt kriticheskogo analiza) [Synergetic image of university science in the context of modern challenges: between chaos and order (experience of critical analysis)]. Socio Time / Sotsial'noe vremya. 2020. No. 2 (22). Pp. 66–73.
12. Shalaev V. P. Transformatsiya vysshey shkoly v global'nom obshchestve potrebleniya kak problema natsional'noy bezopasnosti i ustoychivogo razvitiya [Transformation of higher education in the global consumer society as a problem of national security and sustainable development]. Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. No. 4 (45). Pp. 19–23.
13. Shalaev V. P. Upravlenie kak filosofsko-sinergeticheskaya problema: v poiskakh novoy paradigmy [Management as a philosophical and synergetic problem: in search of a new paradigm]. Trudy BGTU. Seriya: Istoriya, filosofiya, filologiya. 2013. No. 5 (161). Pp. 67–72.

Author's Bio

SHALAYEV Vladimir Pavlovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Technologies, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia.
E-mail: shalaevvp@Volgatech.net

Библиографическая ссылка

Шалаев В. П. Становление новой теории общества: на путях становления нового мира // SocioTime / Социальное время. 2022. № 4 (32). С. 39–47. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.39

УДК 316

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.48

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. Ю. Гайфуллин

Уфимский университет науки и технологий, Уфа (Россия)

Введение. В статье представлены результаты социологического опроса выпускников вузов Республики Башкортостан относительно их профессиональных планов и стратегий трудоустройства. Выявлены планы выпускников относительно работы по специальности. Определены ожидания выпускников относительно легкости трудоустройства по специальности после окончания обучения. Установлено, насколько важно для выпускников, чтобы будущая работа соответствовала той специальности, по которой они завершили обучение.

По результатам исследования выявлено общее и отличительное в профессиональных ориентирах выпускников, обучающихся на разных ступенях высшего образования (бакалавриат, специалитет и магистратура).

Методы. Для получения результатов исследования были использованы такие общенаучные методы, как анализ и синтез, а также социологический опрос. Материалами для исследования послужили результаты социологического исследования, проведенного в 2022 г. среди выпускников вузов Республики Башкортостан.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Значительная доля опрошенных выпускников вузов Республики Башкортостан (37,2 %) не планируют или не знают, будут ли они работать по специальности после окончания учебы. Уверенность в работе по специальности варьируется в зависимости от пола выпускников, успеваемости во время учебы, уровня профессионального обучения, формы оплаты за обучение и других факторов. Каждый третий опрошенный не считает, что после окончания вуза сможет с легкостью устроиться на работу. При этом подавляющее большинство опрошенных (82,5 %) считают, что специальность, обучение по которой они заканчивают, востребована на рынке труда.

Заключение. В рамках исследования установлено, что чем выше ступень профессионального обучения, тем в большей степени выпускники нацелены на работу по специальности, в большей степени уверены, что оканчивают обучение по востребованной специальности, в большей степени уверены, что с легкостью смогут устроиться на работу по специальности в течение года. Актуальными для последующего изучения остаются вопросы выбора профессии на этапе поступления в вуз и оценки удовлетворенности выбором после этапа трудоустройства и непосредственной работы по специальности.

Ключевые слова: молодежь; выпускники; выпускники вузов; специальность; трудоустройство; профессиональные планы; Республика Башкортостан.

Введение. Актуальность темы исследования, затронутая в данной статье, с точки зрения социологической науки обусловлена тем обстоятельством, что выбранные молодежью профессиональные ориентиры, вопросы их трудоустройства во многом определяют будущее общества. Составляя 26,3 % от общей численности (по состоянию на 01.01.2022 г. в Российской Федерации молодежь в возрасте 14–35 лет насчитывала 38 321 153 человека, или 26,3 % от общей численности населения), молодые люди обладают наименьшей конкурентоспособностью на рынке труда. При этом незанятость молодых людей ведет к негативным проявлениям как в сфере экономики, так и в сфере социальной жизни общества.

Вопросы выбора профессии, будущего трудоустройства являются одними из важных ценностных ориентаций современной молодежи и не остаются без внимания исследователей. Исследователями изучены процесс профессионализации с научной точки зрения [1] и компоненты профессионализма в области профессиональной подготовки [2], выявлены профессиональные планы студентов в разных регионах России: Нижний Новгород [3], Республика Бурятия [4], Москва [5], Республика Татарстан [6], Ставропольский край [7] и многие другие регионы. Также исследовано положение на рынке труда выпускников системы высшего и среднего профессионального образования [8], исследованы профессиональные ориентиры и карьерные установки современной учащейся молодежи [9], рассмотрены особенности профессионального и карьерного роста молодежи в условиях цифровой экономики и общества знаний [10], а также изучены многие другие аспекты выбора профессии и дальнейшего трудоустройства молодежи.

Вместе с тем проблема исследования профессиональных планов выпускников вузов остается малоизученной с точки зрения региональной специфики рынка труда, в том числе Республики Башкортостан. Также профессиональные планы выпускников существенно варьируются в зависимости от уровня профессионального обучения, что требует анализа данных по выпускникам, завершающим обучение в бакалавриате и специалитете, а также в магистратуре, в том числе с использованием социологических методов. Данные обстоятельства подтверждают актуальность и важность результатов исследований, приведенных в данной работе.

Цель статьи – оценить профессиональные планы современных выпускников вузов. *Объектом* исследования являются выпускники вузов. *Предмет* исследования – профессиональные планы выпускников вузов.

Методы исследования. Основной метод исследования в работе – социологический опрос. В рамках данной статьи представлены отдельные результаты социологического опроса по теме «Социальный портрет, запросы и ожидания выпускников вузов Республики Башкортостан», проведенного Институтом социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук в 2022 году, в части выявления факторов и мотивов построения карьеры выпускников вузов Республики Башкортостан.

Опрос выпускников вузов Республики Башкортостан проводился с 26 апреля по 6 мая 2022 г. Объем выборочной совокупности: 2 710 студентов вузов, из них мужчин 37,2 %, женщин 62,8 %. Структура опрошенных по направлениям обучения: бакалавриат – 76,1 %, специалитет – 13,9 %, магистратура – 10 %. Опрос проводился онлайн в Google по ссылке. Ошибка выборки при заданном уровне значимости в 95 % не превысила 5 %.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Как показали результаты проведенного опроса, только 62,8 % опрошенных выпускников вузов Республики Башкортостан (по сумме ответов «Точно по специальности» и «Скорее по специальности») планируют работать по специальности после окончания учебы. При этом, чем выше ступень профессионального обучения, тем в большей степени выпускники вузов нацелены на работу по специальности. Так, согласно данным результатов проведенного опроса, среди выпускников бакалавриата работать по специальности планируют 60,6 % опрошенных (по сумме ответов «Точно по специальности» и «Скорее по специальности»), в то время как среди выпускников магистратуры доля таких составила 77,1 %. При этом, если среди выпускников бакалавриата работать не по специальности (по сумме ответов «Скорее не по специальности» и «Точно не по специальности» планирует каждый пятый опрошенный (19,8 %), то среди выпускников магистратуры доля таковых всего лишь 6,8 % (см. табл. 1).

Таблица 1

После окончания учебы Вы планируете работать по специальности или нет?
% от числа опрошенных

После окончания учебы Вы планируете работать по специальности или нет? (один ответ)	Всего	Какой уровень профессионального обучения Вы завершаете? (один ответ)		
		Бакалавриат	Специалитет	Магистратура
Точно по специальности	20,3	18,7	21,2	31,6
Скорее по специальности	42,5	41,9	44,0	45,5
Скорее не по специальности	13,3	14,6	12,2	5,3
Точно не по специальности	4,9	5,2	5,6	1,5
Не знаю, как получится	19,0	19,7	17,0	16,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Женщины (21,4 %) в отличие от мужчин (15 %) в большей степени не уверены, будут ли они работать по специальности. В большей степени не уверены, будут ли они работать по специальности, студенты из сельских населенных пунктов (каждый пятый студент, проживающий в сельской местности). Также установлено, что успеваемость существенным образом влияет на уверенность работы по специальности: каждый пятый студент-троечник не уверен, будет ли он работать по специальности (см. табл. 2).

Таблица 2

**Планы работать по специальности разных групп респондентов,
% от числа опрошенных**

Группы респондентов	Точно по специальности	Скорее по специальности	Скорее не по специальности	Точно не по специальности	Не знаю, как получится
По всем респондентам	20,3	42,5	13,3	4,9	19,0
В зависимости от пола					
Мужчины	24,6	44,7	11,3	4,4	15
Женщины	17,8	41,2	14,4	5,2	21,4
В зависимости от успеваемости					
Отличник	25,9	45,5	9,8	3,5	15,3
Хорошист	19,4	42,7	13,7	4,9	19,3
Троечник	13,9	36,0	17,8	7,6	24,7
В зависимости от формы оплаты за обучение					
Бюджет	19,8	42,5	13,4	4,8	19,5
Бюджет (целевое от организации)	23,1	40,9	12,4	6,2	17,4
Коммерческая основа	20,5	43,0	13,2	4,8	18,5
В зависимости от специальности, по которой обучаются					
Математические и естественные науки	23,0	44,8	11,8	4,1	16,3
Инженерное дело, технологии и технические науки	21,0	46,0	11,5	2,9	18,7
Здравоохранение и медицинские науки	37,3	37,3	5,5	6,4	13,6
Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки	14,6	35,4	15,6	11,5	22,9
Науки об обществе	16,4	44,5	15,8	4,8	18,5
Образование и педагогические науки	18,0	35,3	18,0	5,6	22,9
Гуманитарные науки	17,2	39,4	16,8	6,9	19,7
Искусство и культура	21,8	34,5	18,2	5,5	20,0
Другая	16,3	46,7	6,5	7,6	22,8

В большей степени планируют работать по специальности выпускники специальностей «Здравоохранение и медицинские науки» (74,5 % по сумме ответов «Точно по специальности» и «Скорее по специальности»), «Математические и естественные науки» (67,8 %), «Инженерное дело, технологии и технические науки» (66,9 %). В меньшей степени планируют работать по специальности выпускники направлений подготовки «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки» (50 %), «Образование и педагогические науки» (53,4 %), «Искусство и культура» (56,4 %).

В целом следует отметить, что рассмотрение шансов молодых людей на трудоустройство по специальности существенно связано с проблемой доступности работы [11]. Несогласованность рынка образования и рынка труда выражается в том, что после окончания обучения в системе высшего образования не получают рабочего места по полученной специальности чуть менее трети работающих с высшим образованием [8].

Доля опрошенных, кто считает, что специальность, которую они получают после

окончания вуза, востребована на рынке труда, составляет 82,5 % (см. табл. 3). Выпускники магистратуры уверены, что они получают более востребованную специальность, в отличие от выпускников бакалавриата и специалитета.

Таблица 3

Считаете ли Вы, что специальность, которую получаете, востребована на рынке труда? % от числа опрошенных

Считаете ли Вы, что специальность, которую получаете, востребована на рынке труда? <i>(один ответ)</i>	Всего	Какой уровень профессионального обучения Вы завершаете? <i>(один ответ)</i>		
		Бакалавриат	Специалитет	Магистратура
Да	82,5	82,0	83,0	85,0
Нет	17,5	18,0	17,0	15,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 4

Считаете ли Вы, что по окончании вуза с легкостью устроитесь на работу по специальности в течение одного года? % от числа опрошенных

Варианты ответа	Да	Нет
В среднем по всем категориям опрошенных	62,5	37,5
В зависимости от уровня профессионального обучения		
Бакалавриат	61,9	38,1
Специалитет	62,9	37,1
Магистратура	66,2	33,8
В зависимости от пола		
Мужчины	68,2	31,8
Женщины	59,1	40,9
В зависимости от успеваемости		
Отличник	69,1	30,9
Хорошист	61,7	38,3
Троечник	53,3	46,7
В зависимости от формы оплаты за обучение		
Бюджет	63,8	36,2
Бюджет (целевое от организации)	75,6	24,4
Коммерческая основа	56,1	43,9

При этом уверенность, что после окончания вуза с легкостью устроятся на работу по специальности в течение одного года, только у 62,5 % опрошенных выпускников. Таким образом, каждый третий опрошенный не уверен, что с легкостью сможет устроиться на работу по специальности после окончания вуза. Большую уверенность в трудоустройстве выражают выпускники магистратуры, отличники, мужчины, обучающиеся по целевому договору от организации. Меньшую уверенность в будущем

трудоустройстве выражают женщины, выпускницы бакалаврита, троечницы, обучающиеся на коммерческой основе (см. табл. 4).

Большинство опрошенных оценивают свои знания по специальности как «отличные» и «хорошие» (68,1 %). Доля тех, кто оценивает свои знания как «удовлетворительные», составляет 27,7 %, а «неудовлетворительные» – только 4,2 % опрошенных (см. табл. 5).

Таблица 5

**Как Вы оцениваете полученные Вами в вузе знания
для Вашей дальнейшей работы? % от числа опрошенных**

Как Вы оцениваете полученные Вами в вузе знания для Вашей дальнейшей работы? (один ответ)	Всего	Какой уровень профессионального обучения Вы завершаете? (один ответ)		
		Бакалавриат	Специалитет	Магистратура
Отличные	17,8	17,0	17,0	25,2
Хорошие	50,3	50,5	46,7	53,8
Удовлетворительные	27,7	28,2	31,3	18,8
Неудовлетворительные	4,2	4,3	5,0	2,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

При этом среди выпускников магистратуры доля тех, кто оценивает свои знания как «отличные» и «хорошие» для дальнейшей работы, составляет 79 %, а среди выпускников бакалавриата – только 67,5 %. Таким образом, чем выше ступень профессионального обучения, тем в большей степени положительно оценивают выпускники свои знания, достаточные для дальнейшей работы.

Таблица 6

**Насколько для Вас важно, чтобы работа соответствовала Вашей
специальности (можно отметить до 2-х вариантов ответа), % от числа опрошенных**

Насколько для Вас важно, чтобы работа соответствовала Вашей специальности? (до 2-х вариантов ответа)	Всего	Какой уровень профессионального обучения Вы завершаете? (один ответ)		
		Бакалавриат	Специалитет	Магистратура
Обязательно, я же для этого столько учился	27,1	25,8	30,2	32,7
Желательно, но рассмотрю другие варианты	46,1	46,0	45,6	47,7
Неважно, я легко учусь новому	14,0	14,7	11,4	12,8
По моей специальности сейчас трудно устроиться	2,0	2,0	2,4	0,8
Главное, чтобы был высокий доход	35,7	35,7	37,0	34,7
В престижной компании готов начать с любой должности	16,3	16,0	15,0	21,1
У меня свое дело (или собираюсь его открыть)	8,2	8,0	9,0	8,2

Для большей части опрошенных выпускников вузов Республики Башкортостан (46,1 %) желательно, чтобы работа соответствовала той специальности, по которой они получали образование, но они готовы рассмотреть и другие варианты, а для 27,1 % опрошенных обязательно, чтобы работа соответствовала той специальности, по которой они учились. Только для 14 % опрошенных не важно, будет ли работа соответствовать

той специальности, по которой они учились, поскольку они легко обучаются чему-то новому (см. табл. 6).

Чем выше ступень профессионального обучения, тем более значимо для выпускника, чтобы будущая работа соответствовала именно той специальности, по которой учился выпускник. Выпускники магистратуры более реалистично оценивают свои шансы на трудоустройство по специальности: 21,1 % выпускников магистратуры готовы начать с любой должности в престижной компании, в то время как среди выпускников бакалавриата доля таких значительно меньше и составляет только 16,0 %.

Для каждого третьего опрошенного (35,7 %) главное в работе, чтобы был высокий доход. Таким образом, результаты опроса подтверждают выводы других исследователей: особенностями профессиональных ориентаций современной российской молодежи являются ориентация на индивидуальный успех и материальное благополучие [2; 12]. При этом запрос на высокую зарплату и престижную должность часто не соответствует уровню квалификации выпускников российских вузов. Так, даже по результатам самооценки 27,7 % опрошенных считают свои знания для дальнейшей работы, полученные в вузе, только как «удовлетворительные», а 4,2 % – как «неудовлетворительные». При этом следует учитывать, что положительное отношение студентов к образовательному процессу, удовлетворенность процессом обучения являются необходимым условием эффективной организации учебно-познавательной деятельности студентов, фактором их качественной подготовленности к будущей профессиональной деятельности [13].

Проведенное исследование свидетельствует о сохранении тенденции на получение молодежью профессии, трудоустройство по которой позволит хорошо зарабатывать и делать карьеру. При этом повышенные шансы на трудоустройство имеют те студенты, у кого есть адекватный образ будущей профессии, а также представления о рынке труда и опыт работы.

Заключение. По результатам проведенного исследования выявлены определенные различия в профессиональных планах выпускников бакалавриата, специалитета и магистратуры вузов Республики Башкортостан. В большей степени желание и уверенность работать по специальности демонстрируют выпускники магистратуры. У магистров больше жизненный опыт, многие из них в большей степени самостоятельно, осознанно выбирают ту или иную программу магистратуры, а также более серьезнее подходят к выбору профессии, что позволяет им более уверенно чувствовать себя на рынке труда.

В настоящее время в нашей стране наблюдается существенный разрыв между профессиональным выбором молодежи и потребностью общества в профессиях, который приводит к повышению уровня конкуренции на рынке труда и невозможности выпускнику вуза трудоустроиться по полученной специальности [14].

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы государственными органами власти для совершенствования государственной молодежной политики в области профессионального самоопределения молодежи, а также регулирования регионального рынка труда. Сформулированный подход к изучению профессиональных планов выпускников вузов Республики Башкортостан

позволяет частично решить проблемы социально-трудовой сферы региона.

Если делать рекомендации для дальнейшего изучения, то актуальными являются вопросы выбора профессии на этапе выбора специальности при поступлении в вуз, а также исследования по оценке удовлетворенности выбором профессии после этапа трудоустройства и непосредственной работы по специальности.

Список литературы

1. Федотова В. А. Процесс профессионализации в современных условиях // Научный альманах. 2015. № 7 (9). С. 1281–1283.
2. Акимов С. С. Модель профессионализма выпускников современного университета // Современное образование: традиции и инновации. 2021. № 1. С. 83–88.
3. Ситникова И. В. Профессиональные планы и стратегии трудоустройства современных студентов // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 4. С. 61–77.
4. Бюраева Ю. Г. Выпускники вузов Республики Бурятия: профессиональные и жизненные планы // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 132–138.
5. Гаспаршвили А. Т., Крухмалёва О. В., Савина Н. Е. Профессиональные планы выпускника вуза и рынок труда // Образовательные технологии. М., 2015. № 1. С. 59–68.
6. Life plans of graduates of technical and vocational education institution / S. Dyrin, I. Kornilova, N. Asratyan, F. Vazieva, T. Gayfutdinova // SHS Web of Conferences. 2021. Vol. 97. 01046. DOI: 10.1051/shsconf/20219701046
7. Filimonyuk L., Lobeyko Yu., Ivashova V. Planning of professional and life trajectories of university graduates of environmental educational programs // E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 203 (1). 05021.
8. Чердниченко Г. А. Положение на рынке труда выпускников системы высшего и среднего профессионального образования // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 256–282.
9. Гайфуллин А. Ю. Профессиональные ориентиры и карьерные установки современной учащейся молодежи: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2021. № 3 (7). С. 140–150.
10. Гелих О. Я., Левицкая А. Н., Покровская Н. Н. Социологический анализ социальных установок профессионального и карьерного роста в контексте цифровой экономики и общества знаний // Социология и право. 2020. № 3 (49). С. 12–24.
11. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Новый характер образовательных и профессиональных траекторий молодежи // Россия реформирующаяся. 2022. № 20. С. 379–399.
12. Смирнова Д. А. Завышенные ожидания молодых специалистов как причина проблемы трудоустройства // Вектор экономики. 2022. № 8 (74).
13. Ануфриева Н. И., Григорьева Е. И., Каменец А. В. Удовлетворенность выпускников вуза качеством образования как ориентир оптимизации образовательного процесса // Kant. 2021. № 1 (38). С. 191–196.
14. Ключарев Г. А. «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 49–56.

Авторская справка

ГАЙФУЛЛИН Андрей Юрьевич – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия.
E-mail: gayfullin_a@mail.ru

UDC 316

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.48

PROFESSIONAL PLANS OF UNIVERSITY GRADUATES: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

A. Yu. Gayfullin

Ufa University of Science and Technology, Ufa (Russia)

Introduction. The article presents the results of a sociological survey of graduates of universities of the Republic of Bashkortostan regarding their professional plans and employment strategies. The plans of graduates regarding work in the specialty are revealed. The expectations of graduates of the relative ease of employment in the specialty after graduation are determined. It is established how important it is for graduates that their future work corresponds to the specialty in which they completed their studies.

According to the results of the study, there are common and distinctive features in the professional guidelines of graduates studying at different levels of higher education (bachelor's degree, specialty and master's degree).

Methods. To obtain the results of the study, such general scientific methods as analysis and synthesis, as well as a sociological survey were used. The materials for the study were the results of a sociological study conducted in 2022 among graduates of universities of the Republic of Bashkortostan.

Results. A significant proportion of the surveyed graduates of universities of the Republic of Bashkortostan (37,2 %) do not plan or do not know whether they will work in their specialty after graduation. Confidence in work in the specialty varies depending on the gender of graduates, academic performance during studies, the level of professional training, the form of tuition fees and other factors. Every third respondent does not think that after graduation he can easily get a job. At the same time, the overwhelming majority of respondents (82,5 %) believe that the specialty they graduate from is in demand in the labor market.

Conclusion. The study found that the higher the level of vocational training, the more graduates are focused on working in their specialty, are more confident that they are graduating from a sought-after specialty, are more confident that they can easily get a job in their specialty within a year. The issues of choosing a profession at the stage of admission to the university and assessing satisfaction with the choice after the stage of employment and direct work in the specialty remain relevant for further study.

Keywords: youth; graduates; university graduates; specialty; employment; professional plans; Republic of Bashkortostan.

References

1. Fedotova V. A. *Process professionalizacii v sovremennyh usloviyah* [The process of professionalization in modern conditions]. Nauchnyj al'manah. 2015. Vol. 7, no. 9. Pp. 1281–1283. (In Russ.).
2. Akimov S. S. *Model' professionalizma vypusnikov sovremennogo universiteta* [Modern education: traditions and innovations]. Sovremennoe obrazovanie: tradicii i innovacii. 2021. No. 1. Pp. 83–88. (In Russ.).
3. Sitnikova I. V. *Professional'nye plany i strategii trudoustrojstva sovremennyh studentov* [Professional plans and strategies for employment of modern students]. Vestnik PNIPU. Social'no-jekonomicheskie nauki. 2019. No. 4. Pp. 61–77. (In Russ.).
4. Bjuraeva Ju. G. *Vypusniki vuzov Respubliki Burjatija: professional'nye i zhiznennye plany* [Graduates of universities of the Republic of Buryatia: professional and life plans]. Sociologicheskie issledovaniya. 2021. No. 10. Pp. 132–138. (In Russ.).

5. Gasparishvili A. T., Kruhmajlova O. V., Savina N. E. *Professional'nye plany vypusknika vuza i rynek truda* [Professional plans of a university graduate and the labor market]. *Obrazovatel'nye tehnologii*. Moscow, 2015. No. 1. Pp. 59–68. (In Russ.).
6. Dyrin S., Kornilova I., Asratyan N., Vazieva A., Gayfutdinova T. Life plans of graduates of technical and vocational education institution. *SHS Web of Conferences*. 2021. Vol. 97. 01046. DOI: 10.1051/shsconf/20219701046
7. Filimonyuk L., Lobeyko Yu., Ivashova V. Planning of professional and life trajectories of university graduates of environmental educational programs. *E3S Web of Conferences*. 2020. Vol. 203 (1). 05021.
8. Cherednichenko G. A. *Polozhenie na rynke truda vypusknikov sistemy vysshego i srednego professional'nogo obrazovaniya* [The situation on the labor market of graduates of higher and secondary vocational education]. *Voprosy obrazovaniya*. 2020. No. 1. Pp. 256–282. (In Russ.).
9. Gajfullin A. Ju. *Professional'nye orientiry i kar'ernye ustanovki sovremennoj uchashhejsja molodezhi: sociologicheskij analiz* [Professional guidelines and career attitudes of modern students: a sociological analysis]. *Ufimskij gumanitarnyj nauchnyj forum*. 2021. Vol. 3, no. 7. Pp. 140–150. (In Russ.).
10. Gelih O. Ja., Levickaja A. N., Pokrovskaja N. N. *Sociologicheskij analiz social'nyh ustanovok professional'nogo i kar'ernogo rosta v kontekste cifrovoj jekonomiki i obshhestva znaniy* [Sociological analysis of social attitudes of professional and career growth in the context of the digital economy and knowledge society]. *Sociologiya i pravo*. 2020. Vol. 3, no. 49. Pp. 12–24. (In Russ.).
11. Konstantinovskij D. L., Popova E. S. *Novyj harakter obrazovatel'nyh i professional'nyh traektorij molodjozhi* [The new nature of educational and professional trajectories of youth]. *Rossija reformirujushhajasja*. 2022. No. 20. Pp. 379–399. (In Russ.).
12. Smirnova D. A. *Zavyshennye ozhidaniya molodyh specialistov kak prichina problemy trudoustrojstva* [Inflated expectations of young professionals as the cause of the problem of employment]. *Vektor jekonomiki*. 2022. Vol. 8, no. 74. (In Russ.).
13. Anufrieva N. I., Grigor'eva E. I., Kamenec A. V. *Uдовлетворенность' vypusknikov vuza kachestvom obrazovaniya kak orientir optimizacii obrazovatel'nogo processa* [Satisfaction of university graduates with the quality of education as a guideline for optimizing the educational process]. *Kant*. 2021. Vol. 1, no. 38. Pp. 191–196.
14. Kljucharev G. A. *«Razryv» obrazovaniya i rynka truda: mneniya jekspertov* ["Gap" of education and the labor market: opinions of experts]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 11. Pp. 49–56. (In Russ.).

Author's Bio

GAYFULLIN Andrey Yurievich – PhD in Sociology, associate professor, Head of the Department of Sociology and Youth Work at Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.
E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Библиографическая ссылка

Гайфуллин А. Ю. Профессиональные планы выпускников вузов: социологический анализ // SocioTime / Социальное время. 2022. № 4 (32). С. 48–57. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.48

СБЛИЖАЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА НА ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЁЖЬ В РАЗРЕЗЕ РАЗЛИЧИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТАТУСОВ И ГРУПП

А. Ю. Демичев

Тульский государственный университет, Тула (Россия),

Институт гуманитарных и социальных наук, Тула (Россия)

Введение. В настоящее время в связи с активным вхождением интернет-технологий в повседневную жизнь (получение образования, работа), особенно в среду общения и деятельности подростков и молодёжи, расширяется социальный круг, в котором вращается активный пользователь социальных сетей (далее – соцсетей). В соцсетях регистрируются, общаются и проявляют иные формы общественной активности люди различных социальных статусов и групп (учителя и ученики, родители и дети, представители творческих и технических профессий, руководители и подчинённые и др.). Сталкиваясь друг с другом в процессе использования онлайн-платформ, они заводят социальные связи, которые с малой долей вероятности образовались бы в реальной жизни в довольно близком и доверительном формате. В связи с вышеизложенным актуальным становится вопрос о стирании рамок, субординационных границ, дистанции, пьетета, присутствующих в реальной жизни, по сути ограниченной множеством условных факторов, начиная с форм обращения и заканчивая стилем совместной деятельности, принятым в школе, колледже, др. организациях.

Методы. В данном исследовании были применены методы индукции: выявленные в ходе социологического опроса данные обобщались, и по результатам полученных от фокус-группы сведений делались выводы о социальном процессе в более глобальном масштабе (на уровне общества в целом).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Мы считаем, что данный вопрос практически не исследован в современной социологии: статьи и др. научные работы прочих авторов посвящены изучению влияния Интернета на подростков и молодёжь в целом, при этом вопросы сближения, смещения соц. групп и носителей различных соц. статусов представлены лишь в виде кратких упоминаний и утверждений. В процессе исследования нами были отмечены в том числе и конфликтные ситуации, связанные со столкновением в пространстве соцсети ВКонтакте представителей соперничающих соц. групп. Решение подобных проблемных ситуаций имеет важность в практической плоскости, поскольку способствует более успешной социализации подрастающего поколения и позитивно влияет на эмоционально-психическое состояние исследуемой социальной группы.

Заключение. По итогам проведённого исследования несомненным было признано то, что способность сети Интернет обеспечивать взаимодействие представителей отдалённых групп зачастую играет положительную роль и позволяет подросткам и молодёжи социализироваться не только в рамках своего традиционного круга, но и осваивать иные общественные ценности и установки. Тем самым явление способствует разностороннему развитию личности, её социальных характеристик. О важности разнообразия в общении говорят в т. ч. и сами учащиеся школ. Например, Л. В. Дубень, учащаяся 11-го класса, в статье [7] утверждает: «В Интернете они [подростки] получают возможность общения с практически бесконечным количеством людей и групп по интересам, со всевозможными типами личностей, узнают множество историй...».

Ключевые слова: Интернет; социальные сети; социальный статус; социальная группа; субординация; конфликт; подростки; молодёжь; социализация.

Введение. Понятие социального статуса неразрывно связано с субординацией и социальной дистанцией, которые предполагается соблюдать во время деловых коммуникаций, в отдельных случаях и в обыденной жизни при общении с тем лицом, с которым соблюдается субординация в рабочей обстановке. Эта модель является

одобряемой в разрезе социального поведения, во всяком случае, по мнению большинства.

Интернет-технологии предоставили возможность поддерживать как деловые, так и личные отношения не только в любое время суток, но и с более простым и психологически лёгким доступом к собеседнику. Это наложило отпечаток и на характер взаимоотношений, некоторым образом, расширив жёсткие рамки, заставив участников выходить за пределы собственных привычек. Так, подростки активно заводят знакомства и общаются с представителями значительно более старшего поколения: например со специалистами по тем дисциплинам, изучать которые они планируют в университетах, колледжах и техникумах; наставниками в творчестве, доп. увлечениях и др. Не менее активно ведутся диалоги в виртуальном пространстве между учениками и учителями в школах, научными деятелями и магистрантами / аспирантами на постуниверситетском этапе образования и др.

Вопрос снижения субординации и пересмотра понятий о личностных границах крайне важен в связи с распространённостью в социальной жизнедеятельности, а также важности для социализации подростков и молодёжи. Данное явление (снижение субординации), непосредственно связанное с развитием Интернета в России, на данный момент изучено недостаточно.

В этой связи нами были сформулированы следующие частные вопросы:

1. Сокращается ли у общающихся в Интернете психологическое ощущение различия в возрасте, должности, статусе и т. п.?
2. Используется ли при общении в Интернете между людьми разных возрастов, а следовательно и соц. статусов, обращение на «Вы» / «ты» в той же мере, как в реальной жизни?
3. Какие позитивные и негативные факторы упрощения субординации в Интернете возможно выделить?
4. Способно ли упрощение субординации в Интернете влиять на отношения между общающимися в реальной жизни?
5. Каким образом возникают и решаются конфликты на почве общения людей разных поколений и соц. групп в соцсетях?

Важность соцсетей в жизни молодёжи подчёркивают и Е. А. Юрьева и С. А. Горошкина в своей статье «Разностороннее влияние социальных сетей Интернета на социализацию молодёжи» [6]: «В наше время фактически идёт информационная война. И самое ценное – информация. Поэтому социальные сети активно используются старшими школьниками для добычи самой разной информации о людях или организациях».

О том, что в Интернете отсутствует статусная иерархия, говорит М. К. Апетян [10]. В качестве отличительных особенностей виртуального пространства он указывает:

«— широкие возможности для конструирования личностной и социальной идентичности;

— отсутствие статусной иерархии, неопределенность и неразвитость социальных норм (в том числе правовых и нравственных)».

Методы исследования. Для ответа на вышеприведённые вопросы нами был выполнен ряд исследований в виде серии социологических опросов. Основная

задача данной статьи – получение комплексных ответов на вышеприведённые вопросы, анализ полученных результатов и выявление направленности социологического процесса, обозначенного в заглавии настоящей работы.

Следующие подразделы посвящены отдельным пунктам соцопроса.

1) *Сокращение ощущения дальности социальной дистанции в Интернете.* Целью нижеприведённого опроса является ответ на первый подвопрос, поставленный в статье. Необходимо установить, сказывается ли отсутствие физического и аудиовизуального контакта на восприятие собеседника как представителя, например старшего поколения. Возраст – это одна из наиболее явных характеристик личности, которая при традиционном общении обычно сомнений не вызывает. В Интернете же, в связи с достаточной анонимностью, зачастую реальные данные пользователя неизвестны.

Примечание: ситуация, когда общение ведётся по аудио- и видеосвязи, нуждается в дополнительном анализе, поскольку подобный вид коммуникаций является более глубоким вариантом Интернет-взаимодействия. Следовательно, участникам опроса, проявившим активность, предлагался дополнительный вопрос: «Появляется ли большее ощущение социального статуса и возраста собеседника, когда ты его видишь и слышишь посредством микрофона и вебкамеры?»

По данным вопросам нами были выдвинуты гипотезы. Предварительный анализ основан на наиболее распространённых мнениях и логических умозаключениях:

1. В случае общения через переписку (безусловно, с дополнительными средствами выразительности, такими как «смайлы», «эмоджи» и др., поскольку практически никто в настоящее время не использует «голый текст») ощущение социального статуса практически исчезает, и люди переходят на более дружеский, неформальный стиль речи. В Интернете большинство людей общаются на «ты», в том числе и с большой разницей в возрасте.

2. Когда общение переходит в аудио- и видеоформу, оно становится практически неотличимым от общения в реальной жизни со всеми вытекающими последствиями, включая следование социальным статусам, группам и ролям, отработанным, привычным для реальной жизни.

Методология проведения опроса:

1. Отыскали сообщество в соцсети ВКонтакте, посвящённое олимпиадам школьников (*Олимпиада школьников «Высшая проба»* – <https://vk.com/hseolymp>). Оно подошло для наших целей по следующим критериям:

- соответствие целевой аудитории (большинству участников 14–17 лет);
- заинтересованность участников в образовании, их активность во внеурочных мероприятиях, активная гражданская позиция;
- желание идти на контакт в научных вопросах, в связи с чем данные люди часто общаются с учителями, преподавателями и др. лицами старшего возраста и иных социальных, профессиональных групп.

2. Сделали выборку в объёме 200+ человек (в зависимости от конкретного вопроса количество участников выборки может различаться – см. далее). Всё, кроме возраста и членства в виртуальном сообществе, выбрано случайно.

3. Задали следующий вопрос: «Снижается ли для тебя ощущение социального статуса и возраста человека, когда ты общаешься с ним посредством Интернет-переписки?»

2) *Обращение на «Вы» при общении в Интернете между людьми разных возрастов, соц. групп.* Данный опрос проводится с целью установить, сокращается ли использование обращения на «Вы» в социальных сетях между теми людьми, которые бы со значительной долей вероятности общались на «Вы» в реальной жизни.

По данному вопросу была выдвинута гипотеза: обращение на «Вы» в Интернете используется значительно реже, что некоторым образом стимулирует сокращение социальной дистанции на психологическом уровне, раскрепощает подростка и выводит его на более высокий уровень доверия со старшим собеседником.

Методология проведения опроса:

1. Группа и выборка опрошенных составлены по тому же принципу, что и в опросе № 1.

2. Был задан следующий вопрос: «Чаще ли ты общаешься на «ты» с более взрослыми людьми в Интернете, чем в реальной жизни?»

3) *См. следующий раздел – «Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение».*

4) *Влияние упрощения субординации в Интернете на взаимоотношения людей в реальной жизни.* Целью данного опроса является установление мнения респондентов по теме: «Способен ли тот фактор, что общение в Интернете ведётся в менее формальном ключе, изменить отношения людей в лучшую сторону в обществе в целом?»

Особенность поднятой темы в том, что ставится более глобальный вопрос, затрагивающий не отношения двух конкретных людей и личностное восприятие респондента, а общество в целом, а также в том, что подростку предлагается сделать прогноз более глобального явления, нежели процессы в его собственном окружении.

Аудитория и методология прежние.

5) *Решение конфликтов, возникающих между представителями различных соц. групп в соцсетях.* По результатам вышеприведённых опросов частью респондентов были рассказаны дополнительные истории, связанные с конфликтами в соцсети ВКонтакте на почве различия в возрастной и профессиональной категориях. Подростки сталкивались с несправедливой и необъективной оценкой своих способностей, авторитетным давлением.

Кратко перечислим несколько примеров подобных конфликтов:

- Девушка-дизайнер (учащаяся 10-го класса), имеющая нестандартный подход к художественному искусству, была исключена из сообщества дизайнеров ВК (членство в котором имело для неё существенную социальную ценность) из-за расхождений во мнениях с такими же участниками, только имеющими высшее и среднее образование по дизайну. Когда девушка не захотела уступать и признавать свою неправоту, администрация предпочла избавиться именно от неё (не в силу объективных способностей, а наличия формального статуса).

- Аналогичная первой ситуация произошла и в одном из поэтических сообществ с разницей в том, что участников конфликта было двое (одного возраста), од-

нако с разным официальным статусом (один – член Союза писателей, другой – инженер-программист, обоим около 21–24 лет).

▪ Учащийся школы (11-й класс), найдя в соцсети собеседника-учителя по интересу (обществознание, история России), будучи подписан вымышленным именем и возрастом, принялся общаться с ним в неформальном стиле – на «ты», с использованием сетевого сленга, упрощённой лексики и др. (при этом не переходя граней, не допуская бранные слова, матерные выражения и т. п.). Когда, наконец, ученик рассказал новому знакомому правду, ученику был сделан выговор, произошёл скандал, и общение закончилось чёрным списком со стороны учителя.

▪ Подросток, увлекающийся онлайн-игрой (14 лет), под вымышленным образом списался с одним из создателей данного проекта (45 лет). На определённом этапе учащийся стал давать старшему товарищу советы на тему производства новых игровых проектов. И мужчина с вниманием слушал подростка до тех пор, пока не узнал его настоящий возраст. После – скандал, чёрный список, прекращение общения. При этом содержательно полезность / вредность рекомендаций младшего собеседника никак не изменилась, ибо на первоначальном этапе мужчина прислушивался к нему.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

1) Итоги проведённого опроса по теме «Сокращение ощущения дальности социальной дистанции в Интернете».

Было опрошено 144 человека, из них 62, что составляет 43 % (некардинальное меньшинство) указали, что общение в Интернете приводит к тому, что собеседник воспринимается более равным, а его должность и возраст перестают иметь решающее значение. Однако большинством (немного больше половины опрошенных) было указано, что значение всё же есть, и полностью ощущение важности личности собеседника не пропадает.

Подавляющее большинство (92 %) из них (из 43 %) показали, что подобное сокращение дистанции не приводит к снижению внимания к мнениям старших товарищей, вежливости и уважения. Некоторые отметили, что, напротив, явление удалённости общения позитивно влияет на социализацию и вовлечённость в научную деятельность.

Среди позитивных факторов отмечалась меньшая эмоциональная напряжённость, что даёт возможность лучшей концентрации на предметной области, ради которой и ведётся общение (например, обсуждение литературного произведения, дизайнерского стиля или языка программирования). Благодаря тому, что общение ведётся один-на-один, у подростка снижается чувство волнения от возможной негативной публичной реакции по принципу школьного класса либо учебной группы.

Однако значительная часть (57 %) всё же отмечает, что стиль, риторика и общее ощущение остаются прежними, даже если общение идёт в формате коротких письменных сообщений. Ими не была отмечена разница в принципе.

Ответившим задавался уточняющий вопрос: «А если общение ведётся с использованием видеосвязи или хотя бы в формате аудиозвонка, ощущение [разницы в возрасте и статусе] возрастает?»

Было получено 46 ответов, из них 42 (91 %) показали, что в этом случае виртуальное общение практически идентично реальному – ощущение возраста собесед-

ника однозначно возрастает. С этим согласилось подавляющее большинство – практически все опрошенные. В то же время нельзя не отметить, что для некоторых даже в подобном случае граница немного стирается. Последнее утверждение доказывает, что даже аудиовизуальное общение не является полной альтернативой традиционному, хотя и максимально приближено к нему. Также то, насколько виртуальное общение способно полностью подменить реальное, зависит от конкретного человека и его восприятий.

Вывод. Да, эмоциональное ощущение статуса во многих случаях сокращается. При этом большинством, указавшим на снижение, отмечается позитивный эффект. Ко всему прочему Интернет не может возместить в полной мере все ощущения и оказать на личность все эффекты традиционного общения.

Однако для большинства общение в Интернете и «реальной жизни» практически идентично, что опровергает выдвинутую нами гипотезу № 1.

2) *Итоги проведённого опроса по теме «Обращение на «Вы» при общении в Интернете между людьми разных возрастов, соц. групп».*

Было опрошено 144 человека, из них 102, что составляет 71 %, указали, что в Интернете практически всегда общение ведётся на «ты», но только при условии, если общающиеся либо давно знакомы, либо принадлежат к одной социальной группе по возрасту, что аналогично общению в «реальной жизни», если рассматривать подростков и студентов.

Активным ответившим задавался следующий вопрос: «Как ты обращаешься к преподавателям, наставникам, научным руководителям, другим взрослым людям, когда общаешься с ними в режиме социальной сети – на «ты» или на «Вы»?»

Здесь подавляющее большинство (140 из 144, что составляет 97 %) показало, что всё-таки на «Вы». Малая часть – на «ты» (при этом в реальной жизни к этим же людям они – на «Вы»). Таким образом, в части случаев соцсеть всё же приводит к сокращению дистанции до обращения на «ты». Да, эти случаи редки, но сам факт, что они имеют место быть, заслуживает внимания и говорит о некотором влиянии Интернета на упрощение традиционного обращения.

Значительным наблюдением (поскольку оно гипотетически неочевидно) можно считать ответы респондентов, согласно которым к старшим, но не знакомым в реальной жизни, обращаются чаще на «ты», чем к старшим и знакомым.

Вывод. В Интернете гораздо чаще и, согласно мнению пользователей, органично использование обращения на «ты». Однако разница в возрасте, а следовательно и в статусе, накладывает свой эффект и зачастую стимулирует подростков и молодёжь обращаться к старшим на «Вы». При этом к старшим незнакомцам обращаются на «ты» чаще, чем к тем, которых знают в реальной жизни. Обусловлено это опасениями войти в конфликтную ситуацию в реальной жизни, поскольку конфликты в виртуальном пространстве воспринимаются более легко в эмоциональном плане, и на них подросток идёт с большей готовностью.

Гипотеза подтверждается частично.

3) *Позитивные и негативные факторы упрощения субординации в Интернете.* Данный опрос не подразумевал выбора варианта. Опрашиваемым предлагалось определить и подробно расписать, что позитивного и негативного они находят в упрощении субординации, сокращении социальной дистанции в социальных сетях. Аудитория и методология те же.

Нами были выделены и систематизированы наиболее популярные варианты ответов, которые дали опрошиваемые. Ниже перечисляем их по частотности.

Позитивные факторы:

1. Интернет способствует эмоциональному раскрепощению младшего, у которого снижаются страхи, высказать что-нибудь «не то», поделиться непопулярным мнением, возразить, предложить вопрос для дискуссии. Поскольку возраст далеко не всегда является гарантией правоты, это однозначно стимулирует развитие гражданского общества.

2. Способствует заведению новых полезных знакомств, что удобнее осуществлять, когда личность не сдержана строгими рамками образовательного учреждения, кружка, др. организаций. Это же отмечает И. И. Ярыгина [5] на с. 58: «...общение с помощью Интернета создаёт возможности преодоления дефицита в общении и для расширения коммуникативного круга».

3. Если говорить о человеке, с которым у подростка или студента есть деловые связи в реальной жизни (преподаватель, руководитель кружка, творческий наставник и т. п.), то сокращение дистанции в онлайн-режиме позволяет по-новому, под другим углом обсудить существующие объективные проблемы. Задача дополнительно облегчается тем, что общение проводится в нерабочее время. Упоминая об учебном процессе, укажем, что в статье [4] на с. 30 отмечено положительное влияние онлайн-сервисов на образовательные возможности: «...упрощаются процедуры информирования обучающихся, доведения до сведения дополнительных инструкций, предоставления им методических пособий, а также приема выполненных работ в электронном виде для проверки. С другой стороны, развитие педагогических сообществ и интерактивных методических кабинетов в социальных сетях ведет к непрерывному формальному или неформальному образованию за счет возможности интерактивного взаимодействия педагогов друг с другом в удобное для каждого время, что, несомненно, приводит к повышению уровня профессиональной культуры».

4. Общение со старшими в Интернете позволяет впоследствии более эффективно вливаться во взрослый коллектив.

5. Социальный статус в Интернете чаще вырабатывается в зависимости от интеллекта и др. способностей человека, чем по возрасту и должности, что делает виртуальное пространство более здоровой, конкурентной средой, стимулирующей пользователя к личностному росту.

В статье [4] М. С. Чванова и др. на с. 33 делают вывод об общих преимуществах, предоставляемых молодому поколению Интернетом, лежащих вне задач данной работы.

Негативные факторы:

1. В некоторых случаях чрезмерное сокращение дистанции может привести к более халатному отношению к выполнению учебных и др. заданий, игнорированию полезных поручений, замечаний по работе и т. п.

2. Из-за неформального общения со старшими знакомыми в Интернете отношение к ним в реальной жизни может также становиться не только более панибратским, но и пренебрежительным. Так, И. А. Болдакова делает вывод [1], что в процессе длительного коммуницирования в Интернете развивается т. н. социальный аутизм, когда человек становится менее способным играть разнообразные, требуе-

мые от него в жизни социальные роли, а значит, следовать ожиданиям, предъявляемым ему со стороны общества.

3. В переписке невозможно столь же эффективно отслеживать реакцию собеседника, из-за чего общение с человеком может переходить в тихий конфликт, что скажется на дальнейших отношениях. В связи с неясностью причин конфликта (и, в принципе, его наличия) кардинально затрудняется его разрешение.

4) *Итоги проведённого опроса по теме «Влияние упрощения субординации в Интернете на взаимоотношения людей в реальной жизни».*

Было опрошено 102 человека, из них 76 (75 %) показали, что подобное явление, по их мнению, действительно способствует позитивному сближению людей разных социальных групп и статусов в реальной жизни, способно в лучшую сторону менять общественные установки на более дружественные, расширять психологические границы.

При этом стоит отметить, что существенная доля опрошенных (25 %) считают, что происходящее в интернет-сообществах и отдельных диалогах никак (или несущественно) не влияет на то, как коммуницируют люди в реальной жизни, и в их сознании происходит мгновенное «переключение» в зависимости от формата общения, что снижает влияние соцсетей на социализацию подростков и молодёжи.

Вывод. Общественное мнение подростков о социальных сетях и их роли в реальной жизни по большей части положительное, не совпадающее с мнением большинства исследователей-социологов. Согласно прогнозам, основанным на личном опыте активных пользователей Интернета, онлайн-пространство способно преобразовывать реальный мир в лучшую сторону.

Исследователи Л. Н. Уварова и др. [3] также проводили опрос среди студенческой аудитории и получили результат: 82 % респондентов отметили, что Интернет повлиял на них положительно, что в целом соответствует результатам, полученным нами.

5) *Решение конфликтов, возникающих между представителями различных соц. групп в соцсетях.*

Явление, при котором мнение человека учитывают в тесной зависимости с его соц. группой, возрастом, должностью, статусом, считаем однозначно негативным, стимулирующим общественные стереотипы. Нами предложены следующие варианты решения:

- просветительские мероприятия, направленные на то, чтобы обучить социум обращать основное внимание на поступки и слова человека, нежели на его формальные характеристики. Данная рекомендация может быть организована как на уровне телевидения, листовок, так и на территории собственно онлайн-площадок. Последним могут заниматься администрации соцсетей и активисты (последние без всякого формального санкционирования);

- в ходе вышеозначенных мероприятий также доносить, что анонимность в Интернете имеет не только отрицательные, но и положительные стороны по формуле: если ты не уверен, что сведения о твоей настоящей личности не прекратят знакомство с интересным тебе человеком, лучше их не раскрывать, дабы не упустить социальную пользу;

- снизить со стороны соцсетей настоятельные требования указывать лишь реальные данные о себе при регистрации. Не забываем и про то, что ролевой отыгрыш

приносит существенное разнообразие в соц. жизнь, упрощает процесс социализации. Данная проблема будет рассмотрена нами в следующих работах.

В целом весь комплекс мер направлен на то, чтобы обучать общественность мыслить шире и не ставить себе подсознательных ограничений по социальным ролям и статусам знакомых.

Более структурированно, пошагово и подробно этапы разрешения конфликтных ситуаций в Интернете, а также схемы анализа конфликтного взаимодействия, представлены в статье Е. В. Левиной [2]. Однако данный исследователь описывает конфликты в целом, мы же делаем акцент на конфликтах на основе принадлежности к различным соц. группам, преимущественно возрастным и профессиональным.

Заключение. Проведя исследование, нами были сделаны следующие выводы:

1. Чуть более половины целевой аудитории полагает, что общение в Интернете по формам уважения, вежливости и субординации не отличается от общения в реальной жизни, однако практически половина отмечает явное снижение уровня социальной дистанции при удалённом общении, особенно в текстовом формате. Разделение групп пополам подтверждает также то, что здесь значителен индивидуальный фактор.

2. Подавляющее большинство опрошенных не переходят на «ты» в социальных сетях с теми, с кем бы общались на «Вы» в реальной жизни, однако данное утверждение справедливо, если речь идёт не о ровесниках. Гипотеза подтверждается частично, во всяком случае, в разрезе аудитории «активные участники школьного общества».

3. Положительные и негативные стороны упрощения субординации в социальных сетях распределились примерно поровну, что опять-таки доказывает наличие неоднозначной позиции относительно пользы / вреда Интернета среди целевой аудитории, а также подтверждает значимость фактора грамотного использования онлайн-ресурсов.

4. Положительное влияние раскрепощения общения между представителями разных социальных групп в социальных сетях отметило большинство опрошенных, что некоторым образом противоречит результатам из п. 3. Делаем заключение, что позитивные факторы в сознании подростков, несмотря на равное их количество с негативными, имеют гораздо большее значение, а значит, и влияющий эффект.

Более подробное внимание на положительных аспектах виртуальной социализации подростков концентрирует Е. С. Киричик в статье «Роль интернет-среды в формировании личности подростков» [9], выделяя 16 преимуществ, в числе которых и стирание барьеров, необходимых при традиционной коммуникации.

Существует и вопрос недоверия незнакомым личностям в соцсетях. Общественное мнение, родители, учителя по большей части являются сторонниками осторожного поведения несовершеннолетних в Интернете. Так, в исследовании Т. У. Солдатовой и О. И. Теславской [8] указывается следующее: «Таким образом, каждый третий юный пользователь (34 %) добавляет к себе только своих реальных друзей и знакомых, еще половина (55 %) детей добавляют «френдов френдов», с которыми они связаны через своих реальных знакомых и друзей. Не более 11 % детей подтверждают любые запросы в друзья». Данный фактор является не только ме-

рой предосторожности, но и ограничением расширения социального круга, тормозящим виртуальную социализацию.

Список литературы

1. Болдакова И. А. Основные риски киберсоциализации молодежи // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2015. Т. 37. С. 151–155. URL: <http://e-koncept.ru/2015/95653.htm>.
2. Левина Е. В. Конфликты в виртуальном пространстве: особенности регулирования и разрешения // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 9 (51). URL: <https://research-journal.org/archive/9-51-2016-september/konflikty-v-virtualnom-prostranstve-osobennosti-regulirovaniya-i-razresheniya> (дата обращения: 26.09.2022). DOI: 10.18454/IRJ.2016.51.012
3. Уварова Л. Н., Арсланова Н. Р. Исследование влияния Интернета на людей // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2021. № 01 (54). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/issledovanie-vliyanie-interneta-na-lyudej.html>
4. Чванова М. С., Анурьева М. С., Киселева И. А. Влияние Интернета на социализацию молодежи // Вестник ТГУ. 2017. № 5 (169).
5. Ярыгина И. И. Влияние Интернета на процесс социализации подростков // Гаудеамус: психолого-педагогический журнал. 2018. Т. 17, № 37.
6. Юрьева Е. А., Горюшкина С. А. Разностороннее влияние социальных сетей интернета на социализацию молодежи. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2010. № 7 (18). С. 297–300. URL: <https://moluch.ru/archive/18/1764/> (дата обращения: 29.11.2022).
7. Дубень Л. В., Болдырева А. В. Влияние социальных сетей на социализацию подростков // Открытый форум исследовательских работ «Грани творчества». Сокольниковская средняя общеобразовательная школа. 2020.
8. Солдатова Г. У., Теславская О. И. Особенности межличностных отношений российских подростков в социальных сетях // Национальный психологический журнал. 2018. № 3 (31). С. 12–22.
9. Киричик Е. С. Роль интернет-среды в формировании личности подростков // Роль социально-гуманитарных дисциплин в формировании мировоззрения и профессиональной культуры будущего специалиста: электрон. сб. материалов межвуз. студен. науч.-практ. конф. (Брест, 21 нояб. 2019 г.) / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина; редкол.: Г. И. Займист, А. В. Климович. Брест: БрГУ, 2020. С. 151–155. URL: lib.brsu.by
10. Апетян М. К. Особенности виртуальной коммуникации. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2015. № 3 (83). С. 939–941. URL: <https://moluch.ru/archive/83/15418/> (дата обращения: 30.11.2022).

Авторская справка

ДЕМИЧЕВ Александр Юрьевич – аспирант, Тульский государственный университет, Тула, Россия; Институт гуманитарных и социальных наук, Тула, Россия.
E-mail: ademi4ev@yandex.ru

UDC 316

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.58

CONVERGING INFLUENCE OF THE INTERNET ON ADOLESCENTS AND YOUTH IN THE TERMS OF DIFFERENCES IN SOCIAL STATUS AND GROUPS

A. Y. Demichev

Tula State University, Tula (Russia),

Institute for the Humanities and Social Sciences, Tula (Russia)

Introduction. At present, in connection with the active entry of Internet technologies into everyday life (education, work), especially in the environment of communication and activities of adolescents and youth, the social circle is expanding, in which an active user of social networks rotates (hereinafter referred to as social networks). People of various social statuses and groups (teachers and students, parents and children, representatives of creative and mathematical professions, managers and subordinates, etc.) register, communicate and show other forms of social activity in social networks. Faced with each other in the process of using online platforms, they make social connections that would be unlikely to form in real life in a fairly close and trusting format. In connection with the foregoing, the issue of erasing the framework, subordination boundaries, distance, reverence that are present in real life, which is essentially limited by many conditional factors, starting with the forms of address and ending with the style of joint activity adopted at school, college, and other organizations, becomes relevant.

Methods. In this study, induction methods were applied: the data identified during the sociological survey were summarized, and based on the results of the information received from the focus group, conclusions were drawn about the social process on a more global scale (at the level of society as a whole).

Results. We believe that this issue is practically not studied in modern sociology: articles and other scientific works of other authors are devoted to studying the influence of the Internet on adolescents and young people in general, while the issues of rapprochement, mixing of social groups and carriers of various social statuses are presented only in the form of brief mentions and statements. In the course of the study, we noted, among other things, conflict situations associated with a clash in the space of the VKontakte social network of representatives of rival social networks groups. The solution of such problematic situations is important in practical terms, since it contributes to a more successful socialization of the younger generation and positively affects the emotional and mental state of the studied social group.

Conclusion. Based on the results of the study, it was undoubtedly recognized that the ability of the Internet to provide interaction between representatives of distant groups often plays a positive role and allows adolescents and young people to socialize not only within their traditional circle, but also to master other social values and attitudes. Thus, the phenomenon contributes to the versatile development of the personality, its social characteristics.

Keywords: Internet; social networks; social status; social group; subordination; conflict; teenagers; youth; socialization.

References

1. Boldakova I. A. Osnovnye riski kibersocializacii molodezhi [The main risks of cybersocialization of youth]. *Koncept. Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal*. 2015. Vol. 37. Pp. 151–155. Available at: <http://e-koncept.ru/2015/95653.htm>

2. Levina E. V. Konflikty v virtual'nom prostranstve: osobennosti regulirovaniya i razresheniya [Conflicts in virtual space: features of regulation and resolution]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2016. No. 9 (51). Available at: <https://research-journal.org/archive/9-51-2016-september/konflikty-v-virtualnom-prostranstve-osobennosti-regulirovaniya-i-razresheniya> (accessed 26.09.2022). DOI: 10.18454/IRJ.2016.51.012
3. Uvarova L. N., Arslanova N. R. Issledovanie vliyaniya Interneta na lyudej [Research on the influence of the Internet on people]. *Mir pedagogiki i psikhologii. Mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal*. 2021. No. 01 (54). Available at: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/issledovanie-vliyanie-interneta-na-lyudej.html>
4. Chvanova M. S., Anur'eva M. S., Kiseleva I. A. Vliyanie Interneta na socializaciyu molodezhi [The influence of the Internet on the socialization of young people]. *Vestnik TGU*. 2017. No. 5 (169).
5. Yarygina I. I. Vliyanie Interneta na process socializacii podrostkov [The influence of the Internet on the process of socialization of adolescents]. *Gaudeamus. Psihologo-pedagogicheskij zhurnal*. 2018. Vol. 17, no. 37.
6. Yur'eva E. A., Goroshkina S. A. Raznostoronnee vliyanie social'nyh setej interneta na socializaciyu molodezhi [The versatile influence of Internet social networks on the socialization of young people]. *Tekst neposredstvennyj. Molodoj uchenyj*. 2010. No. 7 (18). Pp. 297–300. Available at: <https://moluch.ru/archive/18/1764/> (accessed 29.11.2022).
7. Duben' L. V., Boldyreva A. V. Vliyanie social'nyh setej na socializaciyu podrostkov [The influence of social networks on the socialization of adolescents]. *Otkrytyj forum issledovatel'skikh rabot «Grani tvorchestva». Sokol'nikovskaya srednyaya obshcheobrazovatel'naya shkola*. 2020.
8. Soldatova G. U., Teslavskaya O. I. Osobennosti mezhluchnostnyh otnoshenij rossijskikh podrostkov v social'nyh setyah [Features of interpersonal relations of Russian adolescents in social networks]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*. 2018. No. 3 (31). Pp. 12–22.
9. Kirichik E. S. Rol' internet-sredy v formirovanii lichnosti podrostkov [The role of the Internet environment in the formation of the personality of adolescents]. *Rol' social'no-gumanitarnykh disciplin v formirovanii mirovozzreniya i professional'noj kul'tury budushchego specialista: elektron. sb. materialov mezhevuz. studen. nauch.-prakt. konf. (Brest, 21 noyab. 2019 g.)*. Brest. gos. un-t im. A. S. Pushkina; redkol.: G. I. Zajmist, A. V. Klimovich. Brest, BrGU, 2020. Pp. 151–155. Available at: lib.brsu.by
10. Apetyan M. K. Osobennosti virtual'noj kommunikacii [Features of virtual communication]. *Tekst neposredstvennyj. Molodoj uchenyj*. 2015. No. 3 (83). Pp. 939–941. Available at: <https://moluch.ru/archive/83/15418/> (accessed 30.11.2022).

Author's Bio

DEMICHEV Alexander Yurievich – Graduate student, Tula State University, Tula, Russia; Institute for the Humanities and Social Sciences, Tula, Russia.

E-mail: ademi4ev@yandex.ru

Библиографическая ссылка

Демичев А. Ю. Сближающее влияние Интернета на подростков и молодёжь в разрезе различия социальных статусов и групп // *SocioTime / Социальное время*. 2022. № 4 (32). С. 58–69. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.58

УДК 303.83

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.70

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛОУХСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ТРАЕКТОРИЯ В ОБЛАСТИ ТУРИЗМА

Т. С. Кравцова^{1, 2}, Ю. А. Петровская¹

¹ *Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск (Россия)*

² *Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург (Россия)*

Введение. В статье представлена апробированная методика оценки кадрового потенциала в сфере туризма на примере Республики Карелия. Методика позволяет выявить существующие кадровые проблемы отрасли и нивелировать их при изменениях в экономике, политике, культуре и обществе. Проблему исследования составляет отсутствие научной информации о том, насколько качество услуг в сфере туризма в Республике Карелия обеспечивается профессиональным уровнем персонала. Подобные исследования ранее не проводились. В то же время спрос на отдых в Карелии неуклонно растет, регион показывает устойчивое повышение туристического потока, которое сохранилось даже в сложный период, связанный с пандемией COVID-19. За первое полугодие 2022 года в республику приехали 550 тысяч человек, что больше, чем за аналогичные периоды прошлых лет. Объектом исследования являются туристские предприятия Республики Карелия. Предмет исследования – профессиональный уровень кадров туристских предприятий Республики Карелия.

Методы. В качестве теоретико-методологической базы исследования нами выбран атрибутивный подход, позволяющий выделять какие-либо характерные черты профессии и критерии профессионализма в сфере туризма. Основным методом исследования является опрос (электронное анкетирование) с помощью платформы Google Forms.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Пилотаж инструментария проводился в рамках комплексной научной экспедиции «Лоухи-2022» Гуманитарного инновационного парка ПетрГУ в июле 2022 г. Было опрошено 9 представителей туристских предприятий Лоухского района Республики Карелия. Представленная методика оценки туристских кадров позволит получать оперативные данные о состоянии кадрового вопроса в отдельном районе и в регионе.

Заключение. Таким образом, представленная методика оценки туристских кадров позволит получать оперативные данные о состоянии кадрового вопроса в отдельном районе и в регионе. Предприниматели в сфере туризма могут использовать данную анкету как инструмент обратной связи, который поможет сформулировать запрос на квалифицированные кадры. С помощью результатов анкетирования может быть составлен рейтинг районов Республики Карелия, имеющих дефицит/баланс/профицит кадров в туризме.

Ключевые слова: кадровый потенциал; профессиональная траектория; Лоухский район; Республика Карелия; туризм.

Введение. В условиях растущего потока внутренних туристов в Российской Федерации (в 2021 году 56,5 млн поездок, план на 2022 год – 61,2 млн) занятость в туристической индустрии также возрастает в 2022 году. В 2020 году она составила 1,7 млн чел., в 2021 – 2,2 млн чел., в 2022 – 2,3 млн чел. [1]. Увеличение количества занятых в сфере туризма должно обеспечиваться благодаря квалифицированным кадрам, имеющим соответствующее туристское образование. Наличие таких кадров гарантирует сохранение и улучшение качества услуг, а также способствует дальнейшему росту «повторных» туристов. ГОСТ Р 52113-2014 «Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги населению. Номенклатура показателей качества услуг» определяет связь между качеством услуги и профессиональным уровнем

персонала. Показатели уровня профессиональной подготовки и квалификации персонала (работника) включают оценку следующих параметров:

- ✓ уровень (рейтинг) учебного заведения;
- ✓ общая и профилирующая подготовка персонала: подготовка в объеме высшего (бакалавриат, специалитет) или среднего профессионального образования или профессиональная переподготовка в соответствии с профилем деятельности, и др. [2].

Проблему исследования составляет отсутствие научной информации о том, насколько качество услуг в сфере туризма в Республике Карелия обеспечивается профессиональным уровнем персонала. Подобные исследования ранее не проводились. В то же время спрос на отдых в Карелии неуклонно растет, регион показывает устойчивое повышение туристического потока, которое сохранилось даже в сложный период, связанный с пандемией COVID-19. За первое полугодие 2022 года в республику приехали 550 тысяч человек, что больше, чем за аналогичные периоды прошлых лет.

Объектом исследования являются туристские предприятия Республики Карелия. *Предмет* исследования – профессиональный уровень кадров туристских предприятий Республики Карелия.

Методы исследования. В современной социологии сложилось несколько направлений научной мысли о соотношении понятий «профессия» и «профессионализм» [3]. Позитивистский (он же функционалистский) подход подразумевает выделение функции профессии в обществе при дифференциации труда, основанием которой являются социальные потребности, удовлетворяемые деятельностью конкретных профессий. Этот подход тесно связан с теорией социального неравенства (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, У. Мур). Т. Парсонс под профессией понимал структурную составляющую общества, а профессионалом он считал идеального гражданина своей страны, нацеленного на достижение состояния всеобщего благосостояния [4]. Согласно Т. Парсонсу, критериями профессионализма при таком подходе становятся: соответствующее образование, интеллектуальный компонент, включающий в себя ценности, представления, мнения и идеалы человека. Следовательно, настоящие профессионалы в своей сфере действуют во благо клиента и общества в целом.

Критический подход основывается на социологической теории конфликта К. Маркса. Такое марксистское понимание профессии определяет ее как непрерывный процесс контроля рынка товаров и услуг определенной области, что приводит к достижению более высокого статуса и повышению социальной мобильности специалистов. Таким образом, представители каждой профессии стараются удержать или захватить власть, ресурсы, рынок предоставления тех или иных услуг, что выливается в конкуренцию между профессионалами одной или разных областей. Эта же идея выдвинута Марксом в теории конфликта, рассматривающей общество как борьбу социальных групп за собственные интересы, идеалы.

Атрибутивный подход, или теория черт, выделяет характеристики (атрибуты) идеального типа профессии, фокусируется на вопросах профессиональных компетенций (А. Флекснера, Е. Гринвуда, Л. Ризера, Дж. Миллерсон). Сам термин профессионализации в контексте данного подхода рассматривался как процесс, за счет

которого вид трудовой деятельности может относиться к профессии. А. Флекснер в своих работах определил целый ряд атрибутов, отвечающих идеальному типу профессионала. К таким атрибутам он относил вовлеченность человека в интеллектуальную деятельность, несение ответственности за собственную работу, привлечение науки, обучение и применение полученных знаний на практике, самоорганизацию и профессиональное самосознание, а также альтруистическую мотивацию. Последователь Флекснера Дж. Миллерсон выдвинул свой набор характеристик настоящего профессионализма, дополняя предыдущий список компетентностью, подтвержденной прохождением соответствующих экзаменов, правилами поведения, сформированными и утвержденными профессиональным сообществом, а также участием в профессиональной ассоциации [5].

В качестве теоретико-методологической базы исследования нами выбран атрибутивный подход, позволяющий выделять какие-либо характерные черты профессии и критерии профессионализма в сфере туризма. Например, квалификационные требования к представителям профессии «Экскурсовод (гид)» зафиксированы в соответствующем профессиональном стандарте от 24 декабря 2021 года № 913н. Так, данные документы выдвигают требования к образованию, уровню квалификации, закрепляют трудовые функции, а также знания, умения и навыки, необходимые при выполнении этих функций.

Основным методом исследования является опрос (электронное анкетирование) с помощью платформы Google Forms. **Целью** опроса является выявление уровня квалификации кадров, работающих в сфере туризма в Республике Карелия. **Задачи** определены поиском информации о кадровом обеспечении в туризме среди районов Карелии на примере Лоухского района. Часть вопросов носит паспортный характер: делит аудитории по географическому признаку, уровню образования. Иные вопросы позволяют определить отношение представителей целевой группы к туристскому образованию, уровень осведомленности в вопросах туризма. Часть вопросов позволяет сформулировать критерии качества обслуживания в туризме.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

С каждым годом спрос на туризм и отдых в Карелии неуклонно растет, регион показывает устойчивое повышение туристического потока, которое сохранилось даже в сложный период, связанный с пандемией COVID-19. В 2018 году количество туристов и экскурсантов составило 790 тыс. человек, в 2019 году – 830 тыс. человек, в 2020 году – 840 тыс. человек, на начало декабря 2021 года – уже 820 тыс. человек.

Самым востребованным направлением среди туристов по-прежнему остается Сортавальский район, этому, несомненно, способствует удобная транспортная доступность – наличие поезда из Санкт-Петербурга и Москвы до горного парка «Рускеала», близость к Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Кроме того, в Приладожье сосредоточены одни из самых популярных сейчас туристических объектов региона – горный парк «Рускеала», город Сортавала, водопад Ахинкоски, исторический парк «Бастион», а также природные достопримечательности Ладожского озера [6].

Из сообщения начальника Управления по туризму Республики Карелия: «Бурный рост сферы туризма, гостиничного и ресторанного бизнеса Карелии сопровождается острым дефицитом кадров» [7]. На 2019 год в республике работали 60 туро-

ператоров и 21 турагентство. Услуги по предоставлению временного размещения туристов предоставляли более 420 объектов: гостиничных комплексов, хостелов, туристических баз, гостевых домов, кемпингов. Статистических данных за более поздний период, к сожалению, в Республике Карелия нет.

Согласно государственной программе (далее – ГП) «Развитие туризма» в Российской Федерации, одним из ключевых показателей является «Увеличение средней численности работников туристической индустрии до 2,9 млн человек к 2024 году», который также связан с показателем «Увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых, до 25 млн человек» проекта «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство».

Согласно показателям паспорта ГП на 2022 (начало действия ГП), в туризме Республики Карелия должны работать уже 20 тысяч человек. К 2024 году планируется увеличение на 4 тысячи человек (итоговое значение). При этом базовое значение – 18 тысяч человек.

Предлагается осуществлять методику подсчета кадров в сфере туризма по следующей схеме:

- опрос предпринимателей и юрлиц;
- анализ платформ поиска работы (Avito, HH, SuperJob);
- статистические данные (число официально зарегистрированных вакансий в сфере туризма (согласно профстандартам группы 43 – Сервис и туризм, а также с учетом новых, созданных в рамках ГП));
- количество зарегистрированных ИП и юрлиц, имеющих виды деятельности по туризму (сопоставление с ОКВЭД), с верификацией доходов (если доходов по данному ОКВЭД нет, то не учитывается);
- количество самозанятых, работающих в туризме, с верификацией доходов (если доходов по туризму нет, то не учитывается).

Каждый из критериев составляет балл, где 5 – показатель высокий, 1 – показатель низкий. По всем показателям выводится среднее арифметическое, составляется рейтинг регионов по кадровому обеспечению. Таким образом, такой комплексный мониторинг позволит видеть регионы (районы) с переизбытком кадров или их недостатком. Такие данные помогут направить потоки образовательных курсов экспресс-обучения.

Пилотаж инструментария (опроса предпринимателей и юрлиц) проводился в рамках комплексной научной экспедиции «Лоухи-2022» Гуманитарного инновационного парка ПетрГУ в июле 2022 г. Было опрошено 9 представителей туристских предприятий Лоухского района Республики Карелия. По данным отчета об основных итогах социально-экономического развития Лоухского района за 2020 год на туристском рынке района осуществляют деятельность: одно государственное учреждение, одно бюджетное учреждение, одиннадцать предприятий, одна общественная организация и несколько индивидуальных предпринимателей. В районе зарегистрированы два туроператора, которые включены в Единый федеральный реестр: ЗАО «Компания ПОЛЯРНЫЙ КРУГ» (международный и внутренний туризм), ООО «Белое море» (внутренний туризм).

Первый обязательный вопрос делил респондентов по географии их фактического расположения. Варианты ответов были представлены пятнадцатью администра-

тивными районами Республики Карелия, а также тремя городами республиканского значения: Петрозаводск, Сортавала и Костомукша. На этапе пилотажа все респонденты представляли Лоухский район.

Второй обязательный вопрос направлен на выявление профессионального мнения о кадрах в районе: «Как Вы считаете, есть ли в Вашем районе проблемы с кадрами в сфере туризма?» Участникам было предложено 3 варианта ответа: «Да, кадров не хватает» – выбрали 7 человек; «Да, кадры в профиците» – выбрал 1 человек; «Нет» – 1 человек. Разногласия в оценке наличия кадровой проблемы могут быть вызваны различными причинами, в том числе тем, что люди обладают разными данными о текущем состоянии проблемы.

Третий обязательный вопрос звучит следующим образом: «Как Вы оцениваете Ваш район с точки зрения кадрового обеспечения в сфере туризма?» (где 5 – кадры есть, 1 – кадров нет). 5 респондентов поставили оценку «3» кадровому обеспечению Лоухского района. В дальнейших исследованиях будет возможность составить на основе мнений респондентов рейтинг районов Карелии по кадровому обеспечению.

Вопрос «Как Вы оцениваете Ваш район с точки зрения качества обслуживания на предприятиях туризма?» (где 5 – отличное качество обслуживания, 1 – ужасное качество обслуживания) стал четвертым и также обязательным вопросом для респондентов. Он тоже поможет проранжировать все районы Карелии по степени удовлетворенности качеством обслуживания. На данном этапе исследования Лоухский район получил среднюю оценку 3,5 балла.

В дополнение к данному вопросу сотрудников сферы гостеприимства просили определить критерии качества в туризме. Для этого необходимо было из предложенного перечня выбрать самые важные. Вопрос предполагал возможность множественного выбора. В предложенный перечень были включены такие общепринятые критерии: скорость обслуживания персонала, информационная доступность услуг, этикет сотрудников, соответствие клиентским ожиданиям, внешний вид персонала и внешний вид помещения. Критерии сформулированы на основе ГОСТ Р 52113-2014 «Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги населению. Номенклатура показателей качества услуг» [2]. Респонденты могли предложить и свой вариант. В результате анализа было выявлено, что ключевыми критериями качества для наших респондентов являются информационная доступность услуг и этикет персонала. В дальнейшем исследовании будут изучены критерии качества и их вариативность в каждом районе республики.

Следующий вопрос был интересен с различных сторон, он звучит так: «Работаете ли Вы в сфере туризма?» и предполагает 4 варианта ответа: «Да, на постоянной основе», «Да, это временная подработка», «Затрудняюсь ответить», «Нет». Так как на этапе пилотажа опрос проводился лично с каждым респондентом, то можно отметить, что сотрудник администрации Лоухского района, а также сотрудник муниципального учреждения поселка Чупа отнесли себя к работе в других отраслях, выбрав ответ «Нет». При этом один из них занимается проведением экскурсий, а другой планирует запуск собственного дела в туризме. Возможно, это связано с тем, что основным местом работы у опрошенных является не туристское предприятие, либо респонденты не в полной мере уверены, что их деятельность считается туристской.

Был предложен и вопрос об уровне образования. На него представители Лоухского района ответили следующим образом: 4 из 9 опрошенных имеют среднее профессиональное образование, 5 из 9 – высшее (бакалавриат и специалитет). В следующем вопросе были уточнения к вопросу об образовании: «Имеете ли Вы образование в сфере туризма?» Из-за технической ошибки на вопрос ответили лишь 2 респондента, и оба они не имеют туристского образования, однако только 1 из них собирается получить его в ближайшее время.

Следующим этапом исследовательского опроса является вопрос: «Пригодилось ли Вам туристское образование в профессиональной деятельности?» На него, согласно инструкции, должны ответить те, кто положительно ответил на предыдущий вопрос о наличии туробразования.

Новый раздел вопросов предназначается для тех, кто ответил, что работает в сфере туризма. Среди опрошенных оказались 2 администратора отеля / гостевого дома, экскурсовод / гид, горничная, менеджер по туризму, продавец сувенирной продукции, заместитель директора туристского предприятия, начальник отдела по социальным вопросам, владелец турбазы. Этот вопрос помогает увидеть спектр должностей в карельской сфере туризма, разнообразие должностей и их наименований в соответствии со спецификой предприятий и региона. Кроме того, он позволяет увидеть, что, независимо от занимаемой должности, в сфере туризма работают те, кто не имеет профессионального образования.

На следующий вопрос ответили также те, кто работает в сфере туризма. «Каким способом / с помощью чего Вам удалось найти текущее место работы?» Нами были предложены разнообразные варианты ответов, однако самым востребованным оказался вариант «Служба занятости». В дальнейшем исследовании это поможет смоделировать ситуацию отношения к поиску работы в разных районах Карелии.

Следующий вопрос позволяет узнать, какие учебные заведения окончили респонденты, работающие в сфере туризма. Среди перечисленных оказались образовательные учреждения Петрозаводска, Мурманска и Санкт-Петербурга. Исследователи связывают такой выбор городов для получения образования с удобной транспортной доступностью (Лоухский район расположен между Мурманской и Ленинградской областями, в Карелии; перечисленные города связаны железнодорожным сообщением), а также престижем, статусом городов, уровнем (рейтингом) учебных заведений.

Следующий вопрос позволит определить отношение к профессионализму в сфере туризма и профессиональную траекторию. На этот вопрос ответили 7 человек: 4 из них считают, что для работы в туризме достаточно пройти короткое экспресс-обучение продолжительностью от 1 до 6 месяцев; 2 человека посчитали достаточным обучение от 6 до 12 месяцев; только 1 человек убежден в том, что в туристской сфере необходимо получать профессиональное образование с получением диплома.

Такое сочетание ответов в дальнейшем позволяет предположить, что большинство представителей карельской сферы туризма считают, что для работы в туризме достаточно экспресс-обучения разной продолжительности. На вопрос «Проходя экспресс-обучение в сфере туризма, какие модули Вам было бы интересно и полезно изучить?» все опрошенные выбрали раздел «Основы туризма (статистика, программы развития, тренды)». Вариант «Основы делового этикета»

выбрали 5 человек, поскольку именно этот критерий опрошенные считают важным показателем качества.

В последнем вопросе исследователи хотели получить мнение о том, с чем связаны кадровые проблемы в сфере туризма. Самым популярным ответом жителей Лоухского района стал ответ: «Отсутствие опыта работы в туризме».

Заключение. Таким образом, представленная методика оценки туристских кадров позволит получать оперативные данные о состоянии кадрового вопроса в отдельном районе и в регионе. Предприниматели в сфере туризма могут использовать данную анкету как инструмент обратной связи, который поможет сформулировать запрос на квалифицированные кадры. С помощью результатов анкетирования может быть составлен рейтинг районов Республики Карелия, имеющих дефицит/баланс/профицит кадров в туризме. По результатам опроса предприниматели смогут получить информацию о необходимости и возможностях повышения квалификации и переподготовки кадров, а также получить возможность пригласить кадры из других районов. Кроме того, результаты опроса позволят создать индивидуальную профессиональную траекторию для работников сферы туризма. Представители местных администраций районов также могут использовать результаты оперативных экспресс-опросов для оценки текущего состояния дел в туризме.

Список литературы

1. Правительство ожидает, что число турпоездок по России в 2022 году достигнет 61,2 млн человек. Текст: электронный // [сайт]. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/87741> (дата обращения: 26.07.2022).
2. ГОСТ Р 52113-2014. Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги населению. Номенклатура показателей качества услуг Текст: электронный // [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200114171> / (дата обращения: 25.07.2022).
3. Краснов А. Ю. Подходы к изучению профессионализма в концепциях западных социологов // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2 (132). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-izucheniyu-professionalizma-v-kontseptsyah-zapadnyh-sotsiologov> (дата обращения: 10.03.2022).
4. Абрамов Р. Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по Парсонсу) // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 54–66.
5. Millerson G. L. The Qualifying Association. London, 1964.
6. Спрос на туризм и отдых в Карелии неуклонно растет. Текст: электронный // [сайт]. URL: https://gov.karelia.ru/news/10-12-2021-spros-na-turizm-i-otdykh-v-karelii-neuklonno-rastet/?special_version=Y/ (дата обращения: 31.07.2022).
7. Жители Карелии неохотно идут работать в туриндустрию, считает руководитель Управления по туризму. Текст: электронный // [сайт]. URL: https://vestikarelii.ru/news/zhiteli-karelii-neohotno-idut-rabotat-v-turindustriju_-schitaet-rukovoditel-upravlenija-po-turizmu/ (дата обращения: 31.07.2022).

Авторская справка

КРАВЦОВА Татьяна Сергеевна – преподаватель, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия; аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: dmitrieva@petrsu.ru

ПЕТРОВСКАЯ Юлия Александровна – кандидат социологических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия.
E-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru

UDC 303.83

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.70

HUMAN RESOURCES OF THE LOUKH DISTRICT OF THE REPUBLIC OF KARELIA: A PROFESSIONAL TRAJECTORY IN THE FIELD OF TOURISM

T. S. Kravtsova^{1,2}, Yu. A. Petrovskaya¹

¹*Petrozavodsk State University, Petrozavodsk (Russia),*

²*St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg (Russia)*

Introduction The article presents a proven methodology for assessing human resources in the field of tourism on the example of the Republic of Karelia. The methodology makes it possible to identify the existing personnel problems of the industry and level them with changes in the economy, politics, culture and society. The research problem is the lack of scientific information on how the quality of tourism services in the Republic of Karelia is ensured by the professional level of the staff. Similar studies have not been carried out before. At the same time, the demand for recreation in Karelia is steadily growing, the region shows a steady increase in tourist flow, which has persisted even during the difficult period associated with the pandemic. In the first half of 2022, 550,000 people arrived in the republic, which is more than in the same periods of previous years. The object of the study is the tourist enterprises of the Republic of Karelia. The subject of the research is the professional level of personnel of tourist enterprises of the Republic of Karelia.

Methods. As a theoretical and methodological basis for the study, we have chosen an attributive approach that allows us to identify any characteristic features of the profession and criteria for professionalism in the field of tourism. The main research method is a survey (electronic survey) using the Google Forms platform.

Results. Piloting of the tools was carried out as part of the complex scientific expedition "Loukhi-2022" of the Humanitarian Innovation Park of PetrSU in July 2022. 9 representatives of tourism enterprises of the Loukhi district of the Republic of Karelia were interviewed. The presented methodology for assessing tourist personnel will allow obtaining operational data on the state of the personnel issue in a particular area and in the region.

Conclusion. Thus, the presented methodology for assessing tourist personnel will make it possible to obtain operational data on the state of the personnel issue in a particular area and in the region. Tourism entrepreneurs can use this questionnaire as a feedback tool to help formulate a request for qualified staff. Using the results of the survey, a rating of the regions of the Republic of Karelia with a shortage/balance/surplus of personnel in tourism can be compiled.

Keywords: personnel potential; professional trajectory; Loukhsy district; Republic of Karelia; tourism.

References

1. Pravitel'stvo ozhidaet, chto chislo turpoezdok po Rossii v 2022 godu dostignet 61,2 mln chelovek [The government expects that the number of tourist trips in Russia in 2022 will reach 61,2 million people]. Tekst: jelektronnyj: [sajt]. Available at: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/87741/>
2. GOST R 52113-2014. Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. Uslugi naseleniju. Nomenklatura pokazatelej kachestva uslug [GOST R 52113-2014. National Standard of the Russian Federation for Public Services. Nomenclature of service quality indicators]. Tekst: jelektronnyj [sajt]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1200114171/>

3. Krasnov A. Ju. Podhody k izucheniju professionalizma v koncepcijah zapadnyh sociologov [Approaches to the study of professionalism in the concepts of Western sociologists]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2019. No. 2 (132). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-izucheniyu-professionalizma-v-kontseptsiyah-zapadnyh-sotsiologov>

4. Abramov R. N. Professional'nyj kompleks v social'noj strukture obshhestva (po Parsonsu) [Professional complex in the social structure of society (according to Parsons)]. Sociologicheskie issledovaniya. 2005. No. 1. Pp. 54–66.

5. Millerson G. L. The Qualifying Association. London, 1964.

6. Spros na turizm i otdyh v Karelii neuklonno rastet [The demand for tourism and recreation in Karelia is steadily growing]. Tekst: jelektronnyj. [sajt]. Available at: https://gov.karelia.ru/news/10-12-2021-spros-na-turizm-i-otdykh-v-karelii-neuklonno-rastet/?special_version=Y/

7. Zhiteli Karelii neohotno idut rabotat' v turindustriju, schitaet rukovoditel' Upravleniya po turizmu [Residents of Karelia are reluctant to go to work in the tourism industry, the head of the Tourism Department believes]. Tekst: jelektronnyj [sajt]. Available at: https://vestikarelii.ru/news/zhiteli-karelii-neohotno-idut-rabotat-v-turindustriju_-schitaet-rukovoditel-upravleniya-po-turizmu/

Author's Bio

KRAVTSOVA Tatyana Sergeevna – lecturer Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia; post-graduate student, Saint-Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia.

E-mail: dmitrieva@petrsu.ru

PETROVSKAYA Yulia Alexandrovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

E-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru

Библиографическая ссылка

Кравцова Т. С., Петровская Ю. А. Кадровый потенциал Лоухского района Республики Карелия: профессиональная траектория в области туризма // SocioTime / Социальное время. 2022. № 4 (32). С. 70–78. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.70

УДК 316.35.023.5

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.79

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА АРБИТРАЖНЫХ УПРАВЛЯЮЩИХ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Р. В. Мотькин

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск (Россия),

Помощник арбитражного управляющего, Москва (Россия)

Введение. В статье представлена попытка систематизирования теоретико-методологических подходов к социологическому изучению профессиональной группы арбитражных управляющих. Исследован методологический потенциал классических и современных социологических теорий, что позволило обосновать целесообразность применения интегративной социологической парадигмы теорий профессий и профессиональной деятельности в изучении статусно-ролевых характеристик арбитражных управляющих.

Сделан вывод о том, что рассмотренные классические и современные теории и подходы к социологическому изучению профессии обладают несомненным эвристическим потенциалом для исследования профессии арбитражного управляющего и статусно-ролевых характеристик данной социально-профессиональной группы.

Систематизируются теоретико-методологические подходы к социологическому изучению социально-профессиональной группы арбитражных управляющих. Актуальность изучения комплексной природы арбитражного управления обусловлена как многообразием и значимостью функций, выполняемых данным институтом в обществе, так и противоречивыми процессами, происходящими в рамках института арбитражного управления и оказывающими влияние на формирование социально-профессионального статуса данной профессиональной группы.

Методы. В работе были использованы следующие теоретические методы исследования: системный, структурно-функциональный, сравнительно-исторический. Теоретической основой исследования выступают статусно-ролевые теории, теории конструирования социальной структуры общества, социальной стратификации и мобильности, теории профессий, социальных и профессиональных общностей.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Исследован методологический потенциал классических и современных социологических теорий, что позволило обосновать целесообразность применения интегративной социологической парадигмы теорий профессий и профессиональной деятельности в изучении статусно-ролевых характеристик арбитражных управляющих.

Заключение. Полученные результаты вносят значимый вклад в теорию социальных структур и институтов, социологию труда и профессий. Анализ факторов и условий формирования статусно-ролевых характеристик арбитражных управляющих служит основой для дальнейшего изучения института и социально-профессиональной группы арбитражных управляющих. Полученные в ходе исследований результаты могут быть использованы представителями органов власти, институциональными структурами для совершенствования нормативно-правовой базы арбитражного управления.

Ключевые слова: социология; арбитражные управляющие; социально-профессиональная группа; теоретико-методологические подходы; социологические теории; профессиональная группа.

Введение. По нашему мнению, арбитражные управляющие – это социально-профессиональная группа, основанная на общности социально-профессионального статуса (профиль и уровень образования, квалификация, уровень дохода), обладающая определенным символическим капиталом (престиж, личная репутация), объединенная общим видом деятельности (функциональными обязанностями), профессиональной культурой и профессиональной идентичностью, определяющими позицию группы в социальной структуре общества.

Изучение специфики профессиональной деятельности арбитражных управляющих, обусловленной необходимостью выполнения ими различных функций и

процедур (экономических, юридических, психологических и т. д.) предполагает применение в научном анализе междисциплинарного подхода к изучению категории «профессия». Значимость принадлежности человека к определенной профессиональной группе и, соответственно, его положение в конкретной страте социума обуславливает интерес социологов к изучению профессий и профессиональных групп. **Целью** исследования является систематизация теоретико-методологических подходов к изучению «профессии» и обоснование социологического подхода к анализу профессиональной группы арбитражных управляющих.

Методы исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составляют труды зарубежных и отечественных исследователей, позволяющие проанализировать влияние различных факторов на формирование профессионального статуса, ролей и функций группы арбитражных управляющих. Теоретической основой исследования выступают статусно-ролевые теории, теории конструирования социальной структуры общества, социальной стратификации и мобильности, теории профессий, социальных и профессиональных общностей.

В работе были использованы следующие теоретические методы исследования: системный, структурно-функциональный, сравнительно-исторический.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В основе настоящего исследования лежит анализ методологического потенциала классических и современных социологических теорий применительно к трудовой деятельности и статусно-ролевым характеристикам профессиональной группы арбитражных управляющих.

В первую очередь необходимо исследовать объективные факторы формирования профессии арбитражного управляющего и становления института арбитражного управления. В вопросах исследования сущности и становления профессий с точки зрения функционализма заслуживает особого внимания теоретическое наследие Э. Дюркгейма. В труде «О разделении общественного труда» он изучал механизмы обеспечения со стороны профессиональных групп целого ряда положительных для общества благ: поддержку положительных образцов поведения, посредничество между индивидом и государством, солидарность [1].

Основоположники социологии профессий выдвигали на первый план вопрос об уникальных чертах определенного вида деятельности, о причинах успешности той или иной группы (так сформировался атрибутивный подход), чьи приверженцы искали «идеальный тип» профессии на основе положений М. Вебера, неотъемлемыми характеристиками которого являются профессиональная этика, профессиональная независимость (автономия), а также специальные знания и опыт [2]. Дж. Миллерсон в результате исследования элементов понятия профессии в научной литературе середины XX века пришел к выводу о наличии 14 универсальных элементов и девяти менее распространенных [3].

В рамках исследования положения группы арбитражных управляющих в профессиональной структуре современного общества с позиций теории стратификации, динамики социальной мобильности данной группы особый интерес представляют антропологические взгляды на профессию П. А. Сорокина. По мнению классика русско-американской социологии, представители профессиональной группы явля-

ются носителями определенных типичных физических, психических и социальных характеристик, наличие которых обусловлено либо уже имеющимися (наследованными) качествами и свойствами личности, либо приобретенными профессиональными деформациями, ставшими результатом длительного нахождения человека в определенной профессиональной среде. П. А. Сорокин, в частности, отмечает, что «профессиональная работа волей-неволей заставляет человеческий организм приспособляться, «приноравливаться» к ней. Постоянное выполнение ее неизбежно вызывает атрофию ненужных для этой работы органов и гипертрофию или трансформацию органов, служащих для выполнения профессиональных актов» [4].

Изменения касаются всего психического уклада профессионала. Следствием соответствующей деформации является формирование «профессионального типа» с присущим корпоративным духом. Более того, в представлении П. А. Сорокина, профессия определяет и опосредует все поведение человека, включая питание, режим, пристрастия и предпочтения в быту, отдыхе, семейное положение, структуру потребностей в целом. Ученый сформулировал концепцию социоэкономической модели статуса, заключающегося в проектировании трех измерений пространства стратификации, где осуществляются горизонтальные и вертикальные перемещения. Таким образом, социально-профессиональный статус изучается как позиция в структуре на пересечении экономического, властного и профессионального измерений.

Т. Парсонс в работе «Профессии и социальная структура» рассматривал рациональность, функциональную специфичность и универсализм как ключевые элементы профессии в современном обществе [5].

Рациональность как элемент заключается в том, что профессионал должен находить максимально эффективный путь реализации трудовой функции; функциональная специфичность выражается в превосходящей «технической компетентности» профессионала [6].

Немаловажное значение имеет исследование институциональных характеристик арбитражного управления, функциональных особенностей профессионального статуса арбитражных управляющих. Особенность положения группы арбитражных управляющих с точки зрения функционалистского подхода заключается в «нахождении группы на пересечении нескольких типов профессий (менеджер, руководитель единоличного исполнительного органа организации, юрист, финансовый аналитик, медиатор). В зависимости от типа процедуры, на которую утвержден арбитражный управляющий (наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство), кардинально меняются и функции управляющего, его полномочия и ответственность, социальная роль и трудовой статус» [7].

Если придерживаться «линии Т. Парсонса», то, для того чтобы арбитражный управляющий стал членом профессионального сообщества, он должен соответствовать ряду нормативных требований, в числе которых сдача теоретического экзамена, стаж работы на руководящих должностях, наличие высшего образования.

Другим значимым элементом, присущим профессии, по мнению функционалистов, должна являться высокая степень автономности профессиональной группы «от

воли государственных структур и других профессий», реализуемая посредством, в том числе, объединения в контролирующие деятельность организации.

Правовая основа деятельности СРО (саморегулируемых организаций) в современном виде была заложена в 2007 г. с принятием Федерального закона № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях», установившим систему ведения реестра членов саморегулируемой организации, контрольные полномочия организаций, в том числе возможность применения мер дисциплинарного воздействия, а также особенности формирования компенсационных фондов и правила страхования ответственности и рисков [8].

Кроме того, согласно функционалистам, важнейшим маркером сформированности профессии является профессиональная этика, закрепленная в определенном кодексе, включающем в себя «нормативно-поведенческий аспект».

Кодекс профессиональной этики арбитражного управляющего был принят 9 июля 2021 года на Всероссийском съезде арбитражных управляющих в Москве, однако вызвал многочисленные споры и возражения.

Исследование причин возникновения типичных конфликтных ситуаций в профессиональной деятельности арбитражных управляющих приводит нас в итоге к творческому наследию неомарксистов, которые являлись последователями многих идей К. Маркса. Маркс предполагал, что в генезисе профессии основную роль играет развитие материального производства, а профессиональные объединения рассматривались им через классовую принадлежность, детерминированную экономическим принципом (наличие / отсутствие собственности на средства производства). Неомарксисты, разделяя его взгляды относительно сущности понятия «профессия» и определяя его через такие категории, как род и вид деятельности, задаются вопросом о роли профессий и профессиональных групп в формировании существующей социальной структуры. Они утверждали, что «все профессиональные группы являются участниками процесса государственного строительства и поляризации классов» [9].

Согласно Г. Исланду, профессионалы начинают выступать в роли агентов, контролирующих сознание и поведение собственных клиентов с целью сохранения капиталистического устройства.

Согласно «линии Маркса и неомарксизма», для большинства граждан образ представителя данной профессии прочно связан с принадлежностью к «классу имущих», о чем свидетельствуют стереотипизированные внешние атрибуты их стиля и образа жизни (дорогой костюм, престижная иномарка, жилье в элитном районе, отдых на зарубежных курортах и т. д.). А главное, они стоят на страже интересов крупных собственников, а не простого трудового народа.

В силу существующей неопределенности повышенное внимание необходимо уделить изучению статусно-ролевой специфики арбитражных управляющих.

Исследовательский подход неовеберянцев «основывается на концепции социального закрытия, достигаемого посредством санкционированной государством профессиональной монополии в трудовой сфере» [10]. Под данное определение подпадает и деятельность саморегулируемых ассоциаций арбитражных управляющих – организаций, отличающихся значительным уровнем социального закрытия.

Идея «монополии» была раскрыта М. Ларсон [11], исследовавшей возможность осуществления двух типов монополии: монополии статуса в системе стратификации и монополии экспертизы в рыночной системе. Согласно первой позиции, профессия – «особая историческая форма, которая устанавливает структурные связи между относительно высоким уровнем образования и желаемыми социальными позициями или уровнем вознаграждения», поэтому основными стратифицирующими признаками являются: уровень образования и дохода, отношение к власти и престиж [12]. Исходя из второй позиции, профессия – это социальное образование, объединяющее профессионалов, добившихся монополии экспертизы в некоторой области, а значит, владение особым знанием и правом полного «легитимного суждения» в определенной сфере также обуславливает позицию и роль группы в профессиональной структуре общества.

Соответственно, в отличие от функционалистского и неомарксистского, неовеберовский подход к институционализации профессиональной группы связан с активной деятельностью членов группы, а не с вознаграждением.

Рассуждая об особенностях профессионального сообщества арбитражных управляющих, Е. Г. Дорохина приходит к выводу о том, что арбитражный управляющий – субъект «привилегированных профессий, наряду с адвокатами, нотариусами, аудиторами, выполняющих особые социально значимые функции и не преследующих цели извлечения прибыли» [13]. Однако с указанным утверждением можно согласиться лишь отчасти, поскольку в сравнении с вышеуказанными профессиями (адвокат, нотариус, аудитор) путь в арбитражные управляющие представляется значительно более легким, поскольку включает лишь получение высшего образования (любой направленности), а также прохождение курсов арбитражного управления длительностью около шести месяцев. На основе неовеберовской традиции сформировался ресурсный подход, согласно которому процесс профессионализации связан, прежде всего, с переводом активов, ресурсов одного рода, а именно знаний и профессиональных умений, в ресурсы другого рода, то есть в социально-экономические вознаграждения. Указанный подход во многом направлен на изучение востребованности конкретной специализации, профессии обществом на текущем этапе его развития. Данной позиции придерживаются отечественные социологи В. А. Мансуров, О. В. Юрченко, И. П. Попова, Е. П. Сало.

В парадигме микросоциологии изучению профессиональных статусно-ролевых характеристик и интеракций уделяется особое внимание. Речь идет об анализе процессов социального взаимодействия арбитражных управляющих в профессиональной деятельности, изучении поведенческих норм профессионального сообщества арбитражных управляющих.

Согласно феноменологическому подходу, профессиональная реальность является интересубъективной, она создается в процессе непосредственного взаимодействия индивидов в пространстве профессии. Занятые являются носителями специфического знания о занимаемой ими профессиональной среде, именно поэтому вхождение новичков в профессию возможно только при полном усвоении этого знания. Чем более институционализированы и стандартизованы модели поведения, тем вероятнее их адекватная интерпретация достижения желаемых целей.

В рамках подхода Дж. Г. Мида, «профессия – одна из сфер социального взаимодействия различных субъектов (клиенты, сотрудники, представители обществен-

ности и т. п.)» [12], ключевым элементом которого является обмен символами культурных кодов.

Э. Ч. Хьюз связывал процесс формирования профессиональной группы с получением специального образования, благодаря которому «профан», отказываясь от обывательской культуры и роли обывателя, приобретает профессиональную культуру, роль и статус профессионала. В целом Э. Ч. Хьюз считал профессиональную культуру одним из главных индикаторов оценки сформированности профессионала и группы.

Рассматривая интегративную социологическую теорию, необходимо исследовать символический капитал, то есть личную репутацию и престижность вида деятельности, которые предоставляют профессионалам экспертную власть в решении узкоспециализированных задач. Важной чертой символического капитала является конвертируемость, то есть значимость для общества и иных профессиональных групп.

Учитывая реалии информационного общества, не обойтись без изучения процесса цифровизации механизма банкротства, цифровых компетенций арбитражных управляющих. В связи с динамичными изменениями на рынке труда, требующими новых компетенций и навыков, разрабатываются новые подходы к изучению занятости, труда, платформенной занятости, в том числе в рамках постмодернистской парадигмы. Эти подходы отражаются в научных статьях, часто носящих дискуссионный, полемический характер (Н. Срничек «Капитализм платформ», К. Крауч «Победит ли гиг-экономика?», А. Бенанав «Автоматизация и будущее работы», А. Хокшилд «Управляемое сердце»).

В 2013 году исследователи К. Б. Фрей и М. Осборн опубликовали работу «Будущее трудоустройства», в которой основным критерием стал риск определенной профессии в ближайшем будущем уступить место компьютерной технологии. Для целей изучения соответствующего риска были исследованы 702 профессии, в результате был сформирован рейтинг профессий, наиболее подверженных автоматизации. Речь идет о риске определенных профессий в ближайшем будущем уступить место компьютерной технологии. Авторы делают вывод о том, что 47 % рабочих мест (на примере Америки) находятся в зоне риска автоматизации в ближайшие двадцать лет. Дополнительно исследователи установили обратную связь между уровнем зарплат и риском автоматизации [14]. Лидером в данном вопросе является программное обеспечение «Помощник арбитражного управляющего», разработанное отечественной компанией «Русские информационные технологии».

Анализ, проведенный учеными, имеет несомненную значимость для прогнозирования ситуации на глобальном рынке труда, в том числе и для перспектив развития института арбитражного управления. По нашему мнению, профессия арбитражного управляющего в ближайшие десятилетия не будет автоматизирована как в силу разнообразия и значимости функций и полномочий, так и в силу медленного темпа автоматизации в России в целом. Однако ряд рутинных задач управляющего действительно могут и должны быть автоматизированы.

На ту же тему рассуждают В. И. Маляр и Е. А. Аксенова, обращая внимание не только на плюсы цифровизации, но и на появление новых рисков – «потери или искажения цифровой информации, попыток несанкционированного доступа к ней.

Возникает дополнительная ответственность перед участниками, требующая прозрачности и полноценности данных, что также является проблемой» [15].

Мейнстримом современной российской социологии профессий является активная рецепция англо-саксонских и континентальных объяснительных моделей для понимания сущности профессий и профессиональных групп, динамики процесса профессионализации в России. Например, объектом комплексного междисциплинарного исследования выступает изучение проблем социальной адаптации и функционирования различных профессиональных групп в процессе «модернизации социальной структуры российского общества» [16], а также влияние общественных процессов на их жизнеспособность. Подчеркнем, что исследования профессий и профессиональных групп базируются на междисциплинарном (социологическом, экономическом, философском, психологическом, историческом), многофакторном и многоаспектном подходах.

Таким образом, рассмотренные нами классические и современные теории и подходы к социологическому изучению профессии обладают несомненным эвристическим потенциалом для исследования профессии арбитражного управляющего и статусно-ролевых характеристик данной социально-профессиональной группы.

Заключение. Полученные результаты вносят значимый вклад в теорию социальных структур и институтов, социологию труда и профессий. Анализ факторов и условий формирования статусно-ролевых характеристик арбитражных управляющих служит основой для дальнейшего изучения института и социально-профессиональной группы арбитражных управляющих. Полученные в ходе исследований результаты могут быть использованы представителями органов власти, институциональными структурами для совершенствования нормативно-правовой базы арбитражного управления.

Список литературы

1. Durkheim, Emile. The Division of Labour in Society. Trans. W. D. Halls, intro. Lewis A. Coser. New York: Free Press, 1997. 462 p.
2. H. H. Gerth and C. Wright Mills (Translated and edited), From Max Weber: Essays in Sociology. New York: Oxford University Press, 1946. Pp. 77–128.
3. Millerson G. The Qualifying Associations. London: Routledge & Kegan Paul, 1964. 320 p.
4. Сорокин П. А. Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. Ин-т социологии. М.: Наука, 1994. С. 333–410.
5. Parsons T. Politics and Social Structure. New York: Free Press, 1969. 557 p.
6. Николаев В. Г., Парсонс Т. Профессии и социальная структура / пер. с англ. Т. Parsons. Glencoe (il): free Press, 1954. Pp. 34–49; Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: реферативный журнал. 2015. № 4. С. 153–170.
7. Мотькин Р. В., Мотькин В. Н. Особенности функционирования института арбитражного управления в кризисных условиях (региональный аспект) // Регионология. 2020. № 4 (113). С. 801–822.
8. Узбеков Э. Р. К вопросу об административно-правовом регулировании деятельности СРО арбитражных управляющих // StudNet. 2020. № 5. С. 603–606.
9. Филиогло Л. Д. Социология профессий и профессиональных групп: электрон. учеб.-метод. пособие. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2014. 147 с.
10. Сакс М. Неовеберизм и профессии // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 28–41.
11. Larson M. The Rise of Professionalism: a Sociological Analysis. Berkeley, London: University of California Press, 1977. 328 p.

12. Старцева Н. Н. Социология профессий и профессиональных групп: учеб. пособие. Екатеринбург: УрГУПС, 2017. 162 с.
13. Дорохина Е. Г. Проблемы предпринимательской деятельности арбитражного управляющего // Правоведение. 2004. № 1. С. 67–74.
14. Frey C. B., Osborne M. A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? Oxford, UK: University of Oxford, 2013. 72 p.
15. Маляр В. И., Аксенова Е. А. Воздействие цифровых технологий на процесс автоматизации по делам несостоятельности (банкротства) // Стратегия бизнеса. 2022. Т. 10, № 3. С. 65–69.
16. Профессиональные группы: динамика и трансформации / под ред. В. А. Мансурова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2009. 419 с.

Авторская справка

МОТЬКИН Роман Владиславович – аспирант, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия; помощник арбитражного управляющего, Москва, Россия.
E-mail: motkin.r@gmail.com

UDC 316.35.023.5

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.79

***SOCIO-PROFESSIONAL GROUP OF INSOLVENCY PRACTITIONERS
IN THE MIRROR OF SOCIOLOGICAL THEORIES***

R. V. Motkin

N. P. Ogarev Mordovian State University, Saransk (Russia); Assistant to the Arbitration Manager, Moscow (Russia)

Introduction. The author systematizes theoretical and methodological approaches to the sociological study of the socio-professional group of insolvency practitioners. The relevance of studying the complex nature of insolvency management is due to both the diversity and significance of the functions performed by this institution in society, and the contradictory processes taking place within the framework of the institution of insolvency management and influencing the formation of the socio-professional status of this professional group.

Methods. The following theoretical research methods were used in the work: systemic, structural-functional, comparative-historical. The theoretical basis of the study is status-role theories, theories of constructing the social structure of society, social stratification and mobility, the theory of professions, social and professional communities.

Results. The methodological potential of classical and modern sociological theories has been studied, which made it possible to substantiate the expediency of using the integrative sociological paradigm of theories of professions and professional activity in the study of the status-role characteristics of insolvency practitioners.

Conclusion. The results obtained make a significant contribution to the theory of social structures and institutions, the sociology of labor and professions. An analysis of the factors and conditions for the formation of the status and role characteristics of insolvency practitioners serves as the basis for further study of the institution and the socio-professional group of insolvency practitioners. The results obtained in the course of the research can be used by representatives of authorities, institutional structures to improve the regulatory framework for insolvency management.

Keywords: sociology; insolvency practitioners; social and professional group; theoretical and methodological approaches; sociological theory; professional group.

References

1. Durkheim, Emile. The Division of Labour in Society. Trans. W. D. Halls, intro. Lewis A. Coser. New York, Free Press, 1997, 462 p.
2. H. H. Gerth and C. Wright Mills (Translated and edited), From Max Weber: Essays in Sociology. New York, Oxford University Press, 1946. Pp. 77–128.
3. Millerson G. The Qualifying Associations. London: Routledge & Kegan Paul, 1964. 320 p.
4. Sorokin P. A. Vlijanie professii na povedenie ljudej i refleksologija professional'nyh grupp [The influence of the profession on people's behavior and the reflexology of professional groups]. Obshhedostupnyj uchebnik sociologii. Stat'i raznyh let. In-t sociologii. Moscow, Nauka, 1994. Pp. 333–410.
5. Parsons T. Politics and Social Structure. New York, Free Press, 1969. 557 p.
6. Nikolaev V. G. Parsons T. Professii i social'naja struktura. (perevod s angl) Parsons T. The professions and social structure. Parsons T. Essays in sociological theory. – glencoe (il): free Press, 1954. Pp. 34–49. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 11. Sociologija: Referativnyj zhurnal. 2015. No. 4. Pp. 153–170.
7. Mot'kin R. V., Mot'kin V. N. Osobennosti funkcionirovanija instituta arbitrazhnogo upravljenja v krizisnyh uslovijah (regional'nyj aspekt) [Features of the functioning of the institute of insolvency management in crisis conditions (regional aspect)]. Regionologija. 2020. No. 4 (113). Pp. 801–822.
8. Uzbekov Je. R. K voprosu ob administrativno-pravovom regulirovanii dejatel'nosti SRO arbitrazhnyh upravljajushhih [On the issue of administrative and legal regulation of the activities of self-regulatory organizations of insolvency practitioners]. StudNet. 2020. No. 5. Pp. 603–606.
9. Filioglo L. D. Sociologija professij i professional'nyh grupp [Sociology of professions and professional groups]: jelektron. ucheb-metod. posobie. Tol'jatti, Izd-vo TGU, 2014. 147 p.
10. Saks M. Neoveberianstvo i professii [Neo-Weberianism and professions]. Sociologicheskie issledovaniya. 2020. No. 6. Pp. 28–41.
11. Larson M. The Rise of Professionalism: a Sociological Analysis. Berkeley, London, University of California Press, 1977. 328 p.
12. Starceva N. N. Sociologija professij i professional'nyh grupp [Sociology of professions and professional groups]: ucheb. posobie. Ekaterinburg, UrGUPS, 2017. 162 p.
13. Dorohina E. G. Problemy predprinimatel'skoj dejatel'nosti arbitrazhnogo upravljajushhego [Problems of entrepreneurial activity of the insolvency practitioners]. Pravovedenie. 2004. No. 1. Pp. 67–74.
14. Frey C. B., Osborne M. A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? Oxford, UK, University of Oxford, 2013. 72 p.
15. Maljar V. I., Aksenova E. A. Vozdejstvie cifrovych tehnologij na process avtomatizacii po delam nesostojatel'nosti (bankrotstva) [The impact of digital technologies on the process of automation in insolvency (bankruptcy) cases]. Strategija biznesa. 2022. Vol. 10, no. 3. Pp. 65–69.
16. Professional'nye gruppy: dinamika i transformacii [Professional groups: dynamics and transformations] pod red. V. A. Mansurova. Moscow, Izd-vo Instituta sociologii RAN, 2009. 419 p.

Author's Bio

MOTKIN Roman Vladislavovich – Postgraduate student, N. P. Ogarev Mordovian State University, Saransk, Russia; Assistant to the Arbitration Manager, Moscow, Russia.
E-mail: motkin.r@gmail.com

Библиографическая ссылка

Моткин Р. В. Социально-профессиональная группа арбитражных управляющих в зеркале социологических теорий // SocioTime / Социальное время. 2022. № 4 (32). С. 79–87. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.79

УДК 101

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.88

ФАСИЛИТАЦИОННЫЙ ПОДХОД КАК УСЛОВИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДИВЕРГЕНТНОГО КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ КУРСАНТОВ ВЫСШИХ ВОЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

С. А. Пономарёва

Филиал Военной академии материально-технического обеспечения, Пенза (Россия)

Введение. Статья посвящена рассмотрению роли фасилитационного подхода в развитии дивергентного критического мышления будущих военных специалистов.

Методы. В данном исследовании были применены методы индукции и дедукции, методы анализа и синтеза, методы описания, исторический метод, диалектический метод.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Автор актуализирует значимость и необходимость формирования особого типа мышления (критического, дивергентного) как условия успешной профессиональной деятельности военнослужащих. Показана востребованность современных Вооруженных сил Российской Федерации в военном специалисте, который способен рационально анализировать оперативную обстановку, выстраивать причинно-следственные связи, предугадывать решение противника, моделировать возможные ситуации, не ориентироваться на шаблонные готовые алгоритмы, принимать в кратчайшие сроки новые нестандартные эффективные пути решения возникших затруднений. Отмечено, что критическое (дивергентное) мышление выступает значимым элементом в формировании готовности обучающихся к будущей военно-профессиональной деятельности и является гарантом высокого уровня профессионализма и компетентности. Уделено внимание небольшому ретроспективному анализу и особенностям критического дивергентного мышления. Раскрыты концептуальные основы фасилитационного подхода в архитектонике современного образовательного пространства. Рассмотрены особенности, типы фасилитации как определенного вида искусства, отдельного инструмента организации процесса групповой коммуникации. Отмечено, что в настоящее время фасилитация становится ведущей компетенцией современного преподавателя, который должен обладать рядом качеств для продуктивности общения с обучающимися в процессе группового взаимодействия. Приведены примеры использования разнообразных методов фасилитационного подхода на семинарских занятиях с курсантами высшего военного образовательного учреждения по учебной дисциплине «Философия». Описан опыт внедрения в практику таких методов, как интеллектуально-познавательные игры («Своя игра», «Колесо философии», «Интеллектуально-познавательный ринг и т. п.), метод шести шляп мышления Эдварда Де Боно, метод «635», анализ поля сил.

Заключение. Одним из итогов стало фиксирование того, что совершенствование критического дивергентного мышления курсантов важно для улучшения качества процесса их профессиональной подготовки в ходе освоения основных профессиональных образовательных программ. Сделан вывод о том, что фасилитационный подход выступает необходимым условием для развития дивергентного критического мышления будущих военных специалистов.

Ключевые слова: фасилитация; критическое мышление; военное образование; дивергентное мышление; курсанты.

Введение. Современные тенденции развития высшего военного образования определяют изменение подходов к качественной подготовке будущих военных специалистов, необходимость совершенствования организации обучения, грамотного подбора педагогических технологий и методов для достижения успешного завершения профессионально-личностного становления военнослужащего и пополнения Вооруженных сил РФ высококвалифицированными кадрами.

В условиях усиливающейся дестабилизации политической обстановки, диверсификации ценностной духовно-нравственной дезориентации, активного воздей-

вия информационного пространства на психику человека приобретает особую значимость подготовка военнослужащего, способного эффективно работать в быстро меняющихся условиях, не ориентироваться на шаблонные линейные модели мышления, готовые алгоритмы, а находить в кратчайшие сроки новые нестандартные действенные пути, на основе анализа обстановки выстраивать причинно-следственные связи, прогнозировать изменение обстановки и предпринимать взвешенные решения. Настоящее время диктует необходимость в специалистах, которые готовы к быстрому усвоению и обновлению знаний, их критическому осмыслению, расширению умений и навыков, продуктивному применению полученных ЗУН в различных видах деятельности.

Все это возможно при наличии особого специфического «инструмента» – критического (дивергентного) мышления, которое можно трактовать как некий «щит» от деструктивного воздействия внешнего мира, как условие успешной профессиональной деятельности.

Критическое мышление – как мышление самостоятельное, творческое, рефлексивное, оценочное, многовариантное, многомерное – позволяет генерировать новые идеи, устанавливать достоверность информации, анализировать сложную проблему, быстро адаптироваться под меняющуюся ситуацию, эффективно и продуктивно работать в сложных экстремальных условиях, обнаруживать противоречия в суждениях, взвешенно оценивать последствия принятых решений, грамотно определять задачи.

Поскольку с развитием данного типа мышления эффективно справляется философия, то мы сделаем акцент на этой квинтэссенции гуманитарных наук и рациональной области духовной культуры, призванной формировать духовно-нравственные ценности, основы человеческого бытия, разрабатывать нравственные стимулы профессиональной деятельности и развивать навыки критического мышления.

В этом ракурсе актуален вопрос, касающийся поиска методов, технологий, образовательных инструментов, позволяющих конструировать необходимые ЗУН военного специалиста в XXI веке.

Фасилитация сегодня выступает как наиболее востребованная в архитектонике современного образовательного пространства гибкая технология, включающая в себя множество техник и инструментов, с помощью которых успешно достигаются цели образовательного процесса.

Методы исследования. Теоретическо-методологической базой исследования выступил диалектический метод. Востребованными для дальнейшего подробного рассмотрения базовых предметных положений исследования оказались и такие методы, как индукция и дедукция, методы описания, исторический метод. Более углубленное изучение обозначенной темы осуществлялось на основе методов анализа и синтеза.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Под дивергентным (критическим, латеральным) мышлением в научной литературе чаще всего понимают метод творческого мышления, который применяется для ре-

шения поставленных задач и заключается в выдвижении как можно большего количества решений той или иной проблемы, то есть здесь проявляется умение нестандартно мыслить. Впервые в научный оборот термин «дивергентное мышление» был введен в 1960-х годах американским психологом Дж. Полом Гилфордом [1], который описал дивергенцию как «мышление, идущее в разных направлениях».

Критическое мышление – это явление сложное, многогранное, продуктивное, аргументированное, понимаемое как способность объективно анализировать события, информацию, их интерпретировать, оценивать и делать выводы; видеть логические причинно-следственные связи, грамотно выстраивать собственные аргументы, рефлексивно оценивать свои взгляды.

Критически мыслящий специалист с дивергентным мышлением всегда демонстрирует высокий уровень профессионального мастерства, нестандартность видения ситуации, принимает неординарные, но эффективные решения. В связи с вышеизложенным, дивергентное критическое мышление – действительно важная компонента методологической составляющей подготовки военного специалиста.

Тема, связанная с критическим мышлением, уходит корнями в далекое прошлое. Хотя сам термин вошел в научный оборот сравнительно недавно: в XX в. американским философом и педагогом Дж. Дьюи была предпринята попытка постигнуть критическое мышление.

Известный древнегреческий мыслитель – первый афинский философ Сократ внес существенный вклад в развитие критической философской традиции. Он предлагал сосредотачиваться на ключевых терминах и их анализировать, подбирать убедительные аргументы и уходить от того, чтобы в любых суждениях опираться на веру в истинность, мнения авторитетного человека. Созданный мыслителем уникальный метод познания – майевтика, заключающийся в извлечении знания с помощью системы наводящих вопросов собеседнику, что стимулировало выработку методов аргументации, стал основой европейской философской мысли и современного критического мышления.

Другой яркий ученый и философ античности – основатель Перипатетической школы Аристотель закладывает основы логики как науки или как орудия любой науки. В его логических сочинениях «Органон», куда вошли в том числе наиболее значимые труды «Первая аналитика» и «Вторая аналитика», мыслитель предлагает формировать традицию мыслить систематически, создает основные принципы критического мышления как «высшего разума» для постижения законов и загадок мироздания.

Один из основоположников схоластики, известный теолог Ансельм Кентерберийский ориентировался на критическое мышление в процессе рационального дока-

зательства многих христианских догматов. В сочинениях «Монологион» и «Прослогион» мыслитель представил вариант доказательства бытия Бога, основанного на доводах чистого разума, а не на вере. Он предложил опираться на рационалистическое объяснение отдельных христианских постулатов.

В эпоху Нового времени Френсис Бэкон, английский философ, основатель эмпиризма, вводит новое «орудие ума», для того чтобы очистить сознание от «идолов» с целью получения объективных знаний об окружающем нас мире. Он закладывает основы современной теории и практики критического мышления.

Французский мыслитель Рене Декарт разрабатывает принцип рационального сомнения и кладет его в основу критического познания. В трудах «Правила для руководства ума», «Рассуждение о методе» были изложены рационалистические основы критического мышления, идеи «картезианского сомнения».

Особый вклад в разработку основ критического рационализма внес представитель постпозитивизма, философ и социолог Карл Поппер. Он делал акцент на фаллибилизме, принципе верификации. Поппер говорил о том, что рост научного знания сопровождается постоянным процессом смены одних научных теорий другими. Делается акцент на важности выдвижения гипотез с последующим их подтверждением / опровержением, устранения ошибок, критики теорий. В итоге мыслитель подталкивает нас к важнейшей способности человека – критике.

В целом в истории философской мысли немало ученых и мыслителей, интересовавшихся основами развития критического мышления. Современные исследователи продолжают традицию прошлого и посвящают многие свои работы изучению критического мышления [5; 6; 7; 8; 9]. Так, В. Н. Брюшинкин обозначает такие уровни критического мышления, как эмпирический (критическая проверка фактов), теоретический (критическая проверка теорий) и метатеоретический (критическая проверка норм и ценностей) [2, с. 30].

Критически мыслящий человек, по мнению ряда ученых, обладает определенными качествами: готовность к планированию; осознание; настойчивость; готовность исправлять свои ошибки; гибкость; поиск компромиссных решений [3, с. 9]. В качестве концептуальных характеристик критического мышления исследователь А. В. Королева выделяет следующие: рациональность, организованность, целенаправленность, аналитичность, рефлексивность, логичность [4, с. 152].

Критически мыслящий курсант способен расставлять приоритеты во всех сферах жизнедеятельности, в том числе личной и военно-профессиональной жизни, видеть перспективы, на профессиональном уровне оценивать полученные сведения или сложившуюся обстановку, достаточно быстро реагировать на изменения и принимать нестандартные, но эффективные способы решения каких-либо острых ситуаций.

Критичность мышления – неотъемлемая часть профессионализма военнослужащего Вооруженных сил Российской Федерации. Воинская деятельность отличается высоким уровнем сложности, напряженности, экстремальности. Это требует наличия у военнослужащего способности объективно оценивать внештатные ситуации, предвидеть намерения противника, моделировать вероятное развертывание событий, продуктивно выполнять все служебно-профессиональные и боевые распоряжения, рационально организовывать свою военно-профессиональную деятельность, грамотно распределять задачи в условиях боевой и повседневной обстановки. При этом следует отметить, что критичность мышления не подразумевает то, что необходимо оценивать полученные приказы командиров. Здесь идет речь о повышении профессионализма военного специалиста. Особенно это актуально в современных сложных военно-политических условиях. Поэтому критическое (дивергентное) мышление выступает значимым элементом в формировании готовности обучающихся к будущей военно-профессиональной деятельности и является гарантом высокого уровня профессионализма и компетентности.

В качестве благоприятного условия для развития данного типа мышления у курсантов мы предлагаем технологию педагогической фасилитации. Слово «фасилитация» (в пер. с англ. *facilitation* – помогать, облегчать, способствовать) рассматривается как некий стиль управления или «набор инструментов», позволяющих эффективно организовать процесс групповой работы. То есть эта технология позволяет модерировать обсуждение той или иной темы, проблемной ситуации, собирать интересные нетипичные идеи. Фасилитатор, как коммуникативный тренер, наблюдает процесс дискуссии, контролирует беседу, выдает конкретные указания / задания [10; 11].

Впервые термин появился в 1965 г.: американский психолог Роберт Зайонцы обнаружил в ходе эксперимента над тараканами, что насекомые быстрее проходят лабиринт, если взаимодействуют друг с другом и сообща находят выход. Позднее аналогичный результат ученый выявил и у людей. Так появилась концепция социальной фасилитации. В дальнейшем данная идея была развита одним из родоначальников гуманистического подхода в психологии, американским психологом Карлом Роджерсом, который применил фасилитацию в сфере образования. Поэтому сегодня выделяют два вида фасилитации: социальную и педагогическую:

- первая есть повышение эффективности деятельности человека в рамках решения поставленной задачи в присутствии других людей, то есть индивид быстрее выполнит задание не в одиночку, а в компании других людей;
- вторая представляет собой усиление продуктивности образовательного процесса и развитие участников за счет определенного стиля коммуникации и взаимодействия преподавателя, создания благоприятных условий для личностного роста.

Главной идеей этого подхода выступает то, что в любом человеке есть все необходимые ресурсы для самопознания и развития. Доступ к этим ресурсам, как от-

мечают ученые, возможен при соблюдении трех условий, способствующих созданию определенной фасилитационной атмосферы:

1. Конгруэнтное самовыражение в общении;
2. Безусловное позитивное отношение;
3. Активное эмпатическое слушание и понимание [12].

Преподаватель-фасилитатор должен обладать рядом качеств для продуктивности общения с обучающимися в процессе группового взаимодействия: быть коммуникабельным, инициативным, доброжелательным, открытым, уметь создавать благоприятную обстановку, снимающую барьеры отчужденности между обучающимися, проявлять уважительное отношение к каждому участнику, владеть инновационными педагогическими технологиями, методами, приемами осуществления фасилитационной деятельности, уметь грамотно выстраивать доверительные взаимоотношения, моделировать педагогические ситуации.

Исследователями выделены следующие три группы признаков педагога-фасилитатора: интерактивные, организационные, творческие.

Интерактивные признаки: преподаватель направляет процесс обмена информацией, извлеченной из собственного опыта участников, в соответствии с решаемой задачей; облегчает группе процесс взаимодействия; поддерживает доверительные отношения и атмосферу взаимопомощи; побуждает членов группы к высказыванию; отслеживает групповую динамику.

Организационные признаки: преподаватель согласовывает работу членов группы; организует взаимодействие обучающихся с окружением; поддерживает обратную связь между ними; побуждает участников самостоятельно собирать данные; инициирует пути решения проблемы; побуждает обучающихся поделиться собственным опытом решения задачи.

Творческие признаки: преподаватель выявляет и обобщает точки зрения; анализирует мнения группы; стимулирует творческие предположения и т. п. [13, с. 53-54].

Фасилитация представляет собой развивающий образовательный метод, в рамках которого успешно может быть сформировано дивергентное критическое мышление за счет того, что создаются необходимые благоприятные условия для обмена мнениями, опытом, анализа конкретной информации, поставленных задач и стимулирования поиска их решения. Фасилитационный подход применим на семинарских и практических занятиях с курсантами высших военных образовательных учреждений и включает в себя комплект разных методов. На некоторых из них остановимся более подробно.

1. *Интеллектуально-познавательные игры.* При изучении учебной дисциплины «Философия» в педагогическом процессе филиала Военной академии материально-

технического обеспечения (г. Пенза) применяются интеллектуальные игры «Колесо философии», «Своя игра», «Интеллектуальный ринг» и др. [14].

Например, «Своя игра» предлагает участникам выбрать номинацию и номер с заданием (см. рис. 1).

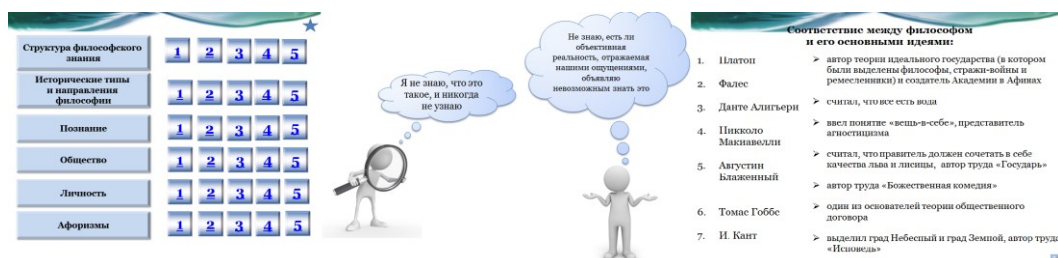

Рис. 1. Варианты выбора заданий

Другой пример – «Интеллектуальный ринг». Может включать такие этапы (см. рис. 2): 1) «Представление»; 2) «Разминка»; 3) «Верно – неверно»; 4) «Три задания» и др.

Рис. 2. Номинации в игре «Интеллектуальный ринг»

Участники разбиты на команды и выполняют задания. Каждая группа поочередно проходит установленные номинации и набирает баллы за правильные ответы. В дальнейшем победителем становится группа, которая набрала наибольшее количество баллов.

2. *Метод шести шляп мышления Эдварда Де Боно.* В целях развития мышления продуктивной является методика шести шляп британского психолога Э. де Боно. По сути, это некая ролевая игра, в которой каждая шляпа конкретного цвета означает определенный режим мышления (см. рис. 3).

Зелёная шляпа – творческая; новые идеи, пересмотр старых, креативность

Белая шляпа – информационная; оперирование фактами, нейтральность, беспристрастность, объективность

Красная шляпа – эмоциональная; высказывание переживаний или догадок без каких-либо доказательств и обоснований, опора на интуицию

Чёрная шляпа – осторожная, пессимистичная; критика, здоровый скептицизм, опасения

Жёлтая шляпа – оптимистическая; позитивное мышление; выражаются достоинства, преимущества, перспективы той или иной идеи

Синяя шляпа – организационная, аналитическая; управляет процессом мышления, в начале ставит задачу, в конце подводит итоги

Рис. 3. Характеристика «шляп» Э. де Боно

Сложность применения метода – большая предварительная подготовка (как организационная, так и по формированию сознательной и мотивированной аудитории).

3. *Метод «635»* (второе название метода – «брейнрайтинг» / «мозговое письмо» – вариант «мозгового штурма», это способ поиска решений при полной тишине; предложен в 1968 г. Берндомом Рорбахом).

Суть задания: курсанты группы записывают идеи на листочках, передают их по кругу, «додумывая» идею, полученную от предыдущего автора. Вся процедура – до 10 мин. Принцип работы – «улучшать идею, а не критиковать».

На первом этапе в группе из 5-6 человек каждый участник записывает в формуляры по три идеи по поводу решения задачи / проблемы.

На втором этапе происходит оценка, обсуждение записанных предложений и выбор наиболее интересных. И так проводится 5 раундов.

В итоге в сумме можно получить до 108 разнообразных идей, решений.

4. *Анализ поля сил* (автор – нем. психолог Курт Левин).

Суть задания: нужно выделить движущие силы (помогающие начать изменения) и сдерживающие силы (ограничивающие воздействие движущих сил). Цель метода – определение тех факторов (сил), которые способствуют или мешают изменениям или решению проблемы (см. рис. 4).

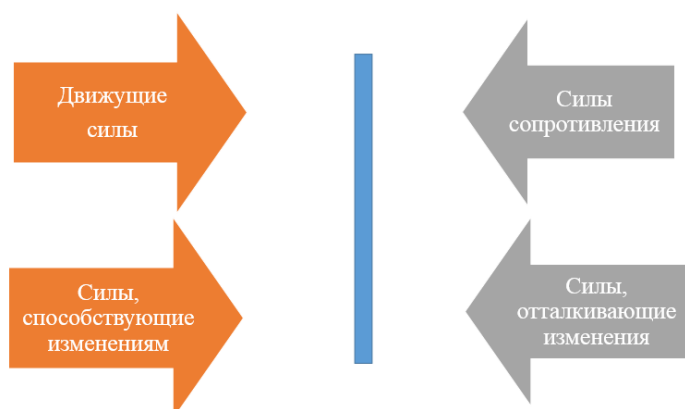

Рис. 4. Структура анализа учебного вопроса по теме дисциплины «Философия»

Техника осуществления метода:

1. Обозначается вопрос / проблема для анализа.
2. Определяется фактор, способствующий изменениям.
3. Выявляются препятствия данным изменениям.
4. Решается вопрос о том, как уменьшить силы сопротивления (анализ ситуации, поиск решения).
5. Определяются факторы для увеличения силы воздействия, чтобы наступили изменения.
6. Вырабатывается план действий.

Помимо названных методов можно использовать методические приемы «Граф-коктейль», «Мировое кафе», «Важное и желаемое» и др.

Заключение. Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что в XXI веке критическое (дивергентное) мышление оказывается наиболее значимым и актуальным для успешной и продуктивной повседневной и военно-профессиональной деятельности и выполняет стратегическую роль в формировании и становлении личности военного специалиста. Критическое дивергентное мышление – это очень важная составляющая в арсенале способностей военнослужащего, поскольку позволяет ему оперативно и успешно выполнять все служебные и боевые задачи для обеспечения обороны и безопасности личности, общества и государства. А подготовка высококвалифицированных военных кадров является главной задачей современной системы высшего военного образования. Это порождает необходимость поиска новых эффективных подходов к организации военно-образовательного процесса в высшей военной школе в целях повышения качества профессиональной подготовки обучающихся в процессе освоения ими основных профессиональных образовательных программ.

В настоящее время наиболее распространенным и востребованным во многих сферах является фасилитационный подход, который подразумевает под собой очень

гибкое управление педагогическим взаимодействием, когда со стороны фасилитатора наблюдаются поддерживающее, направляющее, недирективное влияние, грамотное выстраивание доверительной коммуникации между всеми участниками в целях достижения поставленных целей.

Внедрение фасилитационного подхода в образовательный процесс способствует повышению качества обучения, формирует необходимый набор компетенций, повышает познавательную активность обучающихся, отсутствие готовых решений позволяет проявлять нестандартность мышления, развивать критическое (дивергентное) мышление. Преподаватель не только участвует в процессе передачи знаний курсантам, выполняя свою классическую функцию – информационную, но и провоцирует их «взращивание» в ходе обучения. То есть формируется заинтересованность участников педагогического процесса в самостоятельном получении образовательных результатов. Конструктивная обратная связь со стороны преподавателя улучшает качество группового взаимодействия. В связи с этим фасилитация становится ведущей компетенцией современного преподавателя.

Фасилитация как инновационная технология в образовании и технология организованного развития и изменений формирует профессионально важные качества личности курсанта. Фасилитационный подход как необходимое условие для развития дивергентного критического мышления – важный элемент совершенствования военно-педагогического процесса.

Список литературы

1. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления / под ред. А. М. Матюшкина. М.: Прогресс, 1965. С. 433–456.
2. Брюшинкин В. Н. Критическое мышление и аргументация // Критическое мышление, логика, аргументация / под ред. В. Н. Брюшинкина, В. И. Маркина. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003. С. 29–34
3. Заир-Бек С. И., Муштавинская И. В. Развитие критического мышления на уроке: пособие для учителя. М.: Просвещение, 2004. 175 с.
4. Королева А. В. Особенности критического мышления студентов гуманитарных специальностей // Вестник ТГУ. 2013. Вып. 7 (123). С. 148–156.
5. Якунина Н. А. Критическое мышление: аналитическое осмысление понятия // Гаудеамус. 2019. № 4. С. 21–26.
6. Петракова И. Н. К вопросу о самодостаточности критического мышления // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 188–197.
7. Джураева Г. Организационные и педагогические условия развития критического мышления у студентов вузов // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and sciences. 2022. № 2. С. 1017–1020.
8. Некрасова Н. А., Некрасов С. И. Философские основания становления метода критического мышления // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2021. № 03. С. 5–15.
9. Ронжина Н. В. Роль универсальной компетенции «системное и критическое мышление» в формировании профессионального мышления // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 2. С. 116–121.
10. Авдоница Л. В., Вишнякова А. В., Кузема Т. Б. Педагогическая фасилитация и ее составляющие // E-Scio. 2020. С. 309–316
11. Вахнина В. В., Титкова А. П. Психологические особенности применения технологии фасилитации // Академическая мысль. 2020. № 1. С. 118–125.

12. Шахматова О. Н. Педагогическая фасилитация: особенности формирования и развития // Научные исследования в образовании. 2006. № 3. С. 118–125.

13. Шушерина О. А., Грицкевич Е. В. Фасилистационный стиль педагога профессионального обучения: содержание и организационно-педагогические условия его становления // Сибирский педагогический журнал. 2011. С. 50–62.

14. Пономарёва С. А. Об основных принципах преподавания философии в системе военного вузовского образования / Драгомировские образовательные чтения: сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 83–86.

Авторская справка

ПОНОМАРЁВА Светлана Андреевна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах), филиал Военной академии материально-технического обеспечения, Пенза, Россия.

E-mail: svetap07@yandex.ru

UDC 101

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.88

FACILITATION APPROACH AS A CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF DIVERGENT CRITICAL THINKING OF CADETS HIGHER MILITARY EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

S. A. Ponomareva

Branch of the Military Academy of Material and Technical Support, Penza (Russia)

Introduction. The article is devoted to the role of the facilitation approach in the development of divergent critical thinking of future military specialists.

Methods. Methods of induction and deduction, methods of analysis and synthesis, methods of description, historical method, dialectical method were used in this study.

Results. The author actualizes the importance and necessity of forming a special type of thinking (critical, divergent) as conditions for successful professional activity of military personnel. The relevance of the modern Armed Forces of the Russian Federation in a military specialist who is able to rationally analyze the operational situation, build cause-and-effect relationships, anticipate the decision of the enemy, simulate possible situations, not to focus on template ready-made algorithms, to take new non-standard effective ways to solve the difficulties encountered in the shortest possible time. It is noted that critical (divergent) thinking is an important component in the formation of cadets' readiness for future military professional activity and is a guarantee of a high level of professionalism and competence. Attention is paid to a small retrospective analysis and features of critical divergent thinking. The conceptual foundations of the facilitation approach in the architectonics of the modern educational space are revealed. The features and types of facilitation as a certain kind of art, a separate tool for organizing the process of group communication are considered. It is noted that currently facilitation is becoming the leading competence of a modern teacher, who must have a number of qualities for productive communication with students in the process of group interaction. Examples of the use of various methods of the facilitation approach in seminars with cadets of the higher military educational institution in the academic discipline "Philosophy" are given. The article describes the experience of introducing into practice such methods as intellectual and cognitive games ("Own game", "Wheel of Philosophy", "Intellectual and cognitive ring, etc.), the method of six hats of thinking by Edward De Bono, the method "635", analysis of the field of forces.

Conclusion. One of the results was the fixation of the fact that improving the critical divergent thinking of cadets is important for improving the quality of their professional training process during the development of their basic professional educational programs. It is concluded that the facilitation approach is a necessary condition for the development of divergent critical thinking of future military specialists.

Keywords: facilitation; critical thinking; military education; divergent thinking; cadets.

References

1. Gilford Dzh. Tri storony intellekta [Three sides of intelligence]. Psihologija myshlenija, pod red. A. M. Matjushkina. Moscow, Progress, 1965. Pp. 433–456 (In Russ.).
2. Brjushinkin V. N. Kriticheskoe myshlenie i argumentacija [Critical thinking and argumentation]. Kriticheskoe myshlenie, logika, argumentacija, pod red. V. N. Brjushinkina, V. I. Markina. Kaliningrad, Izd-vo Kaliningr. gos. un-ta, 2003. Pp. 29–34. (In Russ.).
3. Zair-Bek S. I., Mushtavinskaja I. V. Razvitie kriticheskogo myshlenija na uroke: posobie dlja uchitelja [The development of critical thinking in the classroom: a teacher's manual]. Moscow, Prosveshhenie, 2004. 175 p. (In Russ.).
4. Koroleva A. V. Osobennosti kriticheskogo myshlenija studentov gumanitarnyh special'nostej [Features of critical thinking of students of humanities]. Vestnik TGU. 2013. Vypusk 7 (123). Pp. 148–156. (In Russ.).
5. Jakunina N. A. Kriticheskoe myshlenie: analiticheskoe osmyslenie ponjatija [Critical thinking: analytical understanding of the concept]. Gaudeamus. 2019. No. 4. Pp. 21–26. (In Russ.).
6. Petrakova I. N. K vopros o samodostatochnosti kriticheskogo myshlenija [The question of self-sufficiency of critical thinking]. Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2021. No. 2. Pp. 188–197. (In Russ.).
7. Dzhuraeva G. Organizacionnye i pedagogicheskie uslovija razvitija kriticheskogo myshlenija u studentov vuzov [Organizational and pedagogical conditions for the development of critical thinking among university students]. Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and sciences. 2022. No. 2. Pp. 1017–1020. (In Russ.).
8. Nekrasova N. A., Nekrasov S. I. Filosofskie osnovanija stanovlenija metoda kriticheskogo myshlenija [Philosophical foundations of the formation of the method of critical thinking]. Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. 2021. No. 03. Pp. 5–15. (In Russ.).
9. Ronzhina N. V. Rol' universal'noj kompetencii «sistemnoe i kriticheskoe myshlenie» v formirovanii professional'nogo myshlenija [The role of universal competence "systemic and critical thinking" in the formation of professional thinking]. Professional'noe obrazovanie i ryok truda. 2020. No. 2. Pp. 116–121. (In Russ.).
10. Avdonina L. V., Vishnjakova A. V., Kuzema T. B. Pedagogicheskaja fasilitacija i ee sostavljajushhie [Pedagogical facilitation and its components]. E-Scio. 2020. Pp. 309–316. (In Russ.).
11. Vahnina V. V., Titkova A. P. Psihologicheskie osobennosti primenenija tehnologii fasilitacii [Psychological features of the use of facilitation technology]. Akademicheskaja mysl'. 2020. No. 1. Pp. 118–125. (In Russ.).
12. Shahmatova O. N. Pedagogicheskaja fasilitacija: osobennosti formirovanija i razvitija [Pedagogical facilitation: features of formation and development]. Nauchnye issledovanija v obrazovanii. 2006. No. 3. Pp. 118–125. (In Russ.).
13. Shusherina O. A., Grickevich E. V. Fasilistacionnyj stil' pedagoga professional'nogo obuchenija: soderzhanie i organizacionno-pedagogicheskie uslovija ego stanovlenija [The fasilistic style of a teacher of vocational training: the content and organizational and pedagogical conditions of its formation]. Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2011. Pp. 50–62. (In Russ.).
14. Ponomarjova S. A. Ob osnovnyh principah prepodavanija filosofii v sisteme voennogo vuzovskogo obrazovanija [On the basic principles of teaching philosophy in the system of military higher education]. Dragomirovskie obrazovatel'nye chtenija, Sbornik nauchnyh statej po materialam III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Penza, 2020. Pp. 83–86. (In Russ.).

Author's Bio

PONOMAREVA Svetlana Andreevna – Candidate of Philosophy, senior lecturer of the Department of Military-Political Work in the military (forces), a branch of the Military Academy of Material and Technical Support, Penza, Russia.

E-mail: svetap07@yandex.ru

Библиографическая ссылка

Пономарёва С. А. Фасилитационный подход как условие для развития дивергентного критического мышления курсантов высших военных образовательных учреждений // SocioTime / Социальное время. 2022. № 4 (32). С. 88–100. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.88

ИСТОРИЯ

УДК 316.42; 323.174

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.101

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЭФФЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В. В. Климук¹, О. Е. Кулагин²

¹Барановичский государственный университет, Барановичи (Республика Беларусь)

²Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск (Россия)

Введение. В работе авторами представлены исторические этапы создания Союзного государства Беларуси и России: от начала установления дипломатических отношений между Беларусью и Россией (1992 год) до подписания договора о развитии Союзного государства (1999 год). В работе актуализируется важность расширения и углубления межрегиональных отношений братских народов Беларуси и России в контексте функционирования модели Союзного государства в области торгово-экономического, научно-технологического, социально-гуманитарного сотрудничества. Представление поэтапной эволюции создания Союзного государства позволяет определить предпосылки последующих этапов развития, возможные сценарии развития Союзного государства и социально-экономического роста стран-союзниц. Предпосылки создания и развития Союзного государства предопределяют условия эффективного использования совместного ресурсного потенциала для роста конкурентоспособности Беларуси и России.

Методы. В работе использованы методы экстраполяции, исторического анализа, структурного анализа, системного анализа. Проведен анализ общедоступных литературных источников, в т. ч. в наукометрических базах eLibrary.ru, Cyberleninka.ru, ResearchGate.net, ScholarGoogle.ru, а также в репозитории БарГУ.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Ежегодно активизируются векторы интеграции в области экономики, в социальной сфере между странами-союзницами. Представлены основные целевые ориентиры двух стран в векторе союзного сотрудничества, в т. ч. обеспечение мирного и демократического развития братских народов, создание единого экономического пространства, проведение согласованной внешней политики и политики в области обороны, формирование единой правовой системы, проведение согласованной социальной политики, обеспечение безопасности Союзного государства, укрепление мира, безопасности и взаимовыгодного сотрудничества и развития сотрудничества с дружественными странами. В исследовании использованы методы логического структурирования, системного анализа. Выделена структура органов управления Союзным государством Беларуси и России, а именно: Высший Государственный Совет, Парламент, Совет Министров, Суд, Счетная палата. В работе представлен анализ реализации 69 союзных программ.

Заключение. Авторами сформулированы основные цели взаимодействия стран-партнеров в Союзном государстве на основе эффективного использования совместного ресурсного потенциала. Представлен ряд предпосылок создания Союзного государства: экономические, социальные, политические, организационные.

Ключевые слова: исторические этапы; предпосылки создания; Союзное государство Беларуси и России.

Работа выполнена по гранту № 23-28-00853 Российского научного фонда; Конкурс 2022 года «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами»; тема: «Механизмы развития сложных социально-экономических систем в новых экономических условиях: Союзное государство России и Белоруссии; научно-исследовательский сектор; высшее образование и рынок труда в цифровой экономике».

Введение. Важнейшим направлением социально-экономического развития страны выступают разработка, совершенствование механизмов эффективного использования ресурсного потенциала своих территорий, в частности, в рамках межрегионального международного сотрудничества. Особенно актуальным данное направление является в современных условиях межстранового взаимодействия. И одним из векторов роста конкурентоспособности государства выступает развитие форм сотрудничества между регионами братских народов – Беларуси и России – в рамках модели Союзного государства.

Методы исследования. Только совместными усилиями по развитию и эффективному использованию ресурсного потенциала двух государств, базирующихся на общей истории, союзничестве, возможен рост экономической и социальной эффективности. Благодаря использованию совместных ресурсов обуславливается достижение синергетического эффекта для стран-союзниц. С целью анализа исторических этапов развития Союзного государства в работе использованы методы экстраполяции, исторического анализа, структурного анализа, системного анализа. Проведен анализ общедоступных литературных источников, в т. ч. в наукометрических базах eLibrary.ru, Cyberleninka.ru, ResearchGate.net, ScholarGoogle.ru, а также в репозитории БарГУ.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В своей аналитической статье Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, в частности, что «...и русские, и украинцы, и белорусы – наследники Древней Руси, являвшейся крупнейшим государством Европы. Славянские и другие племена на громадном пространстве – от Ладоги, Новгорода, Пскова до Киева и Чернигова – были объединены одним языком (сейчас мы называем его древнерусским), хозяйственными связями, властью князей династии Рюриковичей. А после крещения Руси – и одной православной верой. Духовный выбор святого Владимира, который был и Новгородским, и великим Киевским князем, и сегодня во многом определяет наше родство...» [12].

Несмотря на многочисленные перипетии прошедших столетий, родство и единство русских и белорусов как братских народов стало актуальным фактором развития данных связей в XX и XXI вв. После распада единого государства народы бывшей Российской империи на основе Декларации прав народов России от 2 ноября 1917 г. провозгласили создание самостоятельных республик, в том числе Белорусской. Вопрос об образовании Белорусской Республики первоначально предполагал

лось решить на съезде Советов Белоруссии в конце февраля 1918 г., но созыв съезда был сорван начавшимся 18 февраля наступлением германской армии. Немецкие войска оккупировали большую часть территории Белоруссии. Тюрьмы были переполнены, создавались концентрационные лагеря, людей отправляли на каторжный труд в Германию [5].

Создание Союзного государства – это стратегическое решение глав государств в интересах своих граждан и будущего совместного развития своих регионов. Согласованная экономическая, геополитическая, социальная политика способствует реализации механизмов устойчивого развития двух государств.

На оккупированной белорусской земле началась партизанская война. РСФСР оказывала большую помощь белорусским партизанам и подпольщикам во главе с А. Ф. Мясниковым. 14 февраля 1918 г. по инициативе петроградских белорусских организаций в составе Народного Комиссариата по делам национальностей РСФСР был образован Комиссариат по делам Белоруссии (Белнаком). Образование его было утверждено Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 1 марта 1918 г. Он был призван стоять на страже интересов народа Белоруссии, всемерно проводить в жизнь идеи в области национальной политики путем необходимой работы в центре и на местах.

Массовая борьба против немецких оккупантов привела к тому, что уже в августе 1918 г. германское командование было вынуждено подписать дополнительный договор с РСФСР, по которому обязывалось оставить территорию Белоруссии восточнее реки Березины. Красная Армия перешла в наступление против немецких войск. Началось освобождение от захватчиков оккупированных территорий Белоруссии. 10 декабря 1918 г. был освобожден Минск. В конце декабря 1918 г. – начале января 1919 г. большая часть Белоруссии была очищена от немецких войск. Белорусские рабочие и крестьяне на собраниях и митингах высказывали благодарность русскому народу за освобождение [1].

Возникновение советских республик в Прибалтике и на Украине сделало актуальным вопрос о провозглашении Советской Беларуси. Уже 31 января 1918 г. при Наркомнаце РСФСР был создан Белорусский национальный комиссариат (Белнацком). На момент создания деятельностью Белнацкома руководили А. Г. Червяков, В. Скарынка, Д. Ф. Жилунович. Осенью 1918 г. комиссариат состоял из 6 отделов (агитационно-политического, культурно-просветительского, беженского, издательского, отдела труда, ликвидационного отдела) и канцелярии. Белнацком имел отделения в Витебске, Смоленске, Петрограде, а также представителей в Орше, Орле, Калуге, Саратове, Тамбове. При содействии работников комиссариата были созданы Белорусский народный университет в Москве, Высшие курсы по белорусоведению в Петрограде. Белнацком участвовал также в создании Белорусского научно-культурного общества в Москве, Белорусского вольного экономического общества и Общества любителей белорусского народного искусства в Петрограде. Большое значение имел выпуск печатных органов Белнацкома – газеты «Дзянніца» (она стала первой советской газетой на белорусском языке) и журнала «Чырвоны шлях».

Работники комиссариата считали, что реальную государственность Беларусь сможет обрести только на советской основе, в тесной связи с РСФСР. Белнацком поддерживал тесную связь с правительством Советской России, в том числе с НКВД РСФСР. Явно с санкции российского комиссариата деятели Белнацкома в

апреле-мае 1918 г. провели на неоккупированных немцами землях Беларуси собрания, конференции и митинги под лозунгами неприятия политики Рады и правительства БНР, приверженности советской власти в России и желания находиться с ней в союзе или федерации. 17 октября 1918 г. НКВД РСФСР предложил Белнацкому направить своих представителей на территории, освобожденные от немецкой оккупации, с целью организации там правительственных учреждений. Именно Белнацком стал инициатором провозглашения Советской Беларуси. 19 ноября 1918 г. в газете «Дзянніца» была опубликована статья «Як жа з Беларуссю?», в которой проводилась мысль о том, что белорусы могут и должны иметь свою государственность, и содержался призыв к властям РСФСР «отчетливо поставить вопрос о судьбе Беларуси». Призывы к созданию белорусского советского государства поддерживали представители белорусских секций РКП(б), которые стали возникать в различных городах РСФСР в 1918 г. [13].

Военно-политический союз советских республик (РСФСР, УССР, ЛитБела, Латвии и Крыма) был юридически оформлен 1 июня 1919 г. на заседании ВЦИК. Республики заявляли об объединении военной организации и военного командования, советов народного хозяйства, комиссариатов труда, руководства железными дорогами и хозяйством, финансами. 7 июня 1919 г. Беллитармия была переименована в 16-ю армию, находившуюся в подчинении командования Западного фронта. 21 июня 1919 г. ЦИК ЛитБела утвердил договор о военно-политическом союзе республик, обратив внимание на то, что белорусский и литовский народы рассматривают союз как «первый шаг на пути объединения всех советских республик» [14].

Освобождение территории Беларуси от поляков летом 1920 г. создало предпосылки для возрождения Советской Беларуси. Уже в мае 1920 г. А. Г. Червяков, в это время возглавлявший Советский отдел Реввоенсовета Западного фронта, и его единомышленники (Д. Ф. Жилунович, И. Клишевский, А. Гурло и др.) отказались войти в состав Минского ревкома и потребовали создать ревком Беларуси в качестве «автономного организма Советской России» [11].

В конце 1920 г. – начале 1921 г. вопрос о характере взаимоотношений с РСФСР обрел для БССР особую значимость. В 1920 г. на белорусской территории, освобожденной от польской оккупации, до созыва Всебелорусского съезда Советов действовали законы РСФСР, приказы командования Красной армии. Двусмысленность статуса БССР нашла отражение в резолюции «О центральных органах власти ССРБ и их взаимоотношениях с РСФСР», принятой III съездом КП(б)Б в ноябре 1920 г. В резолюции, в частности, говорилось: «Белоруссия, которая является Социалистической Советской Республикой, одновременно является составной частью РСФСР, и все органы в области общих мероприятий должны подчиняться соответствующим комиссариатам РСФСР, однако они должны иметь определенную свободу в области решения вопросов местной жизни, в которых они должны руководствоваться ЦИКБ и Совнаркомом Белоруссии» [2].

16 января 1921 г. в Москве был подписан союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и БССР. Документ состоял из 7 статей и был составлен на русском и белорусском языках (оба варианта имели равную силу). В преамбуле договора подчеркивалось, что обе республики исходят «из провозглашенного Великой пролетарской революцией права народов на самоопределение», признают «незави-

симось и суверенность каждой из договаривающихся сторон» и понимают «необходимость объединить свои силы в целях обороны, а также в интересах их хозяйственного строительства». В статье 2 говорилось: «Оба государства считают необходимым объявить, что все общие обязательства, которые они впредь будут принимать на себя по отношению к другим государствам, могут обуславливаться лишь общностью интересов рабочих и крестьян, заключающих настоящий договор республик, что из самого факта прежней принадлежности территории ССРБ к бывшей Российской империи для ССРБ не вытекает никаких обязательств по отношению к кому бы то ни было» [6].

В общих чертах союзный договор 1921 г. напоминал договор о военнополитическом союзе, подписанный советскими республиками в 1919 г. БССР и РСФСР объединяли комиссариаты военных и морских дел, внешней торговли, финансов, труда, путей сообщения, почт и телеграфа, Высший Совет народного хозяйства. Предполагалось, что руководить объединенными комиссариатами и контролировать их деятельность будут всероссийские съезды Советов, а также ВЦИК, а БССР будет направлять в указанные органы своих представителей. Предполагалось также, что объединенные комиссариаты будут входить в состав правительства РСФСР, а в правительстве БССР будут иметь уполномоченных, утверждаемых и контролируемых ЦИК и съездом Советов БССР [6].

В результате вышеописанных событий БССР стала одной из четырех советских республик (наряду с РСФСР, УССР и ЗСФСР), заключивших 29 декабря 1922 г. Договор об образовании СССР [10].

Интеграция государств в направлении создания Союзного государства проходила поэтапно (см. рис. 1).

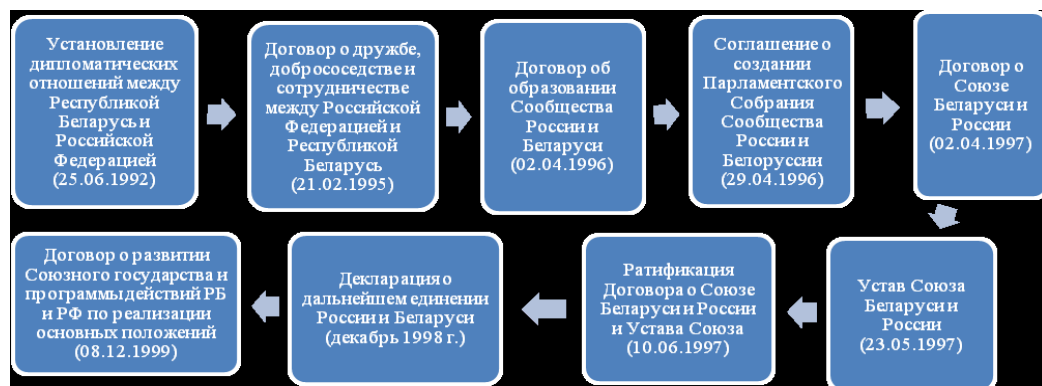

Рис. 1. Этапы создания Союзного государства Беларуси и России

I этап. 21 февраля 1995 г. подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь [9].

Подписание Договора об образовании Сообщества России и Беларуси от 2 апреля 1996 г. В Договоре стороны определили перед собой следующие задачи:

- организация единого экономического пространства;
- синхронизация проводимых реформ;

- восстановление объединенных транспортной и энергетической систем, общего научно-технологического и информационного пространств;
- формирование единой законодательной и нормативно-правовой базы;
- проведение унификации денежно-кредитной и бюджетной систем;
- создание условий для введения общей валюты;
- завершение создания общего таможенного пространства с единой системой управления;
- согласование своей внешней политики, позиций по основным международным вопросам;
- взаимодействие в обеспечении безопасности, охране границ, борьбе с преступностью.

Договор об образовании Сообщества намеренно оговаривал неприкосновенность суверенитета, независимости, территориальной целостности Беларуси и России. Оставаясь субъектами международного права, эти государства самостоятельно действуют на международной арене.

В соответствии с Договором на паритетной основе начали действовать межгосударственные органы и отраслевые органы управления. В качестве представительного органа начало работать Парламентское Собрание, которое формировалось из равного числа парламентариев России и Беларуси.

Договор был открыт для присоединения других государств, разделяющих его принципы. Дальнейшее развитие Сообщества и его устройство должны были определяться референдумами. День 2 апреля объявлялся в России и Беларуси праздником Единства народов.

В Санкт-Петербурге 29 апреля 1996 г. на встрече руководителей парламентов двух стран подписано Соглашение о создании Парламентского Собрания Сообщества России и Белоруссии. Местом нахождения его определена Москва, а представительства Парламентского Собрания в Республике Беларусь – город Минск [7].

II этап. 2 апреля 1997 г. Президенты двух стран подписали Договор о Союзе Беларуси и России. Документ был основан на Договоре об образовании Сообщества России и Беларуси от 2 апреля 1996 г., развивал его положения в целях достижения действенной интеграции в экономической и других областях общественной жизни [3].

Неотъемлемой частью Договора должен был стать Устав Союза. 23 мая 1997 г. на заседании Высшего Совета Сообщества России и Беларуси Устав был одобрен и в тот же день подписан Президентами.

На этом же заседании утверждена Программа первоочередных действий по реализации Договора о Союзе. Парламенты Беларуси и России 10 июня 1997 г. ратифицировали Договор о Союзе Беларуси и России и Устав Союза, которые вступили в силу 11 июня 1997 г. Руководящими органами Союза остались Высший Совет, Парламентское Собрание и Исполнительный Комитет [9].

Договор, преобразуя Сообщество Беларуси и России в Союз Беларуси и России, дает возможность поднять российско-белорусские отношения на новый качествен-

ный уровень, обозначает политическую перспективу дальнейшего развития этих отношений.

Сессия Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, состоявшаяся 12-13 июня 1997 г., рассмотрела организационные и правовые вопросы преобразования Парламентского Собрания Сообщества в Парламентское Собрание Союза Беларуси и России. С решением указанных вопросов началось формирование союзных органов: образованы Пограничный комитет и Комитет по вопросам безопасности Союза Беларуси и России, подписан Договор о совместной Телерадиовещательной организации [9].

III этап. В конце декабря 1998 г. Президентами двух стран была подписана Декларация о дальнейшем единении России и Беларуси [7]. В ней были сформулированы основные задачи по созданию Союзного государства:

- разработка и вынесение на всенародное обсуждение проекта соответствующего договора;
- формирование союзных органов государственной власти и управления;
- выработка механизма проведения общей политики в международных делах;
- вопросы обороны и безопасности.

В экономической сфере предполагалось создание единого экономического пространства, в социально-гуманитарной – сближение социальных стандартов и обеспечение соблюдения прав граждан в соответствии с общепризнанными нормами международного права.

8 декабря 1999 г. подписан Договор о развитии Союзного государства и программы действий РБ и РФ по реализации основных положений (вступил в силу 26 января 2000 г.). Выполнение этого договора предполагало создание высшей формы межгосударственного объединения на постсоветском пространстве. В Союзном государстве планировалось создание единого экономического пространства, принятие единого Конституционного акта, в котором предполагалось создание наднациональных органов – парламента и правительства, а также унификация судебной системы. В экономической сфере предполагалось создание общего наднационального бюджета с общей налоговой системой, валютой, ценообразованием и т. д.

Знаковым событием стало утверждение 4 ноября 2021 г. Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства «Основных направлений реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы» и 28 союзных программ, направленных на углубление белорусско-российской интеграции во всех сферах. Министерства иностранных дел Беларуси и России обеспечивают внешнеполитическую поддержку и дипломатическое сопровождение работы по реализации этих интеграционных решений [9].

Союзное государство основывается на принципах суверенных государств-участников, добровольности, добросовестности выполнения взаимных обязательств.

Целью Союзного государства в соответствии с Договором о создании Союзного государства являются:

- 1) обеспечение мирного и демократического развития братских народов, укрепление дружбы, повышение благосостояния и уровня жизни;

2) создание единого экономического пространства для обеспечения социально-экономического развития на основе объединения материального и интеллектуального потенциала государств;

3) неуклонное соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права;

4) проведение согласованной внешней политики и политики в области обороны. В феврале 2009 г. подписан договор о создании единой системы ПВО;

5) формирование единой правовой системы демократического государства;

6) проведение согласованной социальной политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободу развития человека;

7) обеспечение безопасности Союзного государства и осуществление борьбы с преступностью;

8) укрепление мира, безопасности и взаимовыгодного сотрудничества в Европе, в мире и развитие сотрудничества со странами СНГ [4].

Основными идеологическими компонентами Союзного государства являются славянские традиции, коллективизм, приверженность к православной вере, соборность, взаимопомощь в решении социально-политических и военно-стратегических задач.

История союзного строительства зафиксировала: с 2000 г. выполнено 69 союзных программ [8].

Реализация прежних программ позволила заложить хороший фундамент для нынешнего этапа. Стороны сумели наладить широкую кооперацию в самых разных областях промышленности: тракторостроении, автостроении, моторостроении, космической сфере, в развитии сотрудничества регионов обоих государств и др.

Учитывая, что и в Беларуси, и в России социальная политика является приоритетом, Союзное государство намерено выйти на реализацию еще более согласованной политики в этой чувствительной сфере. 18 марта 2022 г. сняты все ограничения на перемещение граждан в рамках Союзного государства. Такие ограничения были введены в связи с пандемией COVID-19. Отменены также и меры санитарно-карантинного контроля.

28 новых отраслевых программ союзного строительства, принятых на заседании Высшего государственного совета 4 ноября 2021 г., можно по праву назвать «новым этапом экономической интеграции», потому что:

- во-первых, новое в том, что они дают старт еще более тесному сотрудничеству, во многом объединяют экономики обеих стран, убирают препоны и недомолвки на этом пути, создают равные унифицированные условия в различных секторах экономики;

- во-вторых, представляют собой своеобразную перезагрузку совместного экономического пространства, нацеленную на более тесную координацию развития;

- в-третьих, союзные программы дают предметные очертания путей активизации белорусско-российской экономической интеграции, по которым наши страны должны пройти примерно за два года. Они конкретизируют и наполняют новым содержанием наше сотрудничество в различных сферах жизни;

- в-четвертых, ценность 28 программ и в том, что они создают механизм оперативного принятия решения. До этого любой вопрос, даже небольшой, требовал

своего решения на Высшем Госсовете. Это усложняло и тормозило процесс интеграции. Теперь такой вопрос должен решаться автоматически в соответствии с четко прописанным в каждой программе механизмом согласования. Это высвобождает Высший Госсовет от рассмотрения массы мелких вопросов и дает возможность сосредоточиться на крупных проблемах, стратегиях развития Союзного государства (см. рис. 2).

Рис. 2. Органы Союзного государства Беларуси и России

Можно предложить ряд предпосылок, обусловивших создание Союзного государства:

1. *Экономические.*

Обеспечение условий для создания единого экономического пространства.

Организационно-правовые формы хозяйствования, процессы распределения, потребления и накопления; законодательная база, регулирующая отношения собственности, передачи и защиты прав собственности.

2. *Социальные.*

Создание условий для решения социальных проблем с помощью ресурсов двух государств – стран-союзниц. Развитие культурно-просветительской политики, историко-патриотического воспитания.

3. *Политические.*

Повышение эффективности государственных институтов власти.

4. *Организационные.*

Организация нормативно-правового регулирования в сфере таможенного законодательства.

Система органов исполнительной власти, обеспечивающих функционирование и развитие национального хозяйства.

Заключение. Таким образом, в настоящее время Союзное государство особое внимание сосредотачивает на таких направлениях интеграции, как налоговая сфера, таможенное сотрудничество, формирование объединенного энергетического рынка, научно-технологического пространства, транспортного сближения.

Очень важным направлением взаимодействия является интеграция в образовательной сфере, что обеспечит равные возможности для граждан стран-союзниц, развитие интеллектуального потенциала. В итоге будет активизирован процесс создания совместных научно-образовательных структур, обеспечивающих подготовку кадров, развитие дефицитных компетенций, генерацию инновационных разработок.

С целью роста конкурентоспособности стран-партнеров необходимо расширять межрегиональное сотрудничество в Союзном государстве, ориентируясь на производственную специализацию и региональный потенциал, развивая и укрепляя человеческий капитал стран-союзниц. Дальнейшие исследования в рамках заявленной тематики будут направлены на выявление предикторов, обуславливающих реализацию комплекса сценариев развития Союзного государства.

Список литературы

1. Абецдарский Л. С., Баранова М. П., Павлова Н. Г. История БССР. Минск, 1970. С. 169.
2. Борьба за Советскую власть в Белоруссии. Т. 2. С. 545.
3. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 02.04.1997 «О Союзе Беларуси и России».
4. Договор о создании Союзного государства. URL: <https://soyuz.by/dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva> (дата обращения: 20.02.2023).
5. Зин Н. В., Миронов В. О. Об истории государственно-правовых отношений Белоруссии и России (1918–1920 гг.) // Государство и право. Юридические науки. 2013. № 7 (103). С. 7–73.
6. Знешняя палітыка Беларусі. Т. 1. С. 243.
7. Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: <https://soyuz.by/> (дата обращения: 25.02.2023).
8. Мезенцев Д. О цифре и фактах // Союз. Беларусь – Россия. 2021. № 44, 25 ноября.
9. Официальный сайт Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации. URL: https://russia.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/sojuz/ (дата обращения: 25.02.2023).
10. Пережогин А. А. Формирование единого миграционного пространства Союзного государства: история и современность // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-edinogo-migratsionnogo-prostranstva-soyuznogo-gosudarstva-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 20.02.2023).
11. Платонов Р., Сташкевич Н. К вопросу о становлении белорусской национальной государственности // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Ч. 2. С. 181.
12. Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев // Официальный сайт Президента Российской Федерации, 12 июля 2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>
13. Тихомиров А. В. Взаимоотношения БССР и РСФСР в 1919–1921 гг.: противоречивое партнерство // Международные отношения. 2003. № 3. С. 46–55.
14. Якубовская С. И. Объединительное движение за образование СССР. М., 1947. С. 66–67.

Авторская справка

КЛИМУК Владимир Владимирович – доцент, кандидат экономических наук, Барановичский государственный университет, Барановичи, Республика Беларусь.

E-mail: klimuk-science@yandex.ru

КУЛАГИН Олег Евгеньевич – доцент, доктор исторических наук, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия.

UDC 316.42; 323.174

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.101

HISTORICAL STAGES AND PREREQUISITES FOR THE CREATION OF THE UNION STATE OF BELARUS AND RUSSIA IN THE CONTEXT OF EFFECTIVE PUBLIC ADMINISTRATION

V. V Klimuk¹, O. E. Kulagin²

¹Baranovich State University, Baranovich (Republic of Belarus)

²Petrozavodsk State University, Petrozavodsk (Russia)

Introduction. The paper presents the historical stages of the creation of the Union State of Belarus and Russia: from the beginning of the establishment of diplomatic relations between Belarus and Russia (1992) to the signing of the treaty on the development of the Union State (1999). The paper actualizes the importance of expanding and deepening the interregional relations of the fraternal nations – Belarus and Russia – in the context of functioning of the Union State model in the field of trade, economic, scientific, technological, social and humanitarian cooperation. Consideration of the stage-by-stage evolution of the creation of the Union State allows to determine the prerequisites for the subsequent stages of development, potential scenarios of development of the Union State and socio-economic growth of the countries-allies. The prerequisites for the creation and development of the Union State predetermine the conditions for effective use of the joint resource potential for the growth of competitiveness of Belarus and Russia.

Methods. The paper uses the methods of extrapolation, historical analysis, structural analysis and system analysis. The analysis of publicly available literary sources, including the scientometric databases eLibrary.ru, Cyberleninka.ru, ResearchGate.net, ScholarGoogle.ru, as well as in the repository of BarSU.

Main ideas of the research, obtained results and their discussion. Vectors of integration in the economic, social sphere between the allied countries are intensifying every year. The main targets of the two countries in the vector of union cooperation are presented in the article, including ensuring peaceful and democratic development of the fraternal peoples; creation of a single economic space, conducting a coordinated foreign and defense policy, formation of a unified legal system, conducting a coordinated social policy, ensuring security of the Union State, strengthening peace, security and mutual cooperation and development of cooperation with friendly countries. The study uses the methods of logical structuring and system analysis. The structure of the governing bodies of the Union State of Belarus and Russia is highlighted, namely: Supreme State Council, Parliament, Council of Ministers, Court, Accounts Chamber. The paper presents an analysis of the implementation of 69 union programs.

Conclusion. The authors have formulated the main objectives of interaction between the partner countries in the Union State, based on the effective use of shared resource potential. The article presents a number of prerequisites for the creation of the Union State: economic, social, political and organizational.

Keywords: historical stages; prerequisites for creation; Union State of Belarus and Russia.

The work was carried out under grant No. 23-28-00853 of the Russian Science Foundation; Competition 2022 "Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by small individual scientific groups"; topic: "Mechanisms of development of complex socio-economic systems in new economic conditions: The Union State of Russia and Belarus; the research sector; higher education and the labour market in the digital economy".

References

1. Abetsedarsky L. S., Baranova M. P., Pavlova N. G. History of the BSSR. Minsk, 1970. P. 169.
2. Struggle for Soviet power in Belarus. Vol. 2. P. 545. (In Russian).
3. The Agreement between the Russian Federation and the Republic of Belarus dated 02.04.1997 "On the Union of Belarus and Russia". (In Russian).
4. The Treaty on the creation of the Union State [Electronic resource]. Available at: <https://soyuz.by/dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva> (accessed 02/20/2023). (In Russian).
5. Zin N. V., Mironov V. O. On the history of state-legal relations between Belarus and Russia (1918–1920). State and Law. Legal sciences. 2013. No. 7 (103). Pp. 7–73. (In Russian).
6. The famous policy of Belarus. Vol. 1. P. 243. (In Belarusian).
7. Information and analytical portal of the Union State. Available at: <https://soyuz.by/> (accessed 02.25.2023). (In Russian).
8. Mezentsev D. About the figure and facts. Soyuz. Belarus – Russia. 2021. No. 44, November 25. (In Russian).
9. Official website of the Embassy of the Republic of Belarus in the Russian Federation. Available at: https://russia.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/sojuz/ (accessed 02.25.2023). (In Russian).
10. Perezhogin A. A. Formation of a single migration space of the Union State: history and modernity. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (64). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-edinogo-migratsionnogo-prostranstva-soyuznogo-gosudarstva-istoriya-i-sovremennost> (accessed 02.20.2023). (In Russian).
11. Platonov R., Stashkevich N. On the question of the formation of the Belarusian national statehood. October 1917 and the fate of the political opposition. Part 2. P. 181. (In Russian).
12. Putin V. V. About the historical unity of Russians and Ukrainians. Official website of the President of the Russian Federation, July 12, 2021. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>. (In Russian).
13. Tikhomirov A. V. The relationship between the BSSR and the RSFSR in 1919–1921: contradictory partnership. International Relations. 2003. No. 3. Pp. 46–55. (In Russian).
14. Yakubovskaya S. I. The Unification movement for the formation of the USSR. Moscow, 1947. Pp. 66–67. (In Russian).

Author's Bio

KLIMUK Vladimir Vladimirovich – Associate Professor, Candidate of Economic Sciences, Baranovich State University, Baranovich, Republic of Belarus.

E-mail: klimuk-science@yandex.ru

KULAGIN Oleg Evgenievich – Associate Professor, Doctor of Historical Sciences, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

Библиографическая ссылка

Климук В. В., Кулагин О. Е. Исторические этапы и предпосылки создания Союзного государства Беларуси и России в контексте эффективного государственного управления // SocioTime / Социальное время. 2022. № 4 (32). С. 101–112. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.101

УДК 392

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.113

ПОЛЯКИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: К ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

М. А. Пилипак

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан

Академии наук Республики Башкортостан, Уфа (Россия)

Введение. В статье рассмотрена история основания и бытования польских сельских населенных пунктов на территории Республики Башкортостан. Первые упоминания о представителях данного этноса в регионе датируются концом XVI в. В основе их массовой миграции лежат политические, экономические и социальные факторы. В целом отмечается 10 этапов переселения. По данным Всероссийской переписи населения 1920 г., в Башреспублике зафиксировано наличие десяти польских поселений.

Методы. В работе применены описательный и сравнительно-исторический методы исследования.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Изучение традиций и культуры малых народов, населяющих Республику Башкортостан, не теряет своей актуальности и на современном этапе исследования, что связано с протекающими ассимиляционными и трансформационными процессами. Историческое взаимодействие коренных тюркских и пришлых славянских народов стало основой формирования этнокультурного образа региона. На основании научной литературы показаны причины и этапы формирования польской диаспоры в крае. Основной информационной базой послужили материалы Национального архива Республики Башкортостан, данные переписей населения 1917 и 1920 гг. и хозяйств 1925 г.

Заключение. По результатам исследования определено число поселений в регионе, отмечается дисперсный характер их размещения. Представлены анализ истории основания польских сельских населенных пунктов, динамика изменения численности домохозяйств, основные виды занятий населения, проведен сопоставительный анализ материального состояния домовладений. Данная статья является базой для дальнейшего исследования взаимодействия народов Башкортостана, их культур и традиций в полиэтничной среде.

Ключевые слова: поляки; Республика Башкортостан; переселение; традиционная культура; перепись населения; архив; населенные пункты.

Введение. По данным исторических источников, первые поляки на территории исследуемого региона появились в конце XVI – начале XVII в. Их пребывание в крае в данный период связано с несением военной службы в образовывавшихся городах и острогах, защитой южных и юго-восточных земель государства от набегов кочевников [1, с. 31]. Позже численность польского населения увеличивалась, в том числе и за счет пленных конфедератов [2], а также ссыльных – участников войны 1812 г., национально-освободительных движений 1820–1830-х гг., 1840–1850-х гг., январского восстания 1863–1864 гг. и революционного движения в конце XIX – начале XX в. Кроме этого, число польского населения в крае пополнялось военнопленными и беженцами в период Первой мировой войны, экономической и крестьян-

янской миграции во второй половине XIX – начале XX в. [3, с. 18-19]. Всего отмечается 10 этапов переселения поляков в пределы края.

Методы исследования. Методологическую основу публикации составляют описательный и сравнительно-исторический методы исследования. Источниковой базой явились материалы переписей населения, данные Федеральной службы государственной статистики.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Тенденция увеличения численности этноса сохранялась вплоть до 1926 г. и составляла 1655 человек [4]. Данными последующих советских переписей населения, включая последнюю, довоенную, зафиксировано снижение их числа. Так, в 1939 г. в республике проживало 1316 поляков [5, с. 28]; в 1959 г. – 1100 чел. [5, с. 29]; в 1970 г. – 980 [5, с. 31]; в 1979 г. – 935 [5, с. 33], а в 1989 г. – 757 [5, с. 35]. По состоянию на 2002 г. в крае проживало 660 [5, с. 39], а в 2010 – 504 поляка [5, с. 50]. Из них 400 на современном этапе являются жителями городов республики.

Вопросы исследования переселения поляков, этапов формирования их диаспоры и ее роли в культурном и общественном развитии региона отражены в публикациях историка-полониста В. В. Латыповой [6; 7; 8; 9]. Ряд трудов, посвященных изучению польского языка и методики его преподавания, подготовлен В. Л. Ибрагимовой [10] и Е. А. Слободян [11]. Культурно-просветительские и педагогические аспекты поляков Башкортостана представлены в трудах М. О. Садыковой [12] и Н. В. Красильниковой [13]. Вместе с этим, несмотря на значительный интерес к изучению польского населения республики, специальных исследований по истории основания и бытования польских сельских населенных пунктов не проводилось.

В ходе исследования выявлено, что в отличие от других славянских народов, расселение которых в пределах Республики Башкортостан имело преимущественно ареальный характер, у поляков размещение поселений было дисперсным. Так, из 10 населенных пунктов, в которых проживали поляки, 4 входили в состав Слаковской волости Белебеевского кантона, 2 относились к Мухамет-Кулеевской волости Аргаяшского кантона (совр. Челябинская обл.), по 1 – в Дмитриевской и Иглинской волостях Уфимского кантона и 1 – в Татышлинской волости Бирского кантона. Помимо этого, к Уфимскому кантону стоит отнести и Вольдзики (Вольдики) – деревню, в которой также проживали поляки, однако вошедшую в перечень населенных пунктов Башкортостана, как литовская [14, с. 191].

Достаточно скудную информацию удалось найти по польским населенным пунктам Аргаяшского кантона. Так, Вишневский хутор, по данным переписи 1920 г., входил в состав Мухамет-Кулеевской волости. В 13 дворах проживал 91 чел. – поляки и русские. К 1925 г. число хозяйств увеличилось до 17 [14, с. 18]. К этой же волости относился польско-русский квартал Протяженский [14, с. 18]. В нем пере-

писями 1920 и 1925 гг. зафиксировано наличие 12 дворов, общее число жителей составляло 70 человек.

Наибольшее количество – 4 населенных пункта, в которых жили поляки, было в Слаковской волости Белебеевского кантона. По состоянию на 1920 г. в Верниковском хуторе [14, с. 54] насчитывалось 10 дворов с населением 46 человек. По национальному составу хутор был моноэтническим – польским. В 1925 г. количество хозяйств уменьшилось до 9.

На польском хуторе Витко этой же волости переписью 1920 г. зафиксировано наличие одного двора, в котором проживали 7 человек. В 1926 г. хозяйств было уже два. Несколько противоречивую информацию о количестве домовладений в данном населенном пункте удалось найти в материалах Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи, по данным которой уже в 1917 г. было два двора [15, Л. 30-31 об]. Оба хозяева – Витко – в подворных карточках переписи в графе «национальность» записаны как «велик.» (великоросс – М. П.), а в графе «сословие домохозяина» – «поляк». Первому из жителей хутора Витко Иосифу Иосифовичу было 39 лет. Кроме него, в состав семьи включены двое рабочих мужчин 18 лет, и прислуга – женщина 22 лет. Хозяйкой второго имения обозначена Т. Е. Витко 35 лет, у которой, кроме троих детей, в карточке переписи также указаны двое рабочих – мужчины 40 лет.

Судя по имеющейся в деле информации, основным занятием жителей хутора было земледелие. И. И. Витко принадлежали 80, а Т. Е. Витко – 75 десятин земли. Анализ архивных данных показал, что весь сельскохозяйственный инвентарь был приобретен ими в складчину. Так, при возделывании почвы использовался однолемешный железный плуг. Зерновые культуры засевали с помощью сеялки, а скашивали жнейкой. Кроме того, в их собственности была веялка, с помощью которой зерно отделяли от мякины. Также для переработки продукции животноводства, а именно молока, использовали сепаратор.

Второстепенную роль у польских переселенцев занимало скотоводство. Так, в хозяйстве И. И. Витко было 8, а у Т. Е. Витко – 9 лошадей, их использовали в качестве основной тягловой силы. Также в каждом имении переписью зафиксировано наличие довольно большого количества крупного и мелкого рогатого скота.

Оба хозяина применяли четырехпольную систему севооборота. Из злаковых сеяли озимую рожь, овес и ячмень, часть земли была под паром. Информация о выращивании ими технических культур в данных Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. не отражена.

Хутор Каминский [14, с. 54] Слаковской волости Белебеевского кантона в 1920 г. состоял из одного двора, в котором проживало 12 поляков. В 1925 г. переписью зафиксировано 5 хозяйств.

Поселок Маркаш в данных переписи населения 1920 г. указан как двуэтнический – украинско-польский [14, с. 54], однако в ходе анализа данных переписи 1917 г.

выявлено, что все 9 хозяев домовладений записаны украинцами. Лишь у троих есть отличительные признаки, свойственные польским фамилиям, а именно окончания на -ский/-цкий: Ружицкий [16, Л. 5], Дулецкий [16, Л. 8], Буяжский [17, Л. 10]. Возможно, ввиду недоброжелательной атмосферы в отношении польского населения в данный период или по другим причинам, эти хозяева зачислили себя украинцами. Стоит отметить, что в поселке Маркаш, как и на хуторе Витко, жители занимались земледелием и скотоводством, однако размеры земельных наделов и количество используемого сельскохозяйственного инвентаря у них были в разы меньше. Соответственно, они не прибегали к помощи наемных рабочих.

На север от Уфы, в пределах Бирского кантона, ранее существовал польский разъезд Бикбарда [14, с. 102], в котором в 1925 г. было одно домохозяйство. Информация о численном составе данного населенного пункта отсутствует.

Хутор Польского товарищества, по данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., входил в состав Дмитриевской волости Уфимского кантона [17]. Стоит отметить, что в материале дела род данного населенного пункта указан в нескольких вариантах: на титульном листе как село, на следующих двух страницах – поселок, а в переписных карточках – хутор. Преобладающей национальностью в нем выступали поляки: из 11 домохозяйств 7 принадлежали им. Также на хуторе проживали русские. Общее число населения составляло 74 человека. Как и в других польских поселениях, жители Польского товарищества занимались земледелием и скотоводством. Наибольший земельный надел у некоторых собственников варьируется в пределах 30 десятин. В 5 польских хозяйствах переписью зафиксировано наличие наемных «поденных» и «сдельных» рабочих. Кроме выращивания традиционных злаковых культур, они возделывали картофель и лен. К 1920 г. в 12 дворах здесь проживало 68 человек. В 1925 г. число хозяйств возросло до 16.

По материалам переписи 1925 г., наличие польских населенных пунктов зафиксировано также и в Иглинской волости Уфимского кантона, а именно казарма 664-й версты северо-западной железной дороги [14, с. 199]. Преобладающей национальностью в ней выступали поляки, однако их количество не отражено.

В селе Вольдики [14, с. 191] Дмитриевской волости по состоянию на 1925 г. в 11 дворах проживало 78 человек. К 1925 г. число хозяйств возросло до 13. Поляки в Вольдиках также занимались земледелием и скотоводством. По данным переписи 1917 г., в их собственности было 43 лошади. Из крупного рогатого скота держали лошадей, из мелкого – овец. Выращивали рожь, овес, просо, гречку, горох и картофель.

Заключение. Таким образом, по материалам Национального архива Республики Башкортостан, в пределах Уфимской губернии зафиксировано 10 сельских населенных пунктов, в которых проживали поляки, из них: 6 были моноэтничными, 2 –

польско-русскими, 1 – украинско-польский. Двухэтничным также можно считать и село Волядзики, в котором, по данным списка населенных пунктов Башкортостана, преобладающей национальностью выступали литовцы.

Большинство польских хуторов прекратили свое существование в период коллективизации единоличных крестьянских хозяйств. Польские села, в связи с проводимой политикой укрупнения поселений, исчезли в 1970-е гг. Их жители переселялись в соседние села, районные центры и города республики.

Список литературы

1. Латыпова В. В. Поляки на Южном Урале (XVII – начало XX века): очерки историко-культурного наследия. Уфа, 2010. 138 с.
2. Игнатьев Р. Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М. И. Роднов. Т. IX: 1883–1886 годы; работы разных лет. [Электронный ресурс]. Уфа, 2013. 460 с.
3. Латыпова В. В. Поляки на Южном Урале (XVII – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996. 21 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Башкирская АССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=772 (дата обращения: 18.10.2022).
5. Народы Башкортостана в переписях населения: в 2 ч. Ч. I. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Уфа: Китап, 2016. 332 с.
6. Латыпова В. В. Поляки на Урале // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край: материалы научной конференции. Челябинск, 1993. С. 13–14.
7. Латыпова В. В. Поляки в Башкортостане (XVII – XVIII века): краткий исторический очерк // Башкирский край. Вып. 5. Уфа, 1994. С. 3–17.
8. Латыпова В. В. Ссылные поляки на Южном Урале в XVII – XIX веках // Оренбургской губернии – 250 лет (проблемы истории и культуры): тезисы докладов и сообщений исследователей Башкортостана на конференции, посвященной 250-летию Оренбургской губернии. Уфа, БГУ, 1994. С. 43–46.
9. Латыпова В. В. Поляки в Башкортостане: страницы истории // Культурное наследие славянских народов: тезисы докладов научно-практической республиканской конференции. Т. 1. Уфа, 28–29 мая 1996 г. С. 37–40.
10. Ибрагимова В. Л., Киселёва Л. А. Польский язык в контексте филологического образования в Башкирском государственном университете // Изучение польского языка в России и русского языка в Польше: опыт, проблемы, перспективы: сборник материалов Международной очно-заочной конференции (г. Уфа, 20 мая 2021 г.) / отв. ред. О. П. Касимова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 106–112.
11. Слободян Е. А. Об одном фрагменте поля зрительного восприятия в русском и польском языках // Актуальные проблемы лингвистики. Юбилейный сборник в честь Почетного академика АН РБ Л. М. Васильева и Заслуженного деятеля науки РБ З. П. Здобновой. Уфа, 2002. С. 221–224.
12. Садыкова М. Поляки Башкортостана // Вагандаш. 2017. № 10. С. 173–179.
13. Красильникова Н. В. Обучение школьников подвижным польским играм как одна из особенностей культурно-просветительской деятельности национальной польской воскресной школы им. А. П. Пенькевича // Россия и Польша: Полоника в этнокультурном пространстве: сборник материалов Международной заочной научно-практической конференции. Уфа: Виртуал, 2007. 164 с.
14. Населенные пункты Башкортостана. Ч. III. Башреспублика, 1926. Уфа: Китап, 2002. 400 с.
15. Подворные карточки Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года

по Белебеевскому уезду Трунтаишевской волости хутора: Александровка, Беликова, Забатурина, Зайцева, Карамбали Куликовский, при д. Маркаш, Ургатау, Хрусталева // ГКУ Национальный архив Республики Башкортостан (ГКУ НА РБ). Ф. Р-473, Оп. № 1, Д.1478. Л. 1–46 об.

16. Подворные карточки Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по Белебеевскому уезду Трунтаишевской волости п. Маркаш // ГКУ НА РБ. Ф. Р-473, Оп. № 1, Д.1465. Л. 1–11 об.

17. Подворные карточки Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по Уфимскому уезду Дмитриевской волости с. Польский // ГКУ НА РБ. Ф. Р-473, Оп. № 1, Д.4854. Л. 1–11 об.

Авторская справка

ПИЛИПАК Максим Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан», АН РБ, Уфа, Россия.
E-mail: pilipakma@isi-rb.ru

UDC 392

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.113

POLES OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: ON THE HISTORY OF THE FOUNDING OF RURAL SETTLEMENTS

M. A. Pilipak

State Autonomous Scientific establishment "Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan" of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa (Russia)

Introduction. The publication examines the history of the foundation and existence of Polish rural settlements on the territory of the Republic of Bashkortostan. The first mention of representatives of this ethnic group in the region dates back to the end of the XVI century. Their mass migration is based on political, economic and social factors. In general, there are 10 stages of resettlement. According to the All-Russian population census of 1920, the presence of 10 Polish settlements was recorded in the Republic of Bashkortostan.

Methods. The paper uses descriptive and comparative-historical research methods.

Results. The study of the traditions and culture of small peoples inhabiting the Republic of Bashkortostan does not lose its relevance at the present stage of research, which is associated with ongoing assimilation and transformation processes. The historical interaction of the indigenous Turkic and alien Slavic peoples became the basis for the formation of the ethno-cultural image of the region. Based on the scientific literature, the reasons and stages of the formation of the Polish diaspora in the region are shown. The main information base was the materials of the National Archive of the Republic of Bashkortostan, data from the population censuses of 1917 and 1920 and households in 1925.

Conclusion. According to the results of the study, the number of settlements in the region is determined, the dispersed nature of their placement is noted. The analysis of the history of the foundation of Polish rural settlements, the dynamics of changes in the number of households, the main types of occupations of the population is presented, a comparative analysis of the material condition of households is carried out. This

article is the basis for further research of the interaction of the peoples of Bashkortostan, their cultures and traditions in a multiethnic environment.

Keywords: Poles; Republic of Bashkortostan; resettlement; traditional culture; population census; archive; settlements.

References

1. Latypova V. V. Poljaki na Juzhnom Urale (XVII – nachalo XX veka), Ocherki istoriko-kul'turnogo nasledija [Poles in the Southern Urals (XVII – early XX century) Essays on historical and cultural heritage]. Ufa, 2010, 138 p. (In Russ.).
2. Ignat'ev R. G. Sobranie sochinenij (ufimskij i orenburgskij period) [Collected works (Ufa and Orenburg period)]. Sostavitel' M. I. Rodnov. T. IX: 1883–1886 gody; raboty raznyh let [Jelektronnyj resurs]. Ufa, 2013. 460 p. (In Russ.).
3. Latypova V. V. Poljaki na Juzhnom Urale (XVII – nachalo XX v.) [Poles in the Southern Urals (XVII – early XX century)]. Avtoreferat diss. kand. ist. nauk. Sant Petersburg, 1996. 21 p. (In Russ.).
4. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 goda. Nacional'nyj sostav naselenija po regionam RSFSR. Bashkirskaja ASSR [The All-Union Population Census of 1926. The national composition of the population by regions of the RSFSR. Bashkir ASSR]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=772 (accessed 18.10.2022). (In Russ.).
5. Narody Bashkortostana v perepisjah naselenija [The peoples of Bashkortostan in the population censuses]. V 2 ch. Ch. I. Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike Bashkortostan. Ufa, Kitap, 2016, 332 p. (In Russ.).
6. Latypova V. V. Poljaki na Urale [Poles in the Urals]. Ivan Ivanovich Nepljuev i Juzhno-Ural'skij kraj. *Materialy nauchnoj konferencii*. Cheljabinsk, 1993. Pp. 13–14. (In Russ.).
7. Latypova V. V. Poljaki v Bashkortostane (XVII – XVIII veka): Kratkij istoricheskij ocherk [Poles in Bashkortostan (XVII – XVIII centuries): A brief historical sketch]. Bashkirskij kraj. Edition 5. Ufa, 1994. Pp. 3–17. (In Russ.).
8. Latypova V. V. Ssyl'nye poljaki na Juzhnom Urale v XVII – XIX vekah [Exiled Poles in the Southern Urals in the XVII – XIX centuries]. Orenburgskij gubernii – 250 let. (Problemy istorii i kul'tury): Tezisy dokladov i soobshhenij issledovatelej Bashkortostana na konferencii posvjashhennoj 250-letiju Orenburgskoj gubernii. Ufa, BGU, 1994. Pp. 43–46. (In Russ.).
9. Latypova V. V. Poljaki v Bashkortostane: stranicy istorii [Poles in Bashkortostan: pages of history]. Kul'turnoe nasledie slavyanskich narodov. Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy respublikanskoj konferencii. Vol. 1. Ufa, May 28–29, 1996. Pp. 37–40. (In Russ.).
10. Ibragimova V. L., Kiseljova L. A. Pol'skij jazyk v kontekste filologicheskogo obrazovanija v Bashkirskom gosudarstvennom universitete [Polish in the context of Philological education at Bashkir State University]. Izuchenie pol'skogo jazyka v Rossii i russkogo jazyka v Pol'she: opyt, problemy, perspektivy: *sbornik materialov Mezhdunarodnoj ochno-zaochnoj konferencii* (Ufa, May 20, 2021). Otv. red. O. P. Kasymova. Ufa, RIC BashGU, 2021. Pp. 106–112. (In Russ.).
11. Slobodjan E. A. Ob odnom fragmente polja zritel'nogo vosprijatija v russkom i pol'skom jazykah [About one fragment of the field of visual perception in Russian and Polish]. Aktual'nye problemy lingvistiki. Jubilejnyj sbornik v chest' Pochetnogo akademika AN RB L. M. Vasil'eva i Zaslužennogo dejatelja nauki RB Z. P. Zdobnovoj. Ufa, 2002. Pp. 221–224. (In Russ.).
12. Sadykova M. Poljaki Bashkortostana [Poles of Bashkortostan]. Vatandash. 2017. No. 10. Pp. 173–179. (In Russ.).
13. Krasil'nikova N. V. Obuchenie shkol'nikov podvizhnym pol'skim igram kak odna iz osobennostej

kul'turno-prosvetitel'skoj dejatel'nosti nacional'noj pol'skoj voskresnoj shkoly im. A. P. Pen'kevicha [Teaching mobile Polish games to schoolchildren as one of the features of Cultural and Educational Activities of the National Polish Sunday School named after A. P. Penkevich]. Rossiya i Pol'sha: Polonika v jetnokul'turnom prostranstve: *sbornik materialov Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Ufa, Virtual, 2007. 164 p. (In Russ.).

14. Naseennye punkty Bashkortostana. Ch. III. Bashrespublika, 1926 [Settlements of Bashkortostan. P. III. Bash Republic 1926]. Ufa, Kitap, 2002. 400 p. (In Russ.).

15. Podvornye kartochki vserossijskoj sel'skhozajstvennoj i pozemel'noj perepisi 1917 goda po Belebевskomu uezdu Truntaishevskoj volosti hutora: Aleksandrovka, Belikova, Zabaturina, Zajceva, Karambali Kulikovskij, pri d. Markash, Urtatau, Hrustaleva [Household cards of the All-Russian agricultural and land census of 1917 in the Belebeyevsky district of the Truntaishevsky parish of the farm: Alexandrovka, Belikova, Zabaturina, Zaitseva, Karambali Kulikovskij, at the village of Markash, Urtatau, Khrustaleva]. GКУ Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (GКУ NA RB). F. R-473, Op. no. 1, D.1478. L. 1–46 ob. (In Russ.).

16. Podvornye kartochki vserossijskoj sel'skhozajstvennoj i pozemel'noj perepisi 1917 goda po Belebевskomu uezdu Truntaishevskoj volosti p. Markash [Household cards of the All-Russian agricultural and land census of 1917 in the Belebeyevsky district of the Truntaishevsky parish of P. Markash]. GКУ NA RB. F. R-473, Op. no. 1, D.1465. L. 1–11 ob. (In Russ.).

17. Podvornye kartochki vserossijskoj sel'skhozajstvennoj i pozemel'noj perepisi 1917 goda po Ufimskomu uezdu Dmitrievskoj volosti s. Pol'skij [Household cards of the All-Russian agricultural and land census of 1917 in the Ufa district of Dmitrievskaya volost of the village of Polsky]. GКУ NA RB. F. R-473, Op. no. 1, D.4854. L. 1–11 ob. (In Russ.).

Author's Bio

PILIPAK Maksim Anatol'evich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the SASI "Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan", ASRB, Ufa, Russia.

E-mail: pilipakma@isi-rb.ru

Библиографическая ссылка

Пилипак М. А. Поляки Республики Башкортостан: к истории основания сельских поселений // SocioTime / Социальное время. 2022. № 4 (32). С. 113–120. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.113

ПОДГОТОВКА И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Журнал «SocioTime / Социальное время» – это научный, междисциплинарный, рецензируемый аналитический журнал современного социально-гуманитарного знания в области актуальных проблем развития человека и общества.

1. Общая информация. В журнале «SocioTime / Социальное время» публикуются статьи, отличающиеся научной новизной, теоретической и практической значимостью. Авторами статей могут быть учёные-исследователи, кандидаты и доктора наук, преподаватели, аспиранты и соискатели высших учебных заведений и академических институтов России и зарубежных стран, а также исследователи-практики. Принимаются не опубликованные ранее научные статьи и дискуссионные материалы научного характера.

Не допускается направление в редакцию статей, уже опубликованных или отправленных в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет отозвана из печати. Редакция принимает к публикации материалы на русском или английском языках по темам трёх основных рубрик журнала (философия, социология и история).

Особое внимание следует уделить качеству перевода.

2. Требования к оформлению и содержанию статей

2.1. Общие технические требования:

- УДК (UDC) указывается в верхнем левом углу статьи;
- инициалы и фамилия автора статьи, место и город работы или учёбы приводятся на русском и английском языках;
- аннотация статьи (200 – 250 слов), ключевые слова (5 – 10 слов) оформляются на русском и английском языках 9-м кеглем;
- текст статьи объёмом 0,4 – 1,0 авторского листа (16 – 40 тысяч знаков, включая пробелы) оформляется в редакторе Word (шрифт Times New Roman, кегль 11, одинарный интервал) в формате А4. Подписуточные надписи, таблицы набираются 9-м кеглем. Рисунки представляются в тексте и отдельно в формате jpeg. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте статьи;
- ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;
- список использованной литературы на языке издания (кегль 9) помещается в конце текста и оформляется по мере изложения ссылок в тексте статьи;
- транслитерация литературных источников (*References*) осуществляется с использованием сайта <https://translit.ru/> следующим образом: авторы (транслитерация); перевод названия статьи в транслитерированном варианте; перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках; название источника (транслитерация и перевод на английский язык (в квадратных скобках)); выходные данные с обозначениями на английском языке;
- сведения об авторах на русском и английском языках (кегль 9): Ф.И.О. полностью, учёная степень, звание, должность, место работы или учёбы, почтовый адрес, телефон для связи, E-mail.

2.2. Требования к содержанию и структуре статьи

Аннотация – краткое изложение содержания статьи. В ней должны быть чётко обозначены следующие элементы:

- *Введение (Introduction)*;
- *Методы (Methods)*;
- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение (Results)*;
- *Заключение (Conclusion)*.

Ключевые слова – основные понятия, раскрывающие содержание статьи.

Структура статьи:

- *Введение*: цель, задачи, актуальность исследования, постановка проблемы, история вопроса, обзор основных исследований и публикаций, на которые опирается автор, современные взгляды на проблему, нерешённые вопросы и т. д.;

- *Методы исследования*: методы и подходы (эмпирические и теоретические), использованные в исследовании; организация и ход исследования.

- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение*: изложение основных идей исследования; обобщение и обсуждение его результатов; выводы и рекомендации для дальнейших исследований, вытекающие из работы;

- *Заключение*: теоретическая и практическая значимость полученных результатов; основные направления для дальнейших исследований в этой области.

Список использованных источников оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008. Ссылаться желательно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включённых в глобальные индексы цитирования. Рекомендуется использовать 10 – 30 источников, из них публикаций за последние 5 лет должно быть не менее 5, иностранных источников – 3–5. Следует указать DOI или адрес доступа в Интернете.

3. Список материалов, подаваемых в редакцию в бумажном и электронном видах:

- заявление автора на имя главного редактора;
- текст статьи;
- рекомендация научного руководителя (для аспирантов и соискателей);
- справка о проверке статьи на «Антиплагиат» (к изданию допускаются статьи с оригинальностью текста **не менее 80 %**).

4. Порядок рассмотрения рукописи. Рукопись должна соответствовать требованиям, указанным в пунктах 1 – 3. Рукопись может быть возвращена автору с замечаниями для доработки. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта. Материалы, оформленные не по требованиям журнала, не рассматриваются.

5. Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования и архив журнала представлены на сайте журнала «SocioTime / Социальное время»: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net

Телефон редакции (главного редактора) 8(8362)68-60-40.

PREPARATION AND PROCEDURE FOR ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

"**SocioTime / Social Time**" is a scientific, interdisciplinary, peer-reviewed analytical journal of modern social and humanitarian knowledge in the field of urgent problems of human and society development.

1. **General information.** The journal "SocioTime / Social Time" publishes articles that are distinguished by their scientific novelty, theoretical and practical significance. Authors of articles can be scientists, researchers, candidates and doctors of science, teachers, graduate students and applicants from higher educational institutions and academic institutes from Russia or abroad, as well as practical researchers. Manuscripts should not contain substantial elements of material that has been published or accepted for publication elsewhere.

In case of discovery of the manuscript in several editions, the published article will be withdrawn from print. The editors accept for publication materials in Russian or English on the topics of three main sections of the journal (philosophy, sociology and history).

Special attention should be paid to the quality of the translation. The translation should be conducted by a native English speaker, written in high-quality English.

2. Requirements to the manuscript design

2.1. General requirements:

- Classification symbols Universal Decimal Classification (UDC) (upper left corner);
- The initials and surname of the author, in Russian and English (centered, font size 10);
- Abstracts of articles in Russian and English (200–250 words, justification page, font size 9);
- Keywords (no more than 5–10, font size 9);
- The manuscript 7–16 pages (16–40 thousand characters, including spaces) in A4 format, including figures, tables and graphs. The text is made in the editor Word (font Times New Roman, size 11, single spaced). The images should be referenced;
- References in the text in square brackets in accordance with the requirements;
- List of references in the language of publication (font size 9) at the end of the text and in order of references in the text of the article;
- Transliteration of literary sources (References) is carried out using the site <https://translit.ru/> as follows: authors (transliteration); translation of the title of the article in a transliterated version; translation of the title of the article into English in square brackets; source name (transliteration, italics); output with designations in English;
- Information about the authors in Russian and English (font size 9): Full name, degree, position, place of work or study with a mailing address, tel. and E-mail.

2.2. Requirements for the content and structure of the article (main elements of the article)

Abstract (200–250 words) – summary of the content of the article. It should clearly indicate the following components:

- Introduction: purpose, relevance, problem statement;
- Methods: methods and approaches used by the author in the study;
- The main ideas of the study, the results obtained and their discussion (Results);

- Conclusion: theoretical and practical significance of the research results.

Keywords (5–10 words) reflect the main provisions, achievements, results, terminology of scientific research.

The structure of the manuscript is as follows:

- *Introduction*: purpose, objectives, relevance of the study, problem statement, background, overview of the main studies and publications on which the author relies, modern views on the problem, unresolved issues, etc.;

- *Research methods*: methods and approaches (empirical and theoretical) used in the study; organization and progress of the study;

- *The main ideas of the study, the results obtained and their discussion*: presentation of the main ideas of the study; generalization and discussion of its results; conclusions and recommendations for further research arising from the work;

- *Conclusion*: theoretical and practical significance of the results; guidelines for further research in this area.

The list of sources used is drawn up in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5–2008. It is advisable to refer primarily to original sources from scientific journals included in global citation indices. It is recommended to use 10–30 sources, of which there should be at least 5 publications over the past 5 years, 3–5 foreign sources. You must provide a DOI or Internet access address. Sources in foreign languages are given in the original.

3. Materials shall be sent:

- The author's statement addressed to the editor;
- The manuscript;
- Recommendation of the supervisor (for students);
- Certificate on checking the article in the "AntiPlagiat" system (articles with original text of **at least 80 %** are allowed to be published).

4. The review process and publication decision. The manuscript must meet the requirements specified in paragraphs 1–3. The manuscript can be returned to the author with comments for revision. After receiving the revised text, the manuscript is again considered by the editorial board. The date of receipt of the article shall be the date of receipt of the final edited version of the article. Materials that are not designed according to the requirements of the journal are not considered.

5. Requirements to the manuscript design, examples of the documents, the review process and electronic versions of the journal are presented on the website: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net

Tel. (Editor in Chief) 8(8362)68-60-40.